

А Л Ь М А Н А Х

А Л Ь М А Н А Х

в ы п у с к в т о р о й

АСТА SAMIZDATICA /

Записки о самиздате

АСТА SAMIZDATICA / ЗАПИСКИ О САМИЗДАТЕ

Издано при поддержке фонда
«Энерго»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ,
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
«МЕМОРИАЛ»

АСТА SAMIZDATICA/

Записки о самиздате

А Л Ь М А Н А Х

Выпуск второй

Москва

ГПИБ России — Международный Мемориал

2015

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)63-4+63.3(2)Рос-4

- A19** **Acta samizdatica / Записки о самиздате:** альманах: вып. 2(3) / сост. Е. Н. Струкова, Б. И. Беленкин, при участии Г. Г. Суперфина; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». — М., 2015. — с. .

ISBN 978-5-85209-366-0

ISBN 978-5-9902341-2-3

Во втором выпуске альманаха собраны работы исследователей самиздата и пограничных сюжетов новейшей истории, связанных с распространением неофициальной информации в СССР.

Издание рассчитано на специалистов в области новейшей истории, архивоведения, библиотечного дела, а также на широкий круг читателей.

Настоящее издание продолжает серию «Acta samizdatica / Записки о самиздате» (2012–2013).

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)63-4+63.3(2)Рос-4

ISBN 978-5-85209-366-0

ISBN 978-5-9902341-2-3

© ГПИБ России, 2015

© Международный Мемориал, 2015

Содержание

От составителей5

Часть 1. К постановке проблемы

Сокращенная стенограмма заседания
Круглого стола (3 марта 2014 г.):
«Что такое самиздат?» 10

Часть 2. На заре самиздата: что сохранили архивы

Савенко Елена. Ранний самиздат Сибири
(1920-е — 1930-е гг.) 39

Беленкин Борис. Неподцензурные тексты,
размножавшиеся и распространявшиеся
группами левой оппозиции в СССР (1927–1929)
в архиве ФСБ РФ 53

Часть 3. Пути изданий и издателей

Поликовская Людмила. Судьбы поэтов «Маяковки» 76

Гордеева Ирина. «Свобода: журнал Системы»:
из истории пацифистского самиздата в России 90

Зыкова Галина, Пенская Елена. Источники текстов
Е. Л. Кропивницкого в собраниях Вс. Н. Некрасова
и В. Т. Стигнеева: Авторские машинописные сборники
Д. А. Пригова 1970-х гг. в собрании Вс. Н. Некрасова:
редакции, не совпадающие с редакциями венского
четырёхтомника 106

Рублев Дмитрий. Алексей Хавин: Судьба автора
и распространителя самиздата 116

Часть 4. Параллельная культура

Житенев Александр. Художественная критика
в ленинградском самиздате 1970-х — 1980-х гг. 141

<i>Семенов-Басин Илья.</i> «Ситуация» — альманах группы московских художников.....	158
<i>Кизевальтер Георгий.</i> Самиздат как средство выживания для неофициальных художников	168

Часть 5. На перепутье

<i>Цурганов Юрий.</i> О Московской независимой общественной библиотеке (МНОБ)	176
<i>Поселягин Николай.</i> Неофициальная периодика в Таллинне в эпоху Перестройки	186
<i>Висенс Льюма Лая.</i> На пути к власти: трансформация неформальной печати в партийную прессу на примере изданий ЛДПР	204

Часть 5. «На запад» от Союза: хроники оппозиции

<i>Заславская Ольга.</i> Неподцензурная печать в странах Восточной Европы: становление самиздата и тамиздата	218
<i>Стыкалин Александр.</i> Венгерский самиздат 1950-х — 1980-х гг. в широком общественно-историческом контексте	263

Приложение

<i>Ефимова Полина.</i> Деятельность секты АУМ Синрикэ в России в начале 1990-х гг.: по материалам коллекции листовок ГПИБ России	305
---	-----

Хроника	319
----------------------	-----

От составителей

Что такое самиздат? Казалось бы, праздный вопрос! Всем известно, это сочинения, распространявшиеся подпольно — перепечатанные на машинке, размноженные на ротапринтере, позже — с помощью ксерокса. Стихи Гумилева и Мандельштама, сочинения Солженицына, открытые письма академика Сахарова... Словом, свободная литература и свободная мысль, прорывавшиеся в годы советской власти вопреки цензуре. Следовательно, с момента ослабления цензуры необходимость в самиздате отпадает — и он исчезает сам собой, «как сон, как утренний туман». Тема может быть закрыта, перенесена в архив?

Именно так и сочли многие историки. Однако сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки России и Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» взглянули на проблему шире — как на **исторический феномен и важнейшее социокультурное явление**. И чтобы доказать это общественности, создали альманах «Acta samizdatica», который призван не только сохранить для истории документы — свидетельства исчезающей на глазах эпохи, но и предоставить трибуну для размышлений, споров, исследований.

Альманах выходит с 2012 года, и перед вами третий выпуск — и формируется он в том числе по материалам конференций и круглых столов, которые в течение последних лет совместно организуют Государственная публичная историческая библиотека и Международный Мемориал. В ходе научных дискуссий, на мероприятиях выявились очень важные, ключевые моменты. Анализируя тематику самиздата, мы можем увидеть границы, которые государство очерчивало в те или иные годы для общества.

В настоящем выпуске альманаха представлены как материалы, касающиеся проблем, уже рассматривавшихся в предыдущих номерах, так и те, в которых вопросы, связанные с самиздатом, ставятся по-новому и разговор переводится в принципиально иную плоскость.

По традиции выпуск открывается рубрикой **«К постановке проблемы»**, где публикуются спорные, полемические материалы. В данном случае составители сочли уместным представить в рубрике стенограмму Круглого стола, посвященного вопросу «Что такое самиздат?», вопросу, который поднимается, казалось бы, уже не в первый раз.

Как выяснилось, даже люди, много лет собирающие и исследующие самиздат, не готовы дать этому явлению однозначную дефиницию. Круглый стол состоялся в «Мемориале» 3 марта 2014 г. и стал важным событием для специалистов, в круг интересов которых входит изучение истории инакомыслия, самиздата и цензуры. В дискуссии приняло участие 15 человек. Мы решили представить вашему вниманию шесть, как нам показалось, наиболее значимых выступлений: Бориса Дубина, Николая Котрелева, Александра Даниэля, Габриэля Суперфина, Михаила Афанасьева и Вячеслава Игрунова. Их сообщения не только углубили рассматриваемую тему, но и высветили неожиданные грани изучаемого явления. Несомненным прогрессом следует считать сформулированный в ходе Круглого стола постулат: при анализе самиздатской литературы принципиально важны не только стандартные текстологический, библиографический, археографический анализ, но и весь пласт информации, касающийся **бытования текста**: его создания, истории и географии распространения, а также истории связанных с этим текстом репрессий.

Рубрика **«На заре самиздата: что сохранили архивы»** включает в себя два доклада секции «Самиздат до самиздата», проходившей в рамках конференции «Самиздат: эпохи, тексты, судьбы» 26–27 июня 2014 г. Обе статьи — результат кропотливых архивных изысканий и серьезного

научного анализа эпохи на основе найденных документов. Статья Елены Савенко посвящена раннему самиздату Сибири: неподцензурным листовкам и периодическим изданиям первых советских десятилетий и истории истребления свободомыслия. Борис Беленкин вводит в научный оборот нелегальные издания левой оппозиции в СССР из архива ЦА ФСБ.

Напомним, что вопрос о том, правомерно ли считать самиздатом издания, выходившие существенно раньше «классического самиздата», был поставлен во втором выпуске «Acta samizdatica» в статье Ирины Гордеевой «Самиздат толстовцев 1920–1930-х годов». В новом выпуске альманаха Гордеева продолжает тему исследования малотиражной пацифистской литературы. На этот раз ее статья посвящена истории издания хиппи 1980-х «Свобода: журнал Системы». Эта статья открывает рубрику **«Пути изданий и издателей»**, в которой также опубликованы материалы Дмитрия Рублева о судьбе автора и распространителя самиздата, Галины Зыковой и Елены Пенской о поисках и находках в личных архивах Вс. Некрасова и В. Стигнеева и Людмилы Поликовской о судьбах поэтов «Маяковки».

Отметим, что все представленные работы являются продолжением авторских исследований. Так, статья Людмилы Поликовской стала, по сути, полноценным послесловием к ее книге «Мы предчувствие, предтеча...» (Поликовская Л. Мы предчувствие... предтеча...: Площадь Маяковского, 1958–1965. М.: Звенья, 1997). Галина Зыкова и Елена Пенская в 2013 г. опубликовали сборники Вс. Некрасова, ранее распространявшиеся в самиздате (Некрасов Вс., Авторский самиздат 1961–1976, М.: Совпадение, 2013). И, наконец, Дмитрий Рублев в своей статье развивает ранее начатую тему – историю ленинградского журнала «Перспектива».

Традиционным направлением альманаха являются исследования культурного андеграунда советского периода.

В первом номере они нашли отражение в работах Ольги Суриковой о журнале «Сфинксы» и Валентины Паризи о журнале «ЛОБ». В этом выпуске в рубрике **«Параллельная культура»** Георгий Кизевальтер рассказывает о знаменитых «папках МАНИ», Илья Семенович-Басин — о не менее известном журнале московских художников «Ситуация». Несколько особняком стоит такая тема, как художественная критика в самиздате — ей посвящена статья Александра Житенева.

В рубрике **«На перепутье»** мы собрали материалы, посвященные событиям, происходившим во время и после Перестройки. Так, Юрий Цурганов, активный участник создания и распространения самиздата, рассказывает о Московской независимой общественной библиотеке. Статья Николая Поселягина посвящена периодической печати Балтии в эпоху Перестройки. Круг интересов Лаи Висенс Льюма — путь превращения листовок и нерегулярных изданий в периодику: она показывает эту трансформацию на примере ЛДПР.

Самиздату Восточной Европы посвящена рубрика **«На запад от Союза: хроники оппозиции»**, включающая статьи Ольги Заславской и Александра Стыкалина. Ольга Заславская исследует кросскультурные процессы, коснувшиеся восточноевропейского самиздата и тамиздата: они принципиально отличались от истории советской нелегальной литературы. А. Стыкалин подробно излагает историю венгерского самиздата.

Наконец, в Приложении **«Лихие девяностые»** вы найдете статью Полины Ефимовой, посвященную реконструкции деятельности секты АУМ Синрике на материалах листовок из Фонда нетрадиционной печати ГПИБ России. Работу Ефимовой мы публикуем не только как интересный материал, но и как приглашение к сотрудничеству, адресованное студенческой аудитории: редакция альманаха заинтересована в появлении новых молодых авторов.

Выпуск альманаха завершает «Хроника» — краткий отчет о событиях, связанных с изучением самиздата (конференции, семинары, круглые столы, выставки и др.), организаторами которых выступали ГПИБ России и Международный Мемориал, проходивших при непосредственном участии редакции альманаха «Acta samizdatica» в период 2011–2015 гг.

В заключение — коротко о том, чего вы, к сожалению, не найдете в данном выпуске и чего нам самим тут не хватает, о том, что мы надеемся видеть на страницах альманаха в скором будущем.

В этом выпуске не представлена тема религиозного самиздата, несмотря на то что в рамках международной конференции «Самиздат: эпохи, тексты, судьбы» работала специальная секция, посвященная ей. Увы, яркие и интересные сообщения не были представлены к публикации. Напомним, что в предыдущих выпусках этот сюжет получил отражение в статьях Алексея Макарова и Н. Котрелева.

Вы не найдете тут ставших традиционными «Публикаций», но, на наш взгляд, их отсутствие вполне компенсируют статьи активных участников самиздата — И. Семененко-Басина, Ю. Цурганова, Г. Кизевальтера. Личные воспоминания — колоссальный ресурс, мы готовы к сотрудничеству и с удовольствием опубликуем новые материалы. (Еще раз хотелось бы обратиться к архивистам: коллеги, мы будем рады предоставить вам слово, для архивных исследований и находок в нашем альманахе всегда найдется место!)

Мы упорно, но, увы, безуспешно пытались получить материалы о еврейском самиздате в СССР. Не оставляя надежду все же раскрыть эту тему, хотим подчеркнуть, что нас очень интересует национальный самиздат в республиках СССР...

Надеемся, в следующем выпуске некоторые из указанных пробелов нам удастся восполнить.

Часть 1. К постановке проблемы

Стенограмма Круглого стола «Что такое самиздат» 3 марта 2014 г., Международный Мемориал (публикуется в сокращении)

Вопросы для обсуждения:

- Самиздат — это явление политическое или/и социокультурное, явление конкретной эпохи или обновляемая в разные времена практика?
- Отличие самиздатского документа от самиздатского текста.
- Технологии изготовления самиздата (самиздатского документа).
- Способы распространения.
- Когда текст становится самиздатом?

И другие.

Основные выступающие: Александр Даниэль, Николай Котрелев, Габриэль Суперфин, Михаил Афанасьев, Вячеслав Игрунов.

Модератор: Борис Дубин.

В дискуссии также приняли участие: Борис Беленкин, Геннадий Кузовкин, Алексей Макаров, Ирина Новиченко, Ольга Розенблюм, Дмитрий Рублев, Елена Струкова, Ольгерта Харитонова и др.

Борис Дубин: Историки рассматривают самиздат с социологической, исторической, археологической и многих других точек зрения. Но есть люди, для которых самиздат оказался просто частью их жизни, причем частью весьма значительной. И сегодня на круглом столе про-

звучат выступления именно таких людей — тех, кто печатался в самиздате, возглавлял самиздат, распространял его. И, конечно, пытался осознать самиздат как явление. Вот как раз результатами своих размышлений они сегодня и поделятся. Обсуждайте, друзья, задавайте вопросы, а они непременно возникнут: ведь никто из нас не знает, с чем пришли сюда коллеги, мы не заверяли ни одно выступление. Мы лишь обозначили круг проблем, которые хотим здесь поднять, — и в обсуждении этих проблем я прошу принять самое активное участие каждого. Нам с вами сейчас важно если не ответить на все вопросы, то хотя бы часть из них затронуть, наша задача — обозначить все грани темы самиздата.

Николай Котрелев:

Так уж получается, что моя речь вводная, хотя это не планировалось. Более того, я прошу не слишком жестко ограничивать меня во времени: тот материал, который я вспомнил, сопоставил, свел, в пять минут не уложится.

Итак, самиздат. Интуитивно все мы более-менее понимаем, о чем речь: о текстах, которые перепечатывали на машинке, размножали на ксероксе, раздавали друг другу подпольно и так далее. Зачем, собственно, давать ту или иную дефиницию, так ли уж необходимо точное определение? Перечитайте многолетние споры о том, как называть явление в изобразительном искусстве, принципиально родственное — об этом я еще скажу — самиздату? То ли это «другое искусство», то ли «андеграунд», то ли «нон-конформизм», то ли... Каждый участник этих дискуссий вносит что-то свое: предлагает разобраться в этимологии терминов, уточняет те или иные нюансы, а в результате за несколько десятилетий никакого определения так и не найдено. Точно так же и с самиздатом: если посмотреть не только два этих очень дельных и нужных номера журнала¹.

¹ Речь идет об альманахе «Acta samizdatica».

но и другую литературу, станет ясно: точного определения нет. Явление есть, журналы, посвященные этому явлению, существуют — может, и без определения обойдемся?

Нет! Есть ряд важных вопросов, связанных с самиздатом, которые требуют точного и четкого подхода, невозможного без столь же точной дефиниции. Эти вопросы связаны, прежде всего, с историческим осмыслением, а значит, с препарированием, так сказать, с подготовкой предметного стекла. Чем мы, собственно, сейчас с вами и занимаемся: мы собрались, чтобы разобраться, что относить к самиздату, как рассматривать те или иные явления в самиздате и, главное, как относиться к ряду общественных и исторических явлений, порожденных самиздатом. Для того чтобы ответить на эти вопросы, на мой взгляд, необходимо возможно более строгое, буквально формализованное описание как можно большего количества предметов, явлений, процессов, действий в самиздате. Только тогда станет ясным круг вопросов, которые надо решить. И только при сравнении разных описаний, разных аспектов жизни в самиздате будет понятно, что для самиздата специфично, а что не типично.

Простой пример. Вот здесь, в первом номере, описывается библиотека самиздата, и, к слову, фигурируют тексты, которые, может быть, к самиздату вовсе не относятся. А что означает «описание библиотеки»? Ведь библиотека как учреждение, институция — это одно, а библиотека как фонд — это другое, и описания будут принципиально разными: речь пойдет о различных явлениях — хотя при слове «библиотека» у всех появляются примерно одинаковые ассоциации. Так и с самиздатом...

Прежде всего, он существует в некоем сообществе людей в определенном пространстве. Это пространство не только географическое, но и коммуникационное, в нем идут информационные процессы. А как, собственно говоря, в безграничном информационном процессе — глобальном, СССРовском или любом другом — очертить границы

самиздата? По моему убеждению, никакие материальные особенности предметов, порожденных самиздатом, не позволят вычленил самиздат из всего пространства даже просто советской культуры 50-х — 80-х годов. Допустим, мы бы взяли самый яркий штрих самиздатской литературы — малотиражность. Условие, как говорится, необходимое, но недостаточное: история мировой культуры знает парадоксы, когда книга печаталась в одном или в двух экземплярах. Например, «Майн кампф» была напечатана в одном экземпляре², а в Италии в XIII–XIX веках была такая мода, даже традиция: на свадьбу жениху и невесте дарили тексты, напечатанные на разноцветной бумаге. Это могли быть специально сочиненные поздравления, а могли быть стихи Данте Алигьери или критические сочинения, сделанные лучшими тогдашними филологами. Как вы понимаете, существовал этот свадебный подарок в единственном экземпляре.

Что, кроме малого тиража, отличает самиздат? Производство — в Союзе подпольная литература существовала без высокой печати. Зато в Польше сравнительно широко использовали типографии для издания неподцензурных текстов. Еще пример: «Тысяча и одна ночь» печаталась в «Академии», но в несколько экземпляров вставляли страницы, напечатанные типографским способом, с выброшенными цензурой элементами.

Качество бумаги, рукописность, использование ксерокса или машинописи также не являются отличительными чертами самиздата. Возможно, ключевым отличием следует считать каналы информации, по которым распространяется самиздат? Но и тут нас ждет подвох. Допустим, можно утверждать, что театр, радио и телевидение закрыты для самиздата? И снова нет: известны случаи самиздатского, неподконтрольного, незарегистрированного

² О таком экземпляре упоминается в фильме Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм».

радио, да и на сценических подмостках проходили представления, которые были сродни самиздату и которые нужно рассматривать в рамках этой культуры. Следовательно, исключить можно одно только телевидение.

Давайте попробуем сосредоточиться на другом: существенно важным следует признать живой контакт автора, издателя, распространителя и потребителя самиздата. Я имею в виду не только печатные тексты, но и «звучащий» самиздат — например, «Маяковку» 60-х годов, различные встречи авторов неподцензурных текстов, идей, теорий со слушателями. Так, Григорий Соломонович Померанц прочел множество лекций: он встречался с публикой, говорил, импровизировал, читал тексты, эссе, которые потом отдавал в тамиздат. Бывали, так сказать, парасамиздатские явления: паломничества на выступления Аверинцева или Мамардашвили.

Кроме того, существенно важно понимать средство вербального самиздата с невербальной культурой, прежде всего, с изобразительным искусством. Потому что ничем не отличаются выставка Зверева, Яковлева, выставка в клубе «Дружба», квартирные выставки от циркуляции в обществе текстов, которые мы называем самиздатом. Тем более что на стыке вербальных и невербальных текстов рождается прямой контакт с аудиторией. Вспомним «Веселых ребят» Доброхотовой–Пятницкого, которые распространялись как в ксероксах с рисунками замечательного художника, так и в «вырожденном» виде: просто «анекдоты про Пушкина». То есть перед нами — единое информационное поле, а не участки, разгороженные глухими заборами.

То же следует сказать и об аудиовизуальном пространстве. Ведь атомной бомбой, которая взорвала советскую культуру, стал магнитофон, а не печатная машинка. Многажды перепечатанные на машинке тексты ходили по рукам, конечно, влияли на умы и души — но все же, увы, погоды не делали. И тут — магнитофон, возмож-

ность мгновенного распространения неподцензурного слова! При этом, замечу, магнитофоны очень быстро стали вполне доступны широкой публике. Магнитофон был едва ли не в каждой семье, и контролировать «магнитофонную деятельность» было практически невозможно — тогда как пишущие машинки имелись лишь у отдельных граждан, а на тех, что стояли в учреждениях, много опасных текстов не напечатаете. Я помню времена, когда работал в Библиотеке иностранной литературы; так вот, пишущую машинку в праздничные дни нужно было убирать под стол, чтобы кто-нибудь в окно не заметил средство для размножения текстов и не воспользовался. Магнитофон же ни от кого не требовали прятать. Ну и, конечно, песни, записанные на магнитных лентах, гораздо ярче и сильнее воздействовали на слушателя, чем просто напечатанный текст. К слову, предшественником магнитофона следует считать знаменитые «ребрышки», под которые танцевали все 40–50-е годы: это очень интересный и даже красивый материал для толстой книжки с картинками.

Видите, сколько самых разных явлений нам приходится анализировать, чтобы понять, что же такое самиздат. Однако давайте сейчас сосредоточимся вот на чем: самиздат как форма бытования текста существует в зоне (sic!) государственного книгоиздательства. Государственное книгоиздательство — сфера юридически точно очерченная, есть закон о государственной книгоиздательской деятельности, и, следовательно, имеются способы карать за нарушение этого закона. Более того, о самиздате можно говорить только в обществе, в котором издательская деятельность четко регламентирована: требуется лицензия на книгоиздательство, существует цензура и так далее. Иными словами, о неподцензурной литературе можно рассуждать только в стране, где существует цензура, и касается это не только книг, но и периодической прессы.

Я сказал, что магнитофон в известном смысле взорвал советский строй. А следующей бомбой оказался ксе-

рокс: куда до него скромной печатной машинке! Неподцензурные тексты стало возможно тиражировать мгновенно и в куда больших объемах, хотя каждый учрежденческий ксерокс, разумеется, был на учете, и доступ к нему имели лишь избранные. Тем не менее, люди находили возможность использовать это чудо техники для нужд самиздата.

В принципе, ксерокс был придуман для сферы учрежденного документооборота — впрочем, все предшествующие множительные техники человечество создавало для него же. Конторский и производственный, любой документооборот требует множительной техники — и в Советском Союзе для этих нужд закупалось немало аппаратуры. Доходило и до использования высокой печати: мне приходилось держать в руках подобные внутриведомственные издания — скажем, во время войны была выпущена такая вот книжка, секретная, только для участников офицерских заседаний. И большой вопрос, следует ли считать подобные брошюры фактом самиздата.

Еще один важный момент: самиздат и личная переписка. Да, многие письма ходили в самиздате — но далеко не каждое письмо, простите за тривиальный пример, Сахарова к Боннэр есть самиздат. Это их личная жизнь. Тем не менее, кое-что из личной переписки, случалось, попадало в чужие руки, тщательно перепечатывалось — и без ведома автора отправлялось в анонимное плавание, пополняя собой пласт самиздата.

Личной перепиской дело, разумеется, не ограничивается: есть ведь еще и переписка деловая. Допустим, тот же Андрей Дмитриевич Сахаров в письмах к коллеге делится мнениями, они спорят, что-то обсуждают. И сколько бы текстов Сахарова ни ходило в самиздате, эти письма к самиздату никак не отнесешь, даже если кто-то вздумает их распространять.

И, наконец, когда ваш покорный слуга делает ксероксы текстов, нужных для научной работы, такие копии —

тоже не самиздат, даже если я это делаю из-под полы, даже если плачу оператору за то, чтобы он сделал мне копию с журнала с соловьевской статьей. Это карается, но это не самиздат. Значит, необходимо сосредоточиться на проблеме участия в процессе автора, издателя, распространителя и потребителя. То есть того, кто *написал*, того, кто *тиражировал*, того, кто тираж *распространил*, и того, кто тираж *получил*.

Существенно важно, что самиздат лучше всего определяется в плоскости юридической и экономической. В сфере юридической самиздат — это публикации, сделанные вопреки тем ограничениям, которые наложены властью на распространение информации. К сожалению, или к счастью иной раз, в советское время эти ограничения были сформулированы очень плохо: не имелось точного определения, что такое «антисоветчина» и какой текст следует считать антисоветским. Понятие «антисоветский» оказалось весьма растяжимым: сегодня за эту статейку, за эту рукопись тебя могут посадить, а завтра могут и не посадить — всего лишь пожурят, послезавтра и вовсе не замстят, зато через неделю снова «похолодает», и гайки начнут закручивать, признавая антисоветским вчера еще невинный текст.

Что касается экономической сферы, важно отметить следующее: самиздат — это анонимное распространение текста, никто не знает имени человека, перепечатавшего на машинке или отксерившего данную книгу. То есть мы имеем дело с капиталистическим подходом, обезличивающим предмет — листовку, брошюру, книгу, — отрывающим его от автора. Это и есть признак настоящего и «сам-», и «-издата».

Ну, а описание самиздатских текстов, безусловно, должно совершаться на основе стандартных документов: необходимы библиографическое и археографическое описание (тут понятия более размытые; я всегда считал, что археографию нужно приравнять к стандартам библиогра-

фического описания, а не наоборот). И еще я должен заметить следующее: для самиздатского текста принципиально важна седьмая область библиографического описания — примечания. Они, увы, не формализованы, и задача собирающих и описывающих самиздат — формализовать те аспекты их предметов, которые отражаются в примечаниях.

Александр Даниэль: Знаете, удивительное дело, но почти со всем, что сказал Николай Всеволодович, я согласен. У нас практически не оказалось точек для полемики. Прежде всего, мне очень близок его подход. Я глубоко убежден, что дефиниция в данном случае — вопрос определяющий для исследователя, собирателя, архивиста.

На мой взгляд, пафос выступления Николая Всеволодовича — в том, что мы определяем, как он выразился, не самиздат, а «жизнь в самиздате», то есть *бытование текста*. Это крайне важный момент — ведь получается, что именно сфера бытования текста позволит нам отличить самиздат от любого иного документа.

Но все же есть моменты, в которых мы расходимся. Например, юридическая плоскость, о которой упоминал Николай Всеволодович, на мой взгляд, не слишком подходящий инструмент для разграничения самиздата и не самиздата. Прежде всего, как он сам признал, в советском праве понятие антисоветского сформулировано скверно. Даже если мы махнем рукой на отсутствие четкого определения «антисоветчины» и просто положимся на интуицию, которая весьма быстро способна отделить просоветское от антисоветского, мы все равно столкнемся с тем, что в подцензурной печати появлялись такие тексты, которые по части «антисоветскости» дали бы сто очков вперед любому самиздату! Достаточно назвать, например, публикацию Белинкова в «Байкале» из книги о Юрии Олеше или прозу Константина Воробьева: казалось бы, прямой вызов советской власти — а она за милую душу

в течение десятилетий издавалась. Словом, юридический аспект не работает.

Быть может, стоит опереться на такое явление, как библиотека самиздата? В эти собрания уж точно не могли затесаться случайные книги, брошюры, листовки, туда попадали только тщательно отобранные тексты. Вот, кстати, напротив меня сидит Вячеслав Игрунов — один из организаторов подобной библиотеки в Одессе. Я высоко ценю профессионализм и опыт Вячеслава и, тем не менее, не убежден, что сам факт присутствия в его библиотеке того или иного текста может являться основанием причисления текста к самиздату. Слишком уж размыто понятие самиздата, как мы с вами сейчас убеждаемся.

И вообще: на мой взгляд, дело не в том, что написано в тексте, а в том, как он распространяется.

Ну а что касается вопроса о бытовании текста, мне представляется очень важным следующий момент: можно разграничить самиздат и не самиздат на основании способа тиражирования. Существует факт самопроизвольного тиражирования текста, порой даже независимо от воли автора — и это, несомненно, признак самиздата. Заметьте, коллеги, я говорю о способе тиражирования, то есть распространения, а не о тираже как таковом. Замечательный историк книги, ныне, к сожалению, покойный, Юрий Яковлевич Герчук когда-то сказал мне, что, по его мнению, тираж самиздата — это одна машинописная закладка. Я читаю, что Герчук не просто высказал крайне интересную мысль, он сформулировал настоящий закон самиздата! На самом деле, публикация самиздатского текста — это факт его перепечатки один раз. Следующие перепечатки — уже *переиздания*. Поэтому говорить о тиражах можно, только пытаясь оценить совокупность первоначальных изданий и переизданий.

Теперь давайте подумаем о том, что такое самиздат — это явление конкретной эпохи или возобновляемая в разные времена практика? Самиздат возникает только в ситуа-

ции, когда существует официальный способ книгоиздания и издания прессы, но для ряда произведений этот способ недоступен. То есть самиздат — всегда альтернатива.

Я не берусь судить, можно ли называть самиздатом рукописные копии пушкинской эпохи, распространявшиеся подпольно. Вопрос не в этом. Вопрос в том, насколько общество *осознавало* этот механизм как альтернативу подцензурному книгопечатанию. Если осознавало, значит, перед нами — несомненный самиздат. И все же тут сам собой встает вопрос о масштабности явления: не так уж много текстов в начале XIX века ходило в списках...

Напомню, что само слово «самиздат» появилось в 1944 году — с легкой руки Глазкова, придумавшего слово «самсебяздат». Во второй половине 50-х явление стало настолько масштабным, что потребовалось название — тогда-то и пошел гулять глазковский неологизм, редуцировавшейся до слова «самиздат».

Обозначив момент появления самоназвания, мы должны определить и момент институционализации этого явления, момент осознания его в качестве альтернативы Госиздату. Я бы сказал, что это 1959–1960 годы: создание Александром Гинзбургом поэтического альманаха «Синтаксис». В этом издании имеется целый ряд признаков, которые указывают на осознанную альтернативу Госиздату: периодичность, титульный лист с оформлением, ну и вызывающая, декларированная легальность. Некий альтернативный культурный механизм — вот что это такое.

Основное отличие самиздата от Госиздата более или менее понятно, а вот технологии распространения — совершенно разные: однократный тираж в официальной подцензурной литературе и многократная репликация текста любыми способами — конечно же, в неподцензурном распространении.

Более сложной, как мне кажется, является проблема разграничения самиздата от смежных явлений, похожих на самиздат, но самиздатом не являющихся. Николай

Всеволодович упомянул «Веселых ребят» Доброхотовой-Майковой и Пятницкого — да, это очень сложное пограничное явление, потому что в своем первоначальном виде — с замечательными рисунками — это, конечно, не было самиздатом: ведь рисунки не тиражируются. Разве что фотоспособом — но это многократно суживает возможную аудиторию, да и делать фотокопии довольно проблематично.

Реплика из зала: А ксерокс?

Александр Даниэль: Не было тогда ксерокса! Не было! Пишущая машинка — и ни ксероксов, ни принтеров...

Кстати, в этом, на мой взгляд, принципиальное отличие самиздата от очень родственного ему явления — андеграунда, допустим, от лианозовских выставок: они не тиражируются. И мне кажется, что вот эта принципиальная нетиражируемость неофициального визуального искусства отделяет его от самиздата, выводит в особую, самостоятельную область.

Да, конечно, можно вспомнить, например, гравюры Сидура, которые распространялись в самиздате. И вновь — вопрос: если мы предположили, что «родовой» чертой самиздата является возможность неконтролируемого автором, самопроизвольного распространения материала, то сидуровские гравюры выпадают из темы: они делаются с доски, которая находится в распоряжении автора, следовательно, только с его согласия могут расходиться по миру. Поэтому, говоря о самиздате, я бы все-таки ограничился вербальными артефактами и аудиоматериалами.

Опираясь на факт самопроизвольного распространения, я поставил бы под сомнение, является ли самиздатом кружковая литература. Это очень интересное явление: то тут, то там возникали небольшие замкнутые группы людей, создавались подпольные кружки. Члены такой группировки писали некие рефераты, нередко находили,

перепечатывали и распространяли в своем кругу какие-то подпольные статьи о положении в советской экономике... Казалось бы, чистый самиздат! Но обратите внимание: за рамки замкнутого сообщества подобные перепечатки не выходили, да и о самопроизвольном распространении тут речь не идет. Но, может быть, надо расширить понятие самиздата до такого вот однократного явления? Согласитесь, есть над чем подумать.

Еще один интересный пример несанкционированных изданий — альбомная литература. Например, можно ли считать самиздатом знаменитую «Чукоккалу»?

Габриэль Суперфин: Это вопрос?

Александр Даниэль: Конечно! И к публике, к вам, Габриэль Гаврилович, к вам, Николай Всеволодович, ко всем. Я бы, например, ответил отрицательно: «Чукоккала» — не самиздат именно в силу его принципиальной нетиражируемости. Сколько бы людей ни читали «Чукоккалу», она существовала — и могла существовать! — в одном-единственном экземпляре, да еще и постоянно дополнялась, разрасталась.

Тут прозвучала мысль о том, что самиздат — это живая связь между производителем и потребителем. Не согласен, я бы сказал, что самиздат — это процесс: сам читаю, сам перепечатываю, сам раздаю приятелям. Тут нет места фигуре производителя и потребителя, разве что в однократном акте тиражирования. Это может быть сказано и о самиздатском тексте, и о самиздатском документе — именно процесс стирает грань между производителем и потребителем.

И, наконец, последнее разграничение: отличие самиздатского документа от самиздатского текста. Мне кажется, тут все довольно просто. Самиздатский документ, на мой взгляд — это документ архивного хранения и в качестве такового должен описываться стандартными архивными

способами, как всегда настаивает Габриэль Гаврилович Суперфин, включая археографию. Вот это я особенно подчеркиваю: обязательно включая археографию! Я же знаю, как Суперфин доставал в свое время бременскую полицию требованием провести криминологический анализ сверки различных документов из архива Forschungsstelle Osteuropa, чтобы установить, на одной пишущей машинке напечатаны эти тексты или на двух разных, а если на двух разных, то одна это закладка или две разных.

Габриэль Суперфин: Я не помню!

Александр Даниэль: А я помню! Да, конечно археография крайне важна для архивного документа. Что же касается самиздатского текста, то здесь уместно опираться на классическое библиографическое описание. Как минимум, для того, чтобы к этому тексту можно было составить библиографическую справку. Кстати, хочется отметить присутствующего здесь исследователя самиздата Геннадия Кузовкина, который очень настойчиво и успешно составляет подобные справки, проделывая титаническую работу. Почему эта работа необходима? Да потому, что для самиздатского текста особенно важна биография. Не автора, а именно текста! Я бы назвал ее анкетной биографией текста. Разумеется, таковая существует у любого текста, не только самиздатского: у него есть автор (или авторы), место написания, дата написания и так далее. Но дальше официально изданный текст начинает спокойное плавание по официально же проложенному руслу, а вот с текстом самиздатским происходят интересные вещи — именно в процессе его самиздатского бытования. Ну, например, в один прекрасный день его у кого-нибудь забирают на обыске. Или в другой прекрасный день его предъявляют кому-нибудь в качестве обвинения и квалифицируют по такой-то статье Уголовного кодекса. В третий прекрасный день его вдруг публикуют за рубежом. И так далее, и тому

подобное. То есть у самиздатского текста есть биография, которая может состоять из набора эпизодов, а сами эти эпизоды устанавливаются на основании исторических источников, как это делает Геннадий Кузовкин, опираясь на «Хронику текущих событий»: составляет вот такие биографии текстов. Я понимаю, что такого рода биографические эпизоды могут быть и у не самиздатских текстов, но для них это довольно экзотический вариант. А вот для самиздатского текста это типично.

Таким образом, я бы сформулировал, что требуется работа по двум одинаково важным направлениям. Во-первых, необходимо изучение самиздата как массива материалов, собранных в архивах: архивное описание каждого самиздатского документа. А во-вторых, библиографическое описание каждого самиздатского текста — обязательно с добавлением биографии текста, извлеченной из исторических источников. Таков, на мой взгляд, путь к изучению нашего предмета.

Николай Котрелев: Александр Юльевич, что значит описание *текста*? Текст может быть описан только так или иначе зафиксированный, даже если это устный текст, то и он должен пройти какую-то фиксацию. Таким образом, я, честно говоря, просто не понимаю, что такое самиздатский текст.

Александр Даниэль: Описание — это нормальная библиографическая цитация: автор, название, дата написания, время написания минус данные об официальных тиражах, плюс, повторяю, биография текста.

Николай Котрелев: Но это описание многих документов, сведенных воедино. То есть первичное описание документа, а остальное — история рецепции текста, история бытования текста, история распространения текста. Что же получается: исчезает само понятие текста! Ведь,

собственно говоря, текстологии самиздатского текста не существует: невозможно сравнение версий и так далее. Существует только регистрация такого-то количества таких-то воспроизведений, то есть такого-то количества документов.

Александр Даниэль: Я не отрицаю важность текстологического описания.

Борис Дубин: Я предоставляю слово последнему из официально заявленных выступающих — Габриэлю Гавриловичу Суперфину. Он, к слову, подпадает под классическое определение деятеля самиздата, который, как говорил Владимир Буковский, сам изготавливает, сам распространяет, сам сидит за то, что распространял, и наконец, потом, уже совсем в другие времена, сам собирает, регистрирует, описывает, изучает и так далее. Вот про все эти ипостаси Габриэль Гаврилович, я надеюсь, за двадцать минут сумеет нам рассказать.

Габриэль Суперфин: Я хочу поделиться опытом архивирования самиздата в условиях западного архивохранилища. В Бремене довольно жесткие представления о самиздате как о неподцензурной литературе 50-х — середины 80-х годов. Передо мной как архивистом стояла задача преодолеть шаблонное мышление; прежде всего, нужно было показать, что невозможно исследовать самиздат без архивирования всего, что существует вокруг самого текста, — вплоть до самиздатской кухни. В общем, необходимо исследовать и зафиксировать, как производится тот самый текст, который мы именуем архивным самиздатским документом.

Я решил ограничиться только Российской империей и СССР. Прицельно интересовался самиздатом 20–30-х годов и текстами, распространявшимися в лагерях. В лагерях политических, разумеется. Я искал, какие сборнички

стихов репродуцировались, передавались из рук в руки. Например, пытался выяснить, какие стихи Мандельштама распространялись в лагерях до 1956 года? Некоторые утверждали, что в лагере ходил текст его стихов «Мы живем, под собою не чуя страны». Документально это никак не подтверждалось — и, увы, не подтверждено до сих пор. И все же, если попадалась списочная литература XIX века, я с удовольствием вводил документ в архив. Здесь прозвучало мнение, что подобные тексты самиздатом считать нельзя, но я не согласен: рукописная копия, которая передавалась подпольно, имеет собственную интереснейшую историю — ведь она пришла к читателю за много десятилетий до момента, когда, наконец, произведение было официально издано. Чем же это не самиздат — тот же полный текст «Горя от ума»?

Как видите, мы снова и снова сталкиваемся с вопросом о границах понятия «самиздат». Хочу напомнить историю Натальи Горбаневской, королевы самиздата — красиво сказано, вы не находите? Она по приезде в эмиграцию начала чуть ли не судебное разбирательство с издательством «Посев» насчет копирайтов на самиздатские тексты³. И, кажется, выиграла его, доказав, что границы самиздата проходят ровно по государственной границе, а на Западе действуют копирайт и авторская воля, следовательно, несанкционированное распространение рукописей недопустимо.

Мне понравилась мысль о том, что альбомная литература может выступать в роли зачаточной формы самиздата. Почему? По важнейшему признаку — неподцензурности. Возьмите альбомную литературу, гимназические издания, такую специфически женскую сферу, как собрания кулинарных рецептов. Почему не считать рецепты самиздатом? Переписывали, передавали друг другу, ни у кого разрешения не спрашивали — и именно в таких рукопис-

³ В 1969 г. «Посев» издал сборник стихов Горбаневской без ее согласия.

ных рецептах, ходивших из рук в руки, сохранились способы приготовления блюд XVI века, шутка ли! Я вполне склонен и эти формы бытования текстов представить как предвестие самиздата. Да, это не сознательная альтернатива официальным изданиям, но это самодеятельность, а именно самодеятельность лежит в основе самиздата. И такая самодеятельность — тоже один из элементов будущей институализованной самиздатской деятельности.

Александр Даниэль: Я правильно понимаю, что Вы считаете все собрание Forschungsstelle Osteuropa⁴ самиздатом?

Габриэль Суперфин: Нет, ни в коем случае.

Александр Даниэль: Бывает, конечно, что переписка приобретает признаки самиздата. Например, «Переписка из двух углов»; «Переписка между членами Приютинского братства»⁵. Об этом говорил Николай Всеволодович, и мне очень понравился термин «парасамиздат». Кстати, «парасамиздат» есть такой специальный независимый фонд в собрании. Так что получается следующее: собирать подобные тексты, безусловно, надо, но столь же необходимо выделять среди них те, которые мы готовы называть самиздатом.

Что же касается переписки... Сколь бы интересной и злободневной она ни была, она остается всего лишь личной перепиской или кружковой литературой, пока не попала в каналы распространения самиздата. Хороший пример — черновик копелевской статьи о возможной реабилитации Сталина. Пока черновик оставался у автора — это

⁴ Исследовательский Центр Восточной Европы при Бременском университете.

⁵ Дружеский кружок единомышленников — В.И. Вернадский, братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, А.А. Корнилов и др. — 1880-х — фактически до 1920-х гг.).

было его творчество, и только. Будучи даже единожды перепечатан и отдан кому-то для прочтения — становится документом самиздата и открывает в его истории новую страницу. То есть существенно важен момент издания: копирования, размножения, передачи. В этом случае и возникает коммуникация.

Габриэль Суперфин: Совершенно верно.

Борис Дубин: Спасибо, Габриэль Гаврилович. Перед тем, как мы перейдем к следующим выступлениям, я хочу воспользоваться положением модератора и слегка подогреть дискуссию. Сам я сравнительно мало печатался в самиздате, только в самой ранней юности, поэтому на собственный опыт сослаться не буду, зато вполне могу опереться на свой опыт исследователя самиздата: я много лет изучаю это явление как книговед и библиотековед, поскольку огромную часть жизни проработал в библиотеках и в Книжной палате. С другой стороны, я изучал самиздат как социолог — с точки зрения социологии это интереснейший материал. И, наконец, я сужу о самиздате как современник этого явления: начиная с 1960 года я все больше и больше читал тексты, которые не издавались официально, причем ни в советской, ни в царской России. И могу свидетельствовать: в самиздате было всё. Просто всё: философия, экономика, религия, литература, секс, кулинария, уфология, астрология, хиромантия — все что хотите. Это был второй мир, и это принципиально. Потому что самиздат — хотим мы того или нет — конституируется тем, что есть инстанция, претендующая на монополию в книгоиздании. Если такая инстанция есть, все, что идет ей в обход, является самиздатом. И, на мой взгляд, это — первый признак самиздата.

Второй признак, об этом выступающие тоже сегодня говорили, — такие тексты должны быть предназначены для распространения. Я все-таки думаю, что девичьи те-

традки, в которые переписываются стихи, или дембельские альбомы, куда тоже много чего вносится, не стоит относить к самиздату. В крайнем случае, я перенес бы их в область приграничных феноменов, не попадающих в основное поле.

Иначе говоря, с позиций социологии меня интересует самиздат как некоторая альтернатива монополии и — что, может быть, еще важнее — как феномен самоорганизации общества, совершенно выродившегося, по крайней мере, в области культуры. И дело не только в том, что через самиздат практически возвращается великая литература XX века, да и не только его. Именно в рамках самиздата создаются и по его каналам идут в мир уникальные произведения, которые никаким иным образом не могли бы попасть к читателю. Повторю: они не просто тиражируются самиздатом, самиздат их порождает, они могли быть созданы и создавались лишь в его пространстве!

И, наконец, третий момент, который представляется мне культурологически самым тонким и интересным. На примере самиздата мы видим не только отделение текста от автора — в этом как раз нет ничего оригинального, любая книга, будучи издана, отделяется от автора и начинает собственное существование, обретает свою судьбу. Мы видим процесс *бытования текста*. Сегодня все мы пользуемся интернетом и «читалками» и понимаем, что это не книга и что чем дальше, тем больше мы будем читать не книги, а тексты. Так вот, самиздатская практика стала, рискну сказать, репетицией этого уникального явления новейшей истории. Ведь в самиздате тексты отделились не только от автора, они отделились от книг. Что, собственно, сегодня и происходит — но уже как глобальный процесс.

Обратите внимание: самиздат был бы невозможен без новых технологий, новой аппаратуры для записывания и распространения текстов: магнитофон, ксерокс, фотокопия, литографский камень и так далее, и так да-

лее. В современном мире набирает обороты удивительный процесс отделения всего от всего: текста от автора, текста от книги, реального книжного собрания от электронной библиотеки. Чего стоит, например, возможность собирать библиотеку прямо в своей «читалке»: складывать книги, сортировать их по вкусу, выкидывать надоевшие, поддерживать порядок на виртуальной книжной полке! А ведь все названное — фазы и стадии целостного культурно-коммуникативного процесса, уводящего человечество от книги к тексту.

Так уж получилось, что на наших глазах этот процесс заканчивается. Всё: сегодня мы видим исчезновение книги. Конечно, мы можем унести книгу в пещеру, выстроить ей храм, молиться... Можем искренне горевать о духовном оскудении мира, лишённого бумажной книги. Ситуация от этого не изменится: книги больше никогда не будет в том виде, в котором она существовала до второй половины XX века. Эта эпоха завершилась — мы тому свидетели. И одним из знаков «начала конца» — и одновременно начала преобразования мира, как ни странно, оказался феномен самиздата. Тогда, в 60-е, это совершенно не осознавалось, а сейчас становится явственнее день ото дня.

Михаил Афанасьев: Итак, что такое самиздат? Это продукт неподцензурного тиражирования, предназначенный для распространения среди неопределённого и неограниченного круга лиц. И что чрезвычайно интересно для меня — хотя тема, быть может, несколько уводит от самиздата, — это появление текста без книги. Я это формулирую так. Мы возвращаемся — или входим? — в эпоху черновика. То есть в ситуацию, когда идея сразу может быть записана и сразу доставлена адресату. И все великие посредники — редактор, издатель, распространитель — оказываются не у дел. Как и критики, кстати.

Ну, а самиздат данную ситуацию как раз и породил: он мог существовать исключительно вне подобной струк-

туры, без нее и вопреки ей. То есть самиздат — это, конечно же, изданный черновик.

Но прошу обратить внимание на еще один ключевой момент: становится все менее важной роль автора! Конечно, в ряде случаев необходимо знать, кто именно написал тот или иной текст, разумеется, к ходившим в самиздате сочинениям Солженицына относились с трепетом — но кто поручится, что машинистка, перепечатававшая его труды, что-то не сократила, не изменила по собственному вкусу, не подредактировала? И следующий человек, севший за пишущую машинку, не привнес в текст Александра Исаевича нечто свое заветное? Могло такое быть? Сколько угодно. Тем более что в сфере политического самиздата не было равнодушных и безыдейных.

Ну а если вспомнить гораздо более древние времена, то Дионисий Ареопagit появился исключительно потому, что некто решил, что может за Дионисия что-то написать. И вот этот соблазн сегодня возникает вновь — более того, никогда он не был столь острым. Впрочем, давайте вспомним, что главная Книга нашей культуры повествует от имени кого-то, кто говорил, но писать не умел! Судя по всему...

Вы знаете, я второй раз выступаю по поводу самиздата — мы проводили еще круглый стол по эзотерическому самиздату. И я тогда стал думать: почему мы сейчас вдруг занялись именно этой темой? Вообще, дилетантская такая логика: вот возникает некое явление. Оно должно быть каким-то образом артикулировано — необходимо слово, которое обозначает это явление. Если слово удачное, то для современников проблемы дефиниций нет. Скажем, в 60–70-е годы все понимали, что такое самиздат, никому не требовалось объяснять, где границы самиздата, — все было аксиоматично. Потом культурная ситуация изменилась, явление самиздата отошло в область истории, отделилось от людей, в быту употреблявших это слово. И появляется проблема дефиниций.

Дальше мы, определяя этот феномен, можем идти одним из двух путей. Первый — вполне логичный — считать самиздат просто культурно-историческим феноменом определенного времени. Но есть соблазн второго пути: признать, что за самиздатом как таковым стоят более общие явления. Допустим, решить, что самиздатом можно считать любое произведение, растиражированное в обход цензуры, — и начать вспоминать все более давние, а то и древние времена: рукописные копии «Горя от ума» — и далее в глубь эпох. Мы начинаем расширять, расширять — и, в конце концов, уже использование слова «самиздат» становится неким анахронизмом.

Не уверен, что стоит идти именно этим путем. Я бы все-таки вернулся к исходным границам слова «самиздат»: границам советского периода.

Другое дело, что внутри этого термина все равно расширение произошло. Ну, например, в 70-е годы я считал самиздатом только и исключительно политический пласт текстов. А сегодня так уже не скажу, сегодня я бы рассматривал неподцензурные тексты шире.

Не стоит сбрасывать со счетов и коммерческое распространение самиздата: все мы помним, что перепечатки не только давались на одну ночь, но и продавались, причем были отнюдь не дешевы. Так вот, в этом вопросе границы политического и не политического самиздата была очень зыбкой: и политический продавался, а уж не политический — тем более.

К слову, мы не упомянули, что в самиздате ходили не только неподцензурные тексты, но и перепечатки произведений, официально изданных — в случаях, когда тираж оказывался явно недостаточным. Именно так, в перепечатанном или отксеренном виде, многие прочли, например, Булгакова. Это тоже феномен советского периода и факт советского самиздата. И получается, что самиздат как явление все-таки существенно шире понятия неподцензурной литературы.

Александр Даниэль: Выступления Бориса Владимировича и Михаила Дмитриевича напомнили мне формулу, которой Анна Ахматова приветствовала пришествие самиздата. Она сказала: «Мы живем в догуттенберговскую эпоху». Сегодня я сказал бы немного иначе: мы живем в послегуттенберговскую эпоху. И совершенно не случайно некоторые методологические ходы изучения самиздата связаны с такой дисциплиной, как палеография. Вот, например, Никита Глебович Охотин сформулировал недостаточный, хотя и необходимый признак самиздатского текста — наличие его в конволюте. Потому что когда мы держим в руках машинописную перепечатку, мы не можем знать, самиздат это или не самиздат. Но если мы видим текст в некотором конволюте, если он включен в сборник — это, несомненно, акт самиздатского бытования.

Но хочу от вопросов методологии вернуться к проблемам отношений между текстом и автором, текстом и книгой. На одном из семинаров года два назад шел разговор о сегодняшней вербальной культуре, и Ирина Дмитриевна Прохорова высказала интересную мысль: «Современная вербальная культура возвращается к догуттенберговским практикам»...

Николай Котрелев: На мой взгляд, это совершенно не так! Я имею в виду термин «догуттенберговские практики». Догуттенберговское пространство состоит как минимум из двух исторических эпох: дописьменной и письменной. Сегодня же говорить о дописьменной эпохе невозможно. В данный момент происходит не отрыв текста от книги — будем точны — происходит отрыв текста на электронных носителях, в электронных сетях от бумажного носителя, от бумажной фиксации. Да, текст отрывается от бумаги — но он так или иначе фиксируется: например, в виде издания на экране. Он фиксирован, он засвидетельствован.

Возвращение к гомеровскому состоянию текста — это возвращение не к фольклорной форме существования,

а именно к авторской: если бы не было Гомера, не было бы и комиссии Писистрата, которая установила канонический текст великого грека. Таким образом, речь идет об исчезновении кодекса, существовавшего со Средних веков и до сегодняшнего дня, системы отношений текста и автора. И, конечно, речь следует вести об исчезновении традиционного и самого распространенного самиздатского носителя текста — листа бумаги формата А4.

Если же говорить о прецедентах культурно-исторических, то футуристическая книга, рукописные сборнички стихов начала 20-х годов и подобные самописные книги не суть настоящие прецеденты. Можно долго разбираться, что, с юридической точки зрения, означает выражение «на правах рукописи»: существовала процедура разрешения рукописного копирования, литографского воспроизводства, например, профессорских лекций. Являются ли они самиздатом? Ни в малой степени. Так что единственный почти стопроцентный аналог самиздату — это подпольная литература левых партий с конца XIX века до цензурной реформы 1905 года. Тут мы имеем полное типологическое соответствие. Важно только учитывать, что в самиздате происходит принципиальное расширение жанрового контента.

Борис Владимирович правильно говорил: в самиздате распространялось всё, вплоть до порнографии. И для того, чтобы социологически понять эту эпоху, необходимо собирать не только политический, свободолобивый и прочий «благородный» самиздат, но все, что выходит за рамки регулируемого властью, все, что производит самоорганизующееся общество. Вот в этом вопросе Борис Владимирович в высшей степени прав.

Борис Дубин: Я тоже поставил бы под сомнение идею возвращения к догуттенберговской эпохе, потому что догуттенберговская эпоха была эпохой канонической. Это касается и фольклорной составляющей, и письменной.

Мы живем в эпоху *после* канона, и я затрудняюсь сказать, что можно было бы в качестве — не замены, замена просто невозможна — но хотя бы в качестве сравнения дать людям, которые выросли в эту постканоническую эпоху. Как объяснить им, что такое канон?

Я встречал мнение, будто нынешняя массовая культура — это возвращение к фольклорной культуре с помощью современных технологий. Несомненно, в этой идее есть разумное зерно, но и она мне кажется довольно ограниченной. То есть как ход эвристический, на самом начальном этапе, он что-то дает, но дальше, когда начнется строгая работа, выяснится, что ситуация выглядит совершенно иначе, и масскультура имеет с фольклором весьма мало общего. А вот с тем, что благодаря электронным читалкам мы уходим от бумажной формы, я совершенно согласен. Но мы уходим еще от одного. Мы уходим от библиотеки! И не только от Ленинской или нашей, Исторической. Представьте себе разговор, возможный еще в середине прошлого века: «А где папа?» — «Папа в библиотеке». Это не значит, что он ушел в «Ленинку» или в районную библиотеку: он дома, в комнате, отведенной под книги, где все располагает к чтению... Если сегодня «папа в библиотеке», то он листает ноутбук или айпад. А это значит — что чрезвычайно любопытно! — исчезает само понятие «биография книги». В бумажной книге могли быть владельческие надписи, какие-то пометки, она могла передаваться в семье от поколения к поколению. Более того: для владельца библиотеки (пусть хотя бы книжного шкафа, а не специальной библиотечной комнаты) была важна не отдельная книга, а его библиотека. Это и был фон. Это и была, как писал Мандельштам, «биография интеллигента»: ему не нужна биография, у него есть библиотека. Вот от этого мы уходим. Я не призываю по этому поводу посыпать голову пеплом, я лишь хочу, чтобы мы осознали происходящие процессы.

Да, далековато завели нас споры о том, что же можно считать самиздатом... Кстати, в дневниках Глазкова, которые сейчас печатаются, есть не только термин «самсебяиздат», но и «самоиздат» — соединение автора, издателя, распространителя...

Вы совершенно правы, Николай Всеволодович, самиздат есть соединение своего и всех. Всему миру — и только доверенному лицу: очень важная характеристика самиздата. Этого нет в книге как таковой (книга предназначена всем и никому), этого нет в интернете, потому что там нет «своих»: вы можете быть под ником, можете вообще исчезнуть. Иначе говоря, это очень интересный этап в развитии самого общества как коммуникативной системы.

Вячеслав Игрунов: Мы с вами, обсуждая самиздат, все время ссылаемся на какие-то тексты. Я не думаю, что текст — самое существенное в самиздате. По-моему, о самиздате следует говорить как об альтернативной системе коммуникации. Это и в первом докладе отчасти прозвучало, и в других, но главное — самиздат есть носитель, посредник самой этой коммуникации.

Конечно, очень важно очертить круг тем, фигурировавших в самиздате: как уже было сказано, что там только ни фигурировало! Но, возможно, я выскажу парадоксальную мысль: я против включения в самиздат подпольной литературы. И вот почему: самиздат *создает полную альтернативную реальность*. А подпольная литература *признает* ту реальность, которая существует, и именно с этой реальностью соотносится.

Когда человек уходит из этого мира и создает свой собственный полноценный мир, противостоящий тому, что его окружает, в чем он вынужден был ютиться, — в этот момент он создает настоящий самиздат. И когда мы говорим, что человек заглянул в архив своего отца и увидел там переписанное стихотворение Есенина... — да, может, папа его переписывал лично для себя, иногда за столиком

читывал друзьям, но это нечто иное, чем то, что придумал Глазков! Самиздат обращается к миру, он манифестирует, он изначально направлен вне. А переписанный Есенин — он, так сказать, для внутреннего употребления. Перечитал лишний раз в минуту жизни трудную — и полегчало. Новый мир не возник, ничего не изменилось, кроме настроения. А значит, нет коммуникативной функции, без которой самиздат немислим.

Теперь насчет остальных формулировок. Они очень важны, но все же мне кажутся несколько частными. Мне очень нравится формулировка о бытовании литературы, неподконтрольной автору. Но послушайте! Если Сэлинджера мы переводим на русский язык и пиратским образом издаем в государственном издательстве, это совершенно неподконтрольно автору, но самиздатом не является. Во всяком случае, именно так в СССР и поступали до 1973 года⁶...

Я считаю, что границу самиздата нужно начинать с 1944 года, когда было осознано, осмысленно, совершено некоторое действие, положившее начало явлению. То, что мы имеем до осознания, скорее всего, является предшественником самиздата, но не самиздатом. Как только это осмысливается, осознается и превращается в постоянную практику, это уже становится самиздатом.

Борис Дубин: Небольшое замечание насчет того, что самиздат — это вторая реальность, иная полноценная реальность. Николай Всеволодович дал почву для таких высказываний, поэтому хочу уточнить. Чего нет в самиздате? Там нет власти. Потому что самиздат представляет общество, а не властные структуры. Поэтому мне показалось верным соображение Николая Всеволодовича о левой прессе как о самиздате. Но тут надо подумать. И еще: раз

⁶ 27 мая 1973 г. в СССР вступила в силу Всемирная конвенция об авторском праве.

самиздат противостоит Госиздату, там не только власти, там и проблематики власти быть не должно.

Николай Котрелев: Борис Владимирович говорит о власти как об организации людей, имеющих право применить силу. Вы замечательно, очень точно говорили про цели самиздата, но трактовать самиздат как некоторую систему, в которой человек живет — и только в ней живет, — невозможно, поскольку никто из самиздатчиков не забывал, что есть Ленинская библиотека, есть Историческая библиотека, есть архивы — словом, самиздат не выводил человека из большой культуры! Это была некоторая — замечательная, или, если речь идет о порнографии, жуткая — субкультура, но выход из большой культуры был невозможен и вел к инвалидности человека.

Вячеслав Игрунов: Возможно, я не совсем корректно выразился. Я имел в виду, что самиздат не создает другую реальность, он сохраняет полноценную реальность — в противовес реальности усеченной, в рамках которой мы были вынуждены существовать. А вот подпольная литература выводит человека из полноценной культуры, она замыкает его...

Николай Котрелев: Это еще Достоевский описал.

Вячеслав Игрунов: Достоевский, совершенно верно. Повторю: самиздат противостоит подпольной литературе именно тем, что сохраняет для человека всю полноту жизни и выводит его за рамки той ограниченной культуры, которая дозволена данным обществом.

Часть 2. На заре самиздата: что сохранили архивы

Ранний «самиздат» Сибири (20-е — 30-е гг. XX в.)

*Савенко Елена Нальевна /Savenko Elena
к. и. н., ведущий научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая
библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук /
PhD., Leading Researcher,
State public scientific technical library of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
knigoved@spsl.nsc.ru*

Аннотация: В статье освещается нелегальная издательская деятельность в первые десятилетия Советской власти. Характеризуются тематика и способы размножения неподцензурных текстов. Прослеживается связь подпольной печатной продукции с оппозиционными политическими движениями и протестными настроениями отдельных групп населения сибирского региона.

Summary: The article highlights the illegal publishing activities in the first decades of Soviet power. Characterized by themes and techniques of reproduction uncensored texts. The connection of underground printed materials with opposition political movements and protest moods of certain groups of the population of the Siberian region.

Ключевые слова / Key words: нелегальная издательская деятельность, подпольная типография, неподцензурная печать, листовки, самодельная периодика, самиздат, illegal publishing activities, clandestine printing, uncensored printing, flyers, Amateur periodicals, samizdat.

Как известно, термин «самиздат» вошел в широкое употребление в середине XX в. Однако неподцензурные оппозиционные тексты распространялись в Сибири уже в первые советские десятилетия. И если исходить из того, что самиздат — это *«издание и распространение текстов, по тем или иным причинам (чаще всего цензурного, идеологического характера), не могущим быть опубликованными официально»*¹, то нелегальную печатную продукцию тех лет можно рассматривать как аналог самиздата.

Большевики, до революции активно выступавшие за свободу слова и печати, прекрасно осознавали силу указанных свобод и вскоре после прихода к власти ввели жесткий государственный надзор за издательской деятельностью и средствами массовой информации. В результате цензурных ограничений выражение точек зрения, отличных от генерального курса правящей партии, стало возможно лишь посредством нелегальной печати.

В начале 1920-х гг. хождение в регионе имела нелегальная печатная продукция сторонников оппозиционных партий, вытесненных с политической арены: меньшевиков, эсеров, анархистов. Весной 1921 г. Томский губчека констатировал, что контрреволюционная агитация представителей этих политических объединений *«принимает угрожающие размеры»*². Наиболее активны в начале 1920-х гг. были эсеровские организации, имевшие авторитет у населения Сибири. В июле 1921 г. возвания эсеров были найдены в Каинском уезде, а в октябре-ноябре того же года — на нескольких станциях Кольчугинского участка Томской железной дороги³. В отчетах ГПУ о политическом положении в стране осенью 1922 г. также обращалось внимание на *«усиленную эсеровскую*

¹ Самиздат // Альтернативная культура. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. С. 161.

² Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 65.

³ Там же. Д. 55а. Лл. 41, 118.

агитацию» в уездах Томской губернии⁴. Активную пропагандистскую работу в регионе проводили и другие эсеровские группы. Весной 1922 г. большое количество «контрреволюционных» эсеровских брошюр и листовок было обнаружено на Алтае⁵, а в августе — на станции Тайшет⁶. Оживленная «самиздатская» деятельность эсеров отмечалась вплоть до середины 1920-х гг. — момента окончательного разгрома партии правых эсеров. Однако и во второй половине 1920-х гг. в регионе эпизодически появлялись листовки, составленные бывшими членами ПСР. Осенью 1925 г., например, группа политических ссыльных эсеров Красноярска выпустила более 60 прокламаций «Старая погудка на новый лад», в которых осуждались меры правительства по повышению крепости спиртных напитков⁷. В Барнауле 7 ноября 1929 г. органы ОГПУ обнаружили листовки «эс-эровского содержания»⁸.

Повлиять с помощью печатной продукции на настроения населения региона пытались и члены других оппозиционных партий. Так, в мае-июне 1922 г. в Тюмени были зафиксированы случаи распространения листовок, изготовленных местной группой меньшевиков⁹. Пропагандистскую деятельность осуществляли и анархисты, хотя основной упор деятельности представители этого политического движения делали на вооруженном сопротивлении новой государственной власти. Нередко анархисты являлись организаторами и основной движущей силой повстанческих выступлений в Сибири. Однако агитации

⁴ Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934). Т. 1. Ч. 1. М.: Ин-т российской истории РАН; Центр. архив ФСБ РФ, 2001. С. 264.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 351. Л. 24.

⁶ Совершенно секретно: Лубянка — Сталину ... С. 250.

⁷ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 68. Лл. 131, 134.

⁸ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 4. Л. 119.

⁹ Совершенно секретно: Лубянка — Сталину... С. 192.

посредством нелегальной печати члены анархистских организаций региона также уделяли внимание. Например, в сводке сибирских отделений ВЧКа за октябрь 1921 г. сообщалось о распространении анархистских прокламаций в Красноярске¹⁰. Судя по архивным материалам, подпольная деятельность анархистов в центре Енисейской губернии не прекращалась вплоть до конца 1920-х гг. В декабре 1929 г. в Красноярске были обнаружены листовки, заканчивающиеся словами «Да здравствует анархизм»¹¹. Активны были и другие сибирские группы анархистов. Весной 1925 г. органы ОГПУ обращали внимание на рост анархистских листовок и распространение анархистской литературы в Новониколаевской и Забайкальской губерниях¹². Весной и летом следующего года причиной обеспокоенности карательных органов стала нелегальная издательская деятельность Омской и Тюменской групп подпольной федерации анархо-синдикалистов¹³.

С середины 1920-х гг. несанкционированную печать для выражения альтернативных взглядов стали использовать члены РКП(б), не согласные с генеральной линией партии. Практически во всех крупных городах региона имелись группы оппозиционеров, занимавшиеся размножением фракционной литературы и выпуском прокламаций. Среди критически настроенных членов партии циркулировали «Письмо к съезду», или «завещание» Ленина, а также тексты выступлений лидеров оппозиции — Зиновьева, Каменева и Троцкого и др. Наряду с ними в регионе широкое хождение имели прокламации активистов сибирской оппозиции. Выпуск и распространение документов, отражающих внутривнутрипартийную борьбу

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 4. Л. 43.

¹¹ ГАНО. Ф. 1027. Оп. 8. Д. 40. Л. 175 об.

¹² Совершенно секретно: Лубянка — Сталину... Т. 3. Ч. 1. М.: Ин-т российской истории РАН; Центр. архив ФСБ РФ, 2002. С. 245.

¹³ Совершенно секретно: Лубянка — Сталину... Т. 4. Ч. 1. М.: Ин-т российской истории РАН; Центр. архив ФСБ РФ, 2002. С. 188, 465.

бу, развернули, например, члены так называемого Сибирского центра оппозиции, находившегося в Новосибирске. О масштабах их деятельности можно судить по ответу Сибирской краевой контрольной комиссии на запрос ЦК ВКП(б) о составе изъятых осенью 1927 г. у новосибирских оппозиционеров документов. Он гласил, что сделать это затруднительно, так как для составления такого перечня *«пришлось бы сидеть три-четыре дня»*¹⁴. Достаточно деятельны были и томские оппозиционеры. В марте 1928 г. на специальном совещании ячейки ВКП(б) при окротделе ОГПУ, посвященном оппозиционным выступлениям в Томске, отмечалось, что *«оппозиция имела нелегальную типографию, выпускала антипартийные воззвания, которые распространялись среди всех слоев населения»*¹⁵. В июне 1928 г. в нескольких населенных пунктах Омской губернии найдены прокламации *«Для крестьян»*, заканчивавшиеся словами *«...идите за оппозицией, поддерживайте оппозиционеров, они защищают вас»*¹⁶. В феврале 1929 г. в поселке Анжерка Томского округа от имени большевиков-ленинцев распространялись листовки с протестом по поводу высылки Троцкого из СССР¹⁷. Весной того же года в Иркутске в почтовых ящиках коммунистов и в рабочих общежитиях было обнаружено большое количество размноженных на стеклографе листовок, также подписанных *«Большевикиленинцы»*¹⁸. В марте 1930 г. в Томске изъяли два пакета листовок, авторы которых обвиняли партийное руководство в измене *«делу революции»* и *«заветам Ленина»*. Текст листовки завершался словами *«Истинные хозяева земли русской — не личности, не Сталины, не Рыковы,*

¹⁴ ГАНО. Ф. П-6. Оп.4. Д. 15. Л. 3-4.

¹⁵ Из истории земли Томской. 1925-1929. Народ и власть: сб. документов и материалов. Томск: Наука, 2000. С. 260.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2927. Л. 89.

¹⁷ Там же. Ф. П-6. Оп. 4. Д. 39. Л. 170.

¹⁸ Там же. Л. 82-85.

Власть и свободу всему народу.

К СТУДЕНТАМ.

ТОВАРИЩИ СТУДЕНТЫ! Жизнь кипит и волнуется. В нашем государстве накрывают крупные политические события. Но для вас товарищи студенты все это проходит совершенно незаметно. Вы совершенно не интересуетесь жизнью своей страны, жизнью вашей команды, не задумываетесь над своей жизнью. Вам совершенно все безразлично. Вы беззастыжленно плывете по волнам чуждого и ложного течения. Вы совершенно не стараетесь разограться в настоящей жизни и не можете сказать правильно она устроена или нет. Вы без сопротивления отдались в руки компартии и она не стараясь превратить вас в диванных животных. Взгляните вы на свою студенческую жизнь. Вас беспартийное большинство и вы сами управляете партийное меньшинство. Все делается так как хотят компартия и комсомол, хотя это часто бывает противно внутреннему желанию беспартийной массы. У вас совершенно нет свободной мысли, да вы и не зачем пользоваться т.е. высказать ее нельзя. Вам беспартийные студенты нельзя свободно собраться, объединиться какой нибудь общей идеей потому что это не нравится правительству. ~~Вам не разрешают~~ ~~собраться~~ ~~объединиться~~ ~~какой нибудь общей идеей~~ ~~потому что это не нравится правительству.~~

ВЫ РАБЫ потому что имеете хозяина компартию и вы должны повиноваться и не рассуждать. Но ведь в вашем сознании осталось то что рабство — позор. Так освободитесь же от этого позора! Проснитесь! Вспомните ваших предшущих товарищей студентов. Вспомните как они любили свободу когда их давил такой же гнет при царской власти. Они бесчестно жертвовали, они боролись. Они не отставали от всего народного движения, а очень часто являлись передовыми борцами за свободу. ВУЗы были очагами свободных идей для всей страны.

А что же вы представляете теперь? Разбитую деморализованную массу. Все ваши интересы не идут дальше костюмов, барышен, кавалеров, театра, будущей зарплате и т.д. Только то! Стряните с себя обивательскую олесянь и начинайте себе устраивать такую жизнь какая достойна человека, а не бессловесного животного. Вступайте в ряды Партии Народного Права она выразительница желаний свободномыслящего народа и его руководитель. Готовьтесь к борьбе зановую жизнь! К борьбе за свободу!

- Да здравствует свободная народная республика!
- Да здравствует самоуправляемое правительство!
- Да здравствует свободное равноличное студенчество!
- Да здравствует Партия Народного Права!

Центральный Комитет Российской Партии Народного Права.

ТОВАРИЩИ! У-У
ДИКТАТУРА КОММУНИСТОВ ПРЕВРАЩАЕТ НАШУ РОДИНУ В БЕЗФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД, ГОЛОД И ХОЛОД АВОТ РАВНЫХ И ЖИВ-И. ДИКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЧЕРЕЗ СОРЕВНОВАНИЕ И УДАЧЛИВОСТЬ ДОСТИГЛА НЕБЫВАЛЫХ В ИСТОРИИ РАЗМЕРОВ. ДЕРЕВНЯ ПРЕВРАЩЕНА В КОЛОНИЮ. КОЛХОЗ - НОВАЯ ФОРМА КРЕПОСТНИЧЕСТВА. НА ТОУДЕ РАБОЩИ И КРЕП. ПАРТИО НАШИ ВАЕТ 400-500%. ПРИМЕР. ХЛЕВ ОТБИРАЕТСЯ ОТ КР-И ПО 6 Р. ЦЕНТ А ПРОДАЕТСЯ ПО 492 Р. БОРЬБА ЗА СВОБОДУ СЛОВА ПАРТИИ ДЕСЯТКАМИ НАСТРЕЛКОВАЕТСЯ.
ДОРОЖЬ ПАЛЗУЩЕЙ КОММУНИСТОВ!
ДА ЗАВЛАДЕВАЕТ С.А. РЕСПУБЛИКА!
С.А. ГРУППА ПРИ "Б.П.И."

Колхозная ДЕРЕВНЯ

Помню я деревенские улицы:

ИЮЖ ЖЕЛЕЗОМ, С КАРНИЗЫМ ДОМА,

А ТАМ ЗАРЕКЕЙ, ЗА ОКОЛИЦЕЙ

НАБУХАЮЩЕЙ МИВЫ, ПОЧВА.

*

А ТЕПЕРЬ УРА В НАМ СТРОИТЕЛЬСТВА "

БУХУЩИМ ВОСЕМЬ ЛЕТ,

ВСЯ ДЕРЕВНЯ ТЕПЕРЬ ИМ СЛИЗНЯ

НИ ДОМОВ НИ СТРОЙ, ДАВНО НЕТ.

А ТАМ ЗА РЕКОЙ, У БЫВАВШЕЙ ОКОЛИЦЫ,

ГДЕ ХЛЕБ ЗАКРОВАЛ НЕ БЫ СМЫЧ,

ОТ УДОБРЕНИЙ НОВЫХ, КТО СОМЛОВАЛ ИЛ,

КОЕ-ГДЕ ПРОРАСТАЕТ ПЫЛИН.

ПЛАЧУСЯ, ПО КОТОРОЙ С РАНЫЮ

ПАХАРЬ ШЕЛ ПОС ГОЛОВУШКИ ЗВЕМЬ

ТАМ С ПРОКЛЯТИЕМ И МАТЕРНОЙ БРАНОЮ

РАБ-КОЛХОЗНИК СТВОДИТ " ТРИХОВЕНЬ "

БЕДНЫЙ ПАХАРЬ - КОЛХОЗНИК НЕСЧАСТНЫЙ!

ДОЛГО-ЛЬ БУДЕШЬ ТЫ ТРА СТРЕДАТЬ?

НЕУЖЕЛЬ, ОТ ПОБЕД НАПРАСНЫХ,

БУДЕШЬ ДАЛЬШЕ ВСЕ ТАК ЖЕ МОЛЧАТЬ? С.

10 янв. 1934 года.

НОВОЕ ПЛАМЯ

Г. Мичурин

ТОВАРИЩИ! МЫ РЕШИЛИ СОЗДАТЬ
ЖУРНАЛ "НОВОЕ ПЛАМЯ"

В ЭТОМ ЖУРНАЛЕ, МЫ ХОТИМ ВАМ ПОКАЗАТЬ
ТЕПЕРЕШНЮЮ ЖИЗНЬ, КАК В ГОРОДЕ, ТАК И
В СЕДЕВНЕ.

ХОТИМ ПОКАЗАТЬ ВАМ "КОЛОЗ-
НУЮ ЗАНИМЛИВУЮ ЖИЗНЬ" ВО ВСЕЙ ЕЕ
НАГЛЕ И МНОГОЕ ДРУГОЕ, ЧТО ВЫ БУДЕТЕ
ЧИТАТЬ СЯЗКИХ СТРАНИЦАХ, НОГО ПЛАМЕНИ
И КОТОРЫМ, МЫ БУДЕМ СТАРАТЕСЯ ВЭТОМ
ЗАБЛУДИТЬ ВАШЕГО ВНИМАНИЯ.

ЖУРНАЛ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ С ЮАКЕН 1 РРЗ.

ЧИТАЙТЕ ТОВАРИЩИ!
ПОЗНАВАЙТЕ ЖИЗНЬ!

а съезд советов. Ему представляется право делать реорганизацию Советской власти»¹⁹.

Активную пропагандистскую деятельность на протяжении всех 1920-х гг. проводили члены омской «Рабочей оппозиции», выступавшие за проведение новой рабочей революции и независимость профсоюзов. Отпечатанные ими на шапирографах и печатных машинках прокламации регулярно появлялись на промышленных предприятиях города. В них проводилась мысль о необходимости новой рабочей революции, так как сложившаяся политическая и экономическая система не соответствует чаяниям трудящихся: *«рабочий класс обманут», «управление в СССР не лучше николаевского», «нет равенства и братства»²⁰.*

Под влиянием опытных оппозиционеров в несанкционированную издательскую деятельность включалась сибирская молодежь. Прокламации от имени нелегальных молодежных групп, пик активности которых, согласно оперативным сводкам ОГПУ, отмечался в конце 1920-х гг., находили в разных частях региона.

Наиболее масштабной в этот период была «самиздатская» деятельность омских студентов, объединившихся в организации «Российская Партия Народного Права». И в названии, и в некоторых текстах объединения прослеживается увлечение народничеством. Целью народоправцев было *«свержение существующей власти или изменение ее путем реформ»²¹.* Идея создания организации возникла осенью 1927 г. Тогда же Виктором Чевалковым, инициатором создания РПНП, было написано и размножено тиражом 50 экземпляров первое воззвание «К студентам» (илл. 1). В следующем году к группе примкнули пятеро юношей, в том числе двое учащихся типографского отде-

¹⁹ Совершенно секретно: Лубянка – Сталину ... Т. 8. Ч. 1. М.: Ин-т российской истории РАН; Центр. архив ФСБ РФ, 2008. С. 163.

²⁰ ГИАОО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 272. Л. 41; Оп. 3. Д. 56. Л. 63–65.

²¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 4. Д. 12500. Т. 1. Л. 16.

ления художественно-промышленного техникума Омска. Молодым людям удалось приобрести резиновый наборный шрифт и штемпельные подушки. С помощью этой домашней типографии было напечатано 20 брошюр «Наши задачи» и более 10 брошюр «Устав и программа партии Народного права» (илл. 2). Программа РПНП во многом была созвучна идеологической платформе партии кадетов. «Народоправцы» декларировали равенство всех граждан перед законом, свободу совести, личности, устного и печатного слова, передвижения, неприкосновенность жилища, право на организацию союзов и проведение собраний. Формой государственного устройства, по мнению членов организации, должна быть «свободная народная республика», основанная на федеративных началах. Высшим законодательным органом власти этого государства провозглашался съезд народных представителей. Помимо брошюр в конце 1928 — начале 1929 г. наборным способом были напечатаны листовки «К студентам» и «Ко всем гражданам», тираж которых варьировал от 100 до 300 экземпляров. В воззваниях «Партия Народного Права» призывала к борьбе с большевистской диктатурой ради установления свободной республики на демократических началах. В середине 1929 г. молодые люди самостоятельно изготовили четыре гектографа. Примечательно, что практическими пособиями для их изготовления были мемуары подпольщиков. Благодаря этой простейшей типографской технике удалось значительно увеличить масштабы нелегальной издательской деятельности. Осенью 1929 г. молодые люди отпечатали более 1300 экземпляров листовок «К крестьянам» и «Ко всем гражданам». Всего же за два года «народоправцам» удалось отпечатать более 3 тысяч экземпляров различных прокламаций. Итог нелегальной деятельности молодых людей трагичен. В декабре 1929 г. организация была раскрыта. Хотя в той или иной степени к ее работе было причастно около 15 человек, по делу РПНП было осуждено 52 человека, шестеро были приговорены к высшей мере наказания.

Нелегальные молодежные группы, выражавшие недовольство политикой советской власти посредством письменных документов протеста, существовали в регионе и в 1930-е гг. Чаще всего это были рукописные воззвания, тираж которых составлял от 2 до 10 экземпляров. Пример таких прокламаций — составленная студентами Барнаульского пединститута в 1935 г. листовка, в которой выражалось резкое недовольство коммунистической диктатурой (илл. 4).

Нередко протест молодежи выражался в поэтической форме. Например, группа студентов Каменского педагогического техникума изготовила в 1934 г. восемь стихотворных рукописных листовок, тиражом от 2 до 6 экземпляров каждая: «Колхозная деревня», «Смерть лошади», «Осел, бог и Сталин», «Новая Камаринская» и др. В несовершенных юношеских стихах наряду с недовольством окружающей советской действительностью высказывалась идея о необходимости сопротивления (илл. 5).

Подпольные молодежные организации предпринимали также попытки выпуска собственной периодики. Нередко в своих нелегальных газетах и журналах молодежь обличала недостатки действующей советской системы. Например, учащиеся школы № 11 города Камень изготовили осенью 1929 г. три номера подпольной газеты «Луч правды», объявленной органом «Союза борьбы за справедливость»²². Студенты педагогического техникума города Камень выпустили в 1934 г. три номера журнала «Новое пламя» (тиражом три экземпляра каждый), целью которого было *«разжечь новое пламя, совершенно отличавшееся от пламя бывшей пролетарской революции»*²³. Учащиеся Рубцовского педагогического техникума, объединившиеся в нелегальную организацию «Январичи», подготовили в 1939 г. три номера рукописного журнала

²² ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 4. Л. 153.

²³ ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18265. Л. 45.

«Рассвет»²⁴. Знакомство с вышеперечисленными журналами позволяет утверждать: мнение, что ранние рукописные журналы юных подпольщиков — это узкокружковая литература, не подпадающая под определение «самиздат»²⁵, не вполне корректно. Определенным опровержением этих взглядов может служить отрывок из обращения к будущим читателям, помещенный на обложке первого номера рукописного журнала, который выпускали юноши города Камень: *«Товарищи! Мы решили создать журнал “Новое пламя”. В этом журнале мы хотим вам показать теперешнюю жизнь, как в городе, так и деревне»* (илл. 6)²⁶. Подобное стремление донести свою точку зрения на происходящие события посредством самодельной периодики было в рассматриваемый период не исключительным явлением.

Подводя итоги, можно констатировать, что неподцензурная печать первых советских десятилетий была неотъемлемым элементом политического противостояния, инакомыслия и так же, как самиздат, была «рупором» оппозиции.

Библиографический список

1. Гришаев В. «Январичи». Документальный очерк // Алтай. 1991. № 5. С. 51–67.
2. Даниэль А. Истоки и смысл советского самиздата // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е — 1980-е. Т. 1. Ч. 1. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 17–33.
3. Из истории земли Томской: 1925–1929. Народ и власть. Томск: Наука, 2000.

²⁴ Гришаев В. «Январичи». Документальный очерк // Алтай. 1991. № 5. С. 51–67.

²⁵ Даниэль А. Истоки и смысл советского самиздата // Антология самиздата. Т. 1. Ч. 1. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 17.

²⁶ Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 18265. Л. 34.

4. Самиздат // Альтернативная культура. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
5. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): (Обзоры и сводки ОГПУ). Т. 1. Ч. 1. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001.
6. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): (Обзоры и сводки ОГПУ). Т. 3. М.: Ин-т российской истории РАН, 2002.
7. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): (Обзоры и сводки ОГПУ). Т. 8. Ч. 1. М.: Ин-т российской истории РАН, 2008.

Список сокращений:

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГПУ – Главное политическое управление при НКВД РСФСР

ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР

РАН – Российская Академия наук

РФ – Российская Федерация

ФСБ – Федеральная служба безопасности

ЦДНИТО – Центр документации новейшей истории Томской области

ОСД ГААК – Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области

Неподцензурные тексты, размножавшиеся и распространявшиеся группами левой оппозиции в СССР (1927–1929 гг.) в архиве ФСБ РФ¹

*Беленкин Борис Исаевич / Belenkin Boris
Заведующий библиотекой
Международного Мемориала /
Head of library of the International Society Memorial
belenkin@memo.ru*

Аннотация: Речь идет о явлении, ограниченном во времени и представленном материалами (письма, статьи, листовки и др.) левой оппозиции: сторонников Л. Троцкого (самоназвание «большевики-ленинцы»), децистов (иначе — сапроновцы), мясниковцев. Материалы эти были изъяты при арестах или получены оперативным путем и представлены в ЦА ФСБ в четырех томах. Перед нами «неоткомментированное» собрание, которые можно было бы озаглавить «Левая оппозиция. Избранное». Особый интерес представляют такие материалы, как «Завещание Ленина», образцы поэтического творчества оппозиции. В основном рассматриваются подлинники нелегально изготовленных листовок, бюллетеней оппозиции, отдельных текстов, а так же документы, в которых имеются описания таких изданий. Во всех случаях указываются способ издания (размножения).

В заключении — о правомерности использования понятия «самиздат» (имеются в виду отличительные черты «классического» самиздата 1950-х–1980-х) по отношению к нелегальным изданиям оппозиционеров 1920–1930-х гг.

Summary: One of the problems concerning the research of what can be called, rather conditionally, samizdat of the Left Opposition is very limited availability to scholars (until recently) of this particular type of samizdat documents. This type of materials had been produced

¹ Статья подготовлена в рамках работы над проектом РГНФ № 08-01-00257 «Оппозиция и сопротивление российских социалистов и анархистов большевистскому режиму (октябрь 1917 — сер. XX в.). Энциклопедический словарь» (рук. К. Н. Морозов).

during the short period of time, from 1927 to 1929, and included letters, articles, leaflets, etc. The documents were created by the following representatives of the Left Opposition: supporters of Leon Trotsky (who called themselves “Bolshevik-Leninists”), Democratic Centralists (also known as “Sapronovists”), and so called “Miasnikovists”. These materials were either confiscated during arrests or received through “operational” channels and stored in the FSB’s Central Archive, where they were filed in four volumes by the Secret Department of OGPU in 1927–1929.

We deal here with the files that have never been commented on before. These volumes could be entitled: “The Left Opposition. Selected Works.” Among the especially interesting documents are such materials as “Lenin’s Testament”, texts that reflect the opposition’s poetic creativity. In the main, the paper examines original copies of illegal leaflets, opposition’s bulletins, miscellaneous texts, as well as documents that have description of opposition’s publications. In all cases, methods of publication (reproduction) have been specified.

The conclusion discusses whether it is appropriate to use the term samizdat (considering distinctive characteristics of the “classical” samizdat of the 1950s–1980s) in reference to the illegal publications by the opposition in the 1920s–1930s.

Ключевые слова / Key words: левая оппозиция, большевик-ленинцы, децисты, листовки, «Завещание Ленина», способы размножения, поэзия оппозиции, Л. Троцкий, ОГПУ, Left Opposition, Bolsheviks-Leninists, group of Democratic Centralists (decists), leaflets, “Lenin’s Testimony”, methods of print, opposition’s poetry, Leon Trotsky, OGPU.

Основная проблема, связанная с изучением того, что можно весьма условно называть «троцкистским самиздатом», — это весьма ограниченное до недавнего времени число введенного в научный оборот образчиков данного «подвида» самиздата². До начала 1990-х гг. едва ли не един-

² Одна из первых (если не первая) публикаций на эту тему, в которой в том числе указан способ изготовления летучих изданий: Из истории троцкистской оппозиции в СССР. Листовки 1929 г. // История СССР. 1991.

ственным источником текстов левой оппозиции, размножавшихся и распространявшихся внутри СССР, являлся «Бюллетень оппозиции»³. При этом речь идет в основном о первом годе издания «Бюллетеня», 1929–1930 г., так как потом обстоятельства, в которых оказались оппозиционеры, изменились настолько, что говорить о возможностях хоть мало-мальски широкого распространения текстов не приходится. За границу продолжали еще некоторое время попадать тексты оппозиционеров (из мест заключения, точнее, из ссылок), но в основном это были уже размноженные не в первую очередь для «внутреннего употребления», а для единомышленников за рубежом. Собственно, то, что я называю «троцкистским самиздатом», есть явление, ограниченное во времени с 1927 по 1930 гг. Почему 1927-й — более или менее понятно; связано это с определенным этапом в истории левой оппозиции, а именно с невозможностью воспользоваться легальной печатью и началом арестов

№ 5. С. 104–120. В последующие годы с разной степенью полноты указанная тема (то есть летучие/нелегальные издания левой оппозиции в СССР) находит отражение в публикациях А. В. Гусева. См., например: Гусев А.В. «За оппозицию большевиков-ленинцев!»: Листовки левокоммунистического подполья. 1928–1929 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 196–204 (подготовка публикации); Гусев А.В. Троцкистская оппозиция в конце 20-х — начале 30-х годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1996; Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103; Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в первой половине 30-х годов // Политические партии России: Страницы истории. М.: Изд-во Мос. ун-та, 2000. С. 166–192; Гусев А.В. Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу. Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 3–4 ноября 2012 г. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 53–61. Необходимо указать, что интересующий нас тип изданий, использованный в данных работах (кроме последней), в основном — из фондов РГАСПИ и ЦАОПИМ.

³ Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) (БО). Выходил за рубежом (в разное время в Париже, Берлине, Цюрихе, Нью-Йорке) с лета 1929 г. по 1940 г. Всего вышло 87 номеров (65 отдельных выпусков). В дальнейшем все ссылки на БО даны по нью-йоркскому репринтному изданию 1973 г.

и ссылок ее наиболее активных и видных сторонников. Почему 1930-й, а не 1931-й? К началу 1930 г. практически все активные оппозиционеры находились либо в политизоляторах, либо в ссылках. У сторонников оппозиции не оставалось возможностей тиражировать или хотя бы относительно широко распространять неподцензурные тексты в условиях нахождения под жестким контролем сталинских спецслужб. Это вовсе не означает, что прекратилось спорадическое распространение протестных текстов: листовок — рукописных, реже машинописных, стихов... Но это уже не «продукт» некоего организованного политического сообщества (проблема в этих случаях та же, что и с вышеупомянутыми материалами конца 1920-х гг. — до недавнего времени тексты их не публиковались, оригиналы не воспроизводились, знаем мы о них в основном из материалов следственных дел⁴).

Итак, речь идет о материалах левой оппозиции (письма, статьи, листовки и др.), изъятых при арестах или полученных оперативным путем и представленных в ЦА ФСБ. Сразу же оговорюсь: под «левыми» подразумеваются несколько течений — сторонники Троцкого (самоназвание — «большевики-ленинцы»), децисты (иначе сапроновцы), то выступающие с троцкистами единым фронтом, то яростно полемизирующие с ними, мясниковцы (бывшая «рабочая группа в РКП(б)), такие же частые оппоненты троцкистов... Собраны эти материалы в четырех томах Секретным отделом ОГПУ в 1926–1929 гг. Тома эти представляют собой некое подобие тематического дайджеста. Первый том озаглавлен «Материалы (речи, заявления, письма и др.) оппозиции. Завещание В. И. Ленина (122). Начато: 1926. Окончено: декабрь 1927»⁵. Что касается данного тома, то, скорее всего, речь идет не о материалах, добытых в результате арестов и обысков, а иным, оперативным путем.

⁴ Работу с такими материалами из архивов Сибири проводит Е.Н. Савенко (см. публикацию в настоящем выпуске альманаха).

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 273.

Достаточно сложно судить, что из представленного в томе является подлинником, а что перепечатано в машбюро ОГПУ. Все экземпляры отпечатаны на машинках, под синюю или черную копирку. Некоторые из них — скорее всего, подлинники «самиздатские копии», некоторые — перепечатки ОГПУ. Никаких сопроводительных текстов или чекистских помет/пояснений/комментариев в материалах этого тома не обнаружено. То есть перед нами «неоткомментированный» том, который можно было бы озаглавить «Левая оппозиция. Избранное».

Определенный интерес вызывает «Завещание Ленина» — интерес и исследовательский, и чекистский, недаром материал вынесен в заголовок тома. Несмотря на то что «Завещание» являлось одним из главных документов и аргументов оппозиции и когда-то занимало одно из лидирующих положений в «самиздатском потоке» левых, его самиздатские «подлинники» на сегодня в архивах не выявлены (или, во всяком случае, не привлекали внимание исследователей). В описи материал этот значится, как «Всем членам ЦК РКП... («завещание Ленина». Л. 91–94)⁶ и «Завещание Ленина» (Л. 122)⁷.

⁶ Публикация объединяет следующие тексты: докладная записка Л. Д. Троцкого от 16 апреля 1923 г. («Мною получена сегодня прилагаемая при сем копия письма личного секретаря т. Ленина т. Фотиевой к тов. Каменеву по поводу ст. тов. Ленина по национальному вопросу...»); «Приложение: письмо т. Фотиевой, три записки и статья т. Ленина — тов. Каменеву, копия тов. Троцкому», куда вошли: записка Фотиевой Каменеву (копия Троцкому) от 16 апреля 1923 г.; записка Ленина Троцкому с припиской Володичевой (без даты); записка Ленина «гг. Мдивани, Махарадзе и др. копия тов. Троцкому и Каменеву» от 6 марта 1923 г.; «Продолжение записок 20 марта 1923 г.: [статья Ленина. — Б.Б.] «К вопросу о национальностях или об “автономизации”»; «Продолжение записок от 31 ноября 1923 г.» [статья Ленина. — Б.Б.] «К вопросу о национальностях или об “автономизации”»; «Продолжение записок 31 декабря 1923 г.», текст со слов: «Какие же практические меры следует предпринять при создаваемой...», заканчивающийся словами: «...и тогда начнется решительный, долгий и тяжелый бой за из [так в тексте. — Б.Б.] освобождение».

⁷ Речь идет о документе, в котором под заголовком «Завещание В. И. Ленина» следует текст, начинающийся со слов: «Под устойчивость

Кроме «Завещания Ленина», безусловно, интересны образцы поэтического творчества оппозиции. Правда, непонятно, с чем мы имеем дело — с «самиздатскими» оригиналами или с чекистскими копиями «самиздата»... Забавна поэма «СЕМЕН БОЛЬШЕВИК (Вольное подражание Алексею Толстому)» (имеется в виду его сатирическая баллада «Поток-богатырь»). При этом автор — очевидный сторонник Г. Е. Зиновьева, именно Зиновьева, а не Троцкого. Финал поэмы таков:

....И так сделалось гадко и тошно ему,
Что он наземь, как сноп упадает,
И под слово «уклон», как в чаду и в дыму
Года на три еще засыпает.
Может быть, на другой он пробудится лад
И спокойно вернется в родной Ленинград.
Или, став к пролетариям задом,
СССР будет весь Сталинградом⁸.

Переходим к трехтомнику, сформированному по тому же признаку, что и том 1926–1927 гг., то есть в нем собрано только то, что относится к деятельности левой оппозиции. Тома озаглавлены так: «Материалы (письма, статьи, листовки и др.) оппозиционеров, изъятые при арестах в 1929 году. Начато: январь 1929, окончено: декабрь 1929». С упоминанием «самиздата» мы встречаемся уже во втором по порядку документе первого тома. В до-

Центрального Комитета, о которой я говорил выше....», заканчивающийся словами: «...эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности» от 25 декабря 1922 г., и текст под заголовком «Добавление к письму», начинающийся «Сталин слишком груб...» и заканчивающийся словами «...или это мелочь, которая может получить решающее значение» от 4 января 1923 г.

⁸ ЦА ФСБ, там же. Л. 171. Подробнее о поэтических текстах оппозиции: Беленкин Б. Поэзия сопротивления, 1920-е — 1930-е гг. (доступно по адресу: <http://urokiistorii.ru/node/52391> [дата обращения 29.04.2015]).

носе (от 2 февраля 1929 г.) на некоего Кресина доносчик среди прочего возмущается следующим:

«... Чем объяснить, что в 3-й Московской ж.д. школе Казан. ж.д. ... при заведывании этой школой жены троцкиста ИЛЬИНА — АРБУЗНИКОВОЙ⁹ появились факты подбрасывания троцкистских листовок в декабре 1928 г. и в “деле” активно участвовал вожатый юных пионеров 3-й школы /работавший под наблюдением и руководством чл. ВКП/б/ АРБУЗНИКОВОЙ/ СЕМИН, сейчас исключенный из ВЛКСМ и снятый с работы?»

Этот же СЕМИН стал обслуживать листовками и первую московскую ж.д. школу Казанки...»¹⁰.

А вот — не подлинник, а чекистская перепечатка рукописного оригинала. При этом, как и большинство материалов трехтомника, этот текст сопровождается чекистским комментарием: *«Проект листовки предназначенной к первомайским торжествам. Обнаружена в оригинале у члена центра троцкистского подполья Андрея Константинова¹¹».* Вот как выглядит текст листовки, предположительно датируемой апрелем 1929 г.:

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КО ВСЕМ РАБОЧИМ, КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ.

Т о в а р и щ и

Расправу над коммунистами-оппозиционерами сталины пытаются оправдать ложью и клеветой против большевиков-ленинцев /оппозиции/ и их руководителей.

⁹ Написание фамилий прописными буквами в архивных документах здесь и далее нами сохраняются.

¹⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 26. Л. 4–5.

¹¹ Константинов Андрей Андреевич (1901–1937). Член ВКП(б) с 1917 по 1928 г. Первый арест в апреле 1929 г. в Москве. При аресте изъято много материалов левой оппозиции, в том числе дневник Константинова. В 1929–1930 гг. — в Тобольском политизоляторе. Затем в ссылке. О последующих репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index11.htm> [дата обращения 29.04.2015].

Сталинцы выбрасывают провокационные лозунги против нас. Они провоцируют нас на отдельные выступления. На самостоятельные демонстрации.

Мы не поддадимся на их провокацию мы призываем всех рабочих не нарушать единства рабочих колонн. Идите в ряды рабочих демонстраций, распространяйте в них наши листовки. Разоблачайте ложь и клевету сталинцев.

Лучшим ответом на клевету является только что полученное нами обращение т. Л. Д. Т Р О Ц К О Г О к русским рабочим, которое мы и доводим до Вашего сведения:

[далее: Обращение Л.Д.Троцкого «К русским рабочим» от 27/III-29 г.¹²]

Издание московской группы большевиков-ленинцев.

Прочитав — передай другому»¹³.

А вот, можно сказать, центральный документ по нашей теме:

З А П И С К А

В связи с имевшимся в распоряжении ОГПУ сведениями о подготовке нелегальных организаций децистов (сапроновцев) и троцкистов к выпуску и распространению листовки на 7-е ноября с.г., — ОГПУ произведена 4/XI- с.г. ликвидация центров этих организаций.

Арестовано 8 децистов, из них четверо рабочих. Среди троцкистов произведено 11 обысков и арестовано семь человек, из них один рабочий.

В результате обысков среди децистов нами обнаружено следующее:

— У Лидии СОКОЛОВОЙ¹⁴, руководившей работой всесоюзного и московского центра децистской организации:

¹² Скорее всего, именно этот текст под названием «Письмо рабочим СССР» (от 29.03.1929) опубликован в: Бюллетень Оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. Июль. № 1–2. С. 3–5.

¹³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 26. Л. 6–13.

¹⁴ Соколова Лидия Ивановна (1895–1936). Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index18.htm> [дата обращения 29.04.2015].

письмо САПРОНОВА, содержащее оценку политического и внутрипартийного положения, призыв к организации «Рабочей Коммунистической Партии» и подготовке борьбы для свержения соввласти; 3 экз. тезисов СОКОЛОВОЙ, озаглавленных «Наши ближайшие задачи»...[,] 3 экз. письма САПРОНОВА по вопросам колдоговорной компании¹⁵, **напечатанного на шатирографе** [здесь и далее выделено мной. — Б.Б.].

– У ПРОКОПЕНИ А.А.¹⁶ — руководителя сапроновской группы: **15 листовок, написанных от-руки под копирку**, с заголовками — «Ко всем рабочим — все на борьбу против сталинской политики», за подписью «Кр.Пресненск. группа сапроновцев»,

– У ЯНКОВСКОЙ Г.М.¹⁷ — члена Всес. Децистского центра: **нелегально распространявшееся письмо дециста ХОРЕЧКО¹⁸ к ДАШКОВСКОМУ¹⁹ по вопросу о блоке с троцкистами и оценке политического положения в стране²⁰.**

В результате обысков, проведенных у членов троцкистской организации, обнаружено:

¹⁵ См. также: <http://revarchiv.narod.ru/sapronov/oeuvre/pismo29.html> [дата обращения 29.04.2015];

<https://leftcom.files.wordpress.com/2011/10/collection-of-documents-on-the-decists.pdf> [дата обращения 29.04.2015].

¹⁶ Прокопеня Александр Анатольевич (Антонович) (1906–1938). Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index16.htm> [дата обращения 29.04.2015].

¹⁷ Янковская Гнеса Менделевна (Агнесса Менделевна) (1894–?). Возглавляла работу Всесоюзного и московского децистских центров. Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index30.htm> [дата обращения 29.04.2015].

¹⁸ Хоречко Тарас Иванович (варианты фамилии: Харечко) (1893–1937), находился в оппозиции с 1923 г. Один из подписавших «заявление сорока шести» (1923). Децист, сапроновец. Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index22.htm> [дата обращения 29.04.2015].

¹⁹ Дашковский Исаак Кальманович (Климентьевич) (1891–1972) — экономист, профессор Харьковского университета, ректор Коммунистического университета им. тов. Артема в 1923–1924 гг. Автор свыше 500 научных печатных работ. Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index5.htm> [дата обращения 29.04.2015].

²⁰ См.: <https://leftcom.files.wordpress.com/2011/10/collection-of-documents-on-the-decists.pdf> [дата обращения 29.04.2015].

У БАГРАТОВА²¹, **ведавшего подпольной техникой: восковки со статьи Троцкого, перепечатанной из заграничного бюллетеня, чистые ротаторные восковки, статья Троцкого — «Выдержка. Выдержка. Выдержка»²², письмо самаркандской колонии ссыльных под названием «Наш ответ новым капитулянтам» (об отходе И. Смирнова), написанная под копировку от-руки, несколько десятков других, ранее выпущенных троцкистами, нелегальных листовок и статей ...**

У Д. ЗАК²³, возглавлявшей киевский центр троцкистской организации, ныне члена московского центра троцкистов: **восковки для ротатора, зашифрованное письмо...**

У ДОВЖИК²⁴ — работницы по связям при московском центре троцкистов: переписка со ссылкой и новейшая нелегальная листовка: «Из открыток трем сапроновцам» (автор Раковский). **Обе листовки написаны от-руки через копировку.**

БРОНШТЕЙН Зинаиды Львовны²⁵, члена всесоюзного центра троцкистов: **21 экз. разных нелегальных документов, среди которых материалы, перепечатанные из заграничного бюллетеня: а) листовка «К событиям на КВЖД» (написана от-руки); б) — заявление группы оппозиционеров на имя т. Ланцуцкого²⁶; в) — статья**

²¹ Баградов Григорий Михайлович (1896–?). Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index2.htm> [дата обращения 29.04.2015].

²² См.: БО. 1929. Июль. № 1–2. С. 14–15.

²³ Зак Дара Григорьевна (1887–?). После ареста 1929 г. — ссыльная. Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index8.htm> [дата обращения 29.04.2015].

²⁴ Довжик-Бровер Эсфирь (Эсфирь-Вера) Борисовна (Боруховна) (1899–1937). Арестована в 1933 г. Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index5.htm> [дата обращения 29.04.2015].

²⁵ Волкова (Бронштейн) Зинаида Львовна (1901–1933), старшая дочь Л. Д. Троцкого, в 1930 г. получила разрешение на выезд из СССР.

²⁶ Речь идет о письме заключенных (большевиков-ленинцев) приехавшему в СССР члену ЦК Коммунистической партии Польши С. Ф. Ланцуцкому (1882–1937) об условиях содержания в Тобольском политизоляторе.

Л. Д. Троцкого «Новый этап и наши задачи» (**написано от-руки, через копировку**); г) — статья Троцкого «Выдержка, выдержка», **отпечатанная на пиш. машинке в 3-х экз.**; письмо Раковского на имя Минца²⁷, **отпечатанное на пиш. машинке в 3-х экз.**; статья под названием «Заключение» с заявлением Раковского и др. материалы; **ряд антипартийных стихотворений, размноженных от руки...**

У РАЙКИНА²⁸ — руководителя подпольной группы троцкистов в Замоскворечьи: письмо СОЛНЦЕВА²⁹ к РАКОВСКОМУ, письмо СОСНОВСКОГО из Новосибирска: «Против капитулянтства, за ленинскую платформу», **восковки и пр.**

У КУНИНОЙ³⁰, работающей при Всесоюзном центре: **комплект журн. «Соц.Вестник», повидимому, принадлежащий Владимиру КОССИОРУ.**

Произведенная ликвидация подтвердила имевшиеся у нас сведения о подготовке децистов и троцкистов к распространению конт-революционных листовок.

НАЧ.СЕКРЕТНО-ОПЕРАТ.УПРАВЛЕНИЯ ОГПУ
/ЕВДОКИМОВ/
НАЧ.СО ОГПУ: /АГРАНОВ/³¹.

²⁷ Минц Самуил Осипович (1887–?) Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index13.htm> [дата обращения 29.04.2015].

²⁸ Райкин Леонид Ефимович (1906–?). Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index17.htm> [дата обращения 29.04.2015].

²⁹ Солнцев Елизар Борисович (1897–1936) — член ВКП(б), участник Гражданской войны, выпускник Института красной профессуры, активный участник левой оппозиции, согласно Троцкому, «один из самых блестящих представителей нового поколения в Советском Союзе». Арестован в 1928 г., отправлен в ссылку, а в 1929 г. заключен на пять лет в Верхне-Уральский политизолятор. После заключения в изоляторе сослан в Сибирь. В 1935 г. вновь арестован и осужден на пять лет. После многодневной голодовки умер по одним сведениям — в тюремной больнице, по другим — по пути в ссылку (в Минусинск).

³⁰ Кунина Прасковья Григорьевна (1893–1938). Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index11> [дата обращения 29.04.2015].

³¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 26. Л. 122–124.

На одном из документов, озаглавленном (скорее всего, чекистами) «Директивное письмо Сапронова о «коллективной» кампании» (от 1 октября 1929 г.), имеется пометка тех же чекистов: «Подлинник отпечатан на шапирографе»³².

Из следующего документа — листовки — процитирую самое начало и финальные лозунги:

КО ВСЕМ РАБОЧИМ!

Все на борьбу против сталинской политики! Прошло два года с тех пор, как лучшую часть большевиков-ленинцев бросили в тюрьму, ссылки за то, что они требовали разнуждать зарвавшихся чиновников-бюрократов, извративших ленинскую партию прикрывающихся сталинской диктатурой ...

Тов. рабочие только вы можете требовать от зарвавшихся аппаратчиков бюрократов прекращения издевательства над рабочим классом.

ПРОТЕСТУЙТЕ ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ, ВЕДУЩЕЙ К ГИБЕЛИ РАБОЧИЙ КЛАСС И ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА.

ТРЕБУЙТЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ПАЙКА. ТРЕБУЙТЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ ТЮРЕМ И ССЫЛОК ВАШИХ ТОВАРИЩЕЙ.

ТРЕБУЙТЕ СВОЕ ЛЕНИНСКОЕ ПРАВО.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРУППА 15-ТИ ВО ГЛАВЕ С ТОВ. САПРОНОВЫМ [так в подлиннике: напечатано прописью и подчеркнуто. — Б.Б.].

БОЛЬШЕВИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ
КРАСНО-ПРЕСНЕНСКОГО РАЙОНА —
САПРОНОВЦЫ³³.

³² Там же. Л. 134.

³³ Там же. Л. 143.

Несколько слов о поэзии. Всего в первом томе — четыре стихотворения. Все они представлены опять же чекистскими перепечатками. Первый образец — троцкистские частушки, записанные (чекистами? самими оппозиционерами?) в Одесском допре в апреле 1929 г.:

ЗОЛОТИСТЫЙ ЗОЛОТОЙ.

/Частушки/

Чтоб цекистом стать примерным

Золотистый золотой

Есть рецептик очень верный

Не качай брат головой

Припев: В МК говорят, в ЦК говорят

В ЦК говорят тревога

Собирайтесь ленинцы в далекую дорогу.

Надо Сталинскую грубость

Золотистый, золотой

Надо Куйбышева глупость

Не качай брат головой

Надо подлость Емельяна —

Золотистый золотой.

Вот цекист Вам без из'яна

Не качай брат головой.

Припев:... и т.д.³⁴

Другое стихотворение, поступившее из Гобольского изолятора в июле 1929 г., обращено к отошедшему от оппозиции и примкнувшему к сталинскому большинству Карлу Радеку. Начинается оно так:

Читая «письма» и статьи

Вдыхая смесь пахучую —

³⁴ Там же. Л. 224. Подробнее о поэтических текстах оппозиции: Беленкин Б. Поэзия сопротивления, 1920-е–1930-е гг.

Предательства, галиматьи,
Продажности «по случаю»³⁵...

Во втором томе мы обнаруживаем такой жанр документа: *«Листовка, предназначенная к распространению, но не распространенная. Обнаружена в рукописи»*³⁶. Таких листовок несколько, в некоторых фраза «обнаружена в рукописи» отсутствует.

В этом же томе обнаруживаем и подлинный «самиздат». Вот несколько образцов:

*Листовка, начинающаяся словами: «Ко всем рабочим, ко всем членам ВКП» [про клевету Ярославского на Троцкого] и здесь же — «Письмо тов. Троцкого [об угрозе ареста] Из Алма-Аты от 16 декабря 1928 г.»*³⁷

*Бюллетень московской группы большевиков-ленинцев /оппозиции/ № 3(8) Москва 1 января 1929 г.*³⁸

Опять попадает чекистская перепечатка листовки, но уже с пометой: *«Оригинал изготовлен на шapiroграфе»*³⁹.

В результате обыска у И.М. Кокузина⁴⁰ обнаружен документ под названием «Материал предназначен для очередного бюллетеня № 3/8 «московской группы большевиков-ленинцев» /оппозиции/». Чекисты все бдительно фиксируют: *«Одна страница отпечатанная типографским способом обнаружена в порванном виде. На рукописи имеются поправки внесенные рукой КОКУЗИНА»*⁴¹.

Здесь же подшита в том брошюра И. Т. Смилги «К годовщине платформы большевиков-ленинцев»⁴², из-

³⁵ Там же. Л. 225.

³⁶ Ф. 2. Оп. 7. Д. 27. Л. 17, 25, 48.

³⁷ Там же. Л. 28–29.

³⁸ Там же. Л. 28–29.

³⁹ Там же. Л. 50.

⁴⁰ Сведения отсутствуют.

⁴¹ Там же. Л. 51.

⁴² Там же. Л. 78–92.

готовленная (отпечатанная) на каком-то множительном аппарате.

А вот — документ, опять же, напрямую по нашей теме. Во-первых, перед нами подлинник листовки, отпечатанной в типографии, во-вторых, перед нами — своего рода каталог «самиздатских» текстов левой оппозиции:

ОТ РЕДАКЦИИ «БЮЛЛЕТЕНЯ»

В виду того, что газеты, начавшие клеветническую кампанию против оппозиции, в бесстыдно лживых статьях ссылаются на документы, — якобы принадлежащие большевикам-ленинцам — и даже «цитируют» их, мы с настоящего номера «Бюллетеня» приступаем к опубликованию с п и с к а всех документов, которые мы издаем и за которые мы полностью несем ответственность перед партией и рабочим классом.

В январе нами напечатаны и распространены следующие документы: [далее перечислены 12 документов].

И здесь же — нечто «самиздатски-технологическое»:

С о о б щ е н и е т и п о г р а ф и и

Этот номер задержался выпуском по не зависящим от нас причинам. Номер имеет ряд технических недостатков (плохо корректурован, зачастую отсутствуют заглавные буквы и т. д.) по причинам отсутствия квалифицированных работников. В следующем номере, в связи с накопившимся опытом и увеличением технических возможностей недостатки прошлых номеров в значительной части будут исправлены. Тираж также будет увеличен в два раза [выделено мной. — Б.Б.].

Большевики-ленинцы работники типографии.

Гор. т. <городская типография>, 25 февраля, 1929 г.

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ⁴³

⁴³ Там же. Л. 142.

Там, где подпольная деятельность, — там, само собой, и конспирация. Чекисты помещают в свое «избранное» вот такое письмо:

*Ст. Ильинское — Усово М.Б.Б. ж/д., Московской губ.
Дом отдыха Ильичево, БАДАЕВУ Михаилу Михайловичу⁴⁴ (отдыхающему).*

Миша!

*Будь на-чеку тебя оттуда пожалуй смогут взять. По доп. отд. слух обо мне уже пронесся. Документы и дела месткома еще не проверяли, т.к. 19/III отдаю только ключ от стола и печати. У меня был обыск на квартире, ничего не нашли во время обыска был как раз Шура (твой брат) **он струсил и велосипед не взял** [здесь и далее в документе выделенное мной. — Б.Б.]*

По нашему плану вышло все хорошо, выполнили его на 100%. На службе меня ждут шпики, т.к. я сейчас дал слух, что нахожусь в отпуску и уехал в дом отдыха.

Ты будь очень осторожен.

Я скрываюсь. Работы много, весело, обрабатывай в доме отдыха побольше ребят и записывай их адреса. —

Пока — Коля Смир.<нов>

[Допечатано: К письму прилагается листовка: «Заявление тов. Троцкого в ЦК ВКП(б) и ИККИ» и листовка «Заявление Богуславского в ЦК ВКП(б), коп. ЦКК ВКП(б)».]⁴⁵

Из другого письма того же автора, уже другому адресату, видим, какие использовались каналы распространения: «Если ты хочешь от меня получить все наши регулярно материалы, то сообщи мне свой квартирный адрес...»⁴⁶

⁴⁴ Бадаев Михаил Михайлович (1908–?). Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index2.htm> [дата обращения 29.04.2015].

⁴⁵ Ф. 2. Оп. 7. Д. 27. Л. 148. Письмо с отказом И. Н. Смирнова и М. С. Богуславского от оппозиционной деятельности: Правда. 1929. 3 ноября. О письме см. также: БО. № 7. 1929. С. 11.

⁴⁶ Там же. Л. 149.

А вот опять подлинник листовки, побывавшей в руках у самого-самого чекистского и партийного начальства:

[на бланке ОГПУ] 31 января 1929 № 131748/8

Тов. ЯРОСЛАВСКОМУ

Согласно распоряжению т. ЯГОДЫ, при сем направляю Вам листовки, распространяющиеся московским троцкистским центром:

1/ «Дополнения большевиков-ленинцев /оппозиция/ к наказу Моссовета»⁴⁷.

2/ «Ко всем рабочим. Ко всем членам ВКП/б/».-

ЗАМНАЧСООГПУ: [подпись] /АГРАНОВ/⁴⁸

Далее в томе — подлинники листовок: «КО ВСЕМ РАБОЧИМ. КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ВКП/б/»⁴⁹ И «ДОПОЛНЕНИЯ БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ /ОППОЗИЦИЯ/ К НАКАЗУ МОССОВЕТА»⁵⁰.

Крупное изъятие происходит при обысках и арестах в конце марта 1929 г.:

Тов. МЕНЖИНСКОМУ

При сем препровождаются следующие документы:

(...) 3. Газета «Рабочий путь к власти» /орган. Временн. Центр. Бюро по организации Рабочих Коммунистических б. Партий Союза-Р.К.П.б.С /№ 7.

4. [дпечатано] Бюллетень «Московской группы большевиков-ленинцев /оппозиции/ № 2/7 от 5 декабря 1928г.

ЗАМПРЕДОГПУ /ЯГОДА/

ЗАМНАЧСООГПУ /АГРАНОВ/⁵¹

⁴⁷ Опубликована: Из истории троцкистской оппозиции в СССР. Листовки 1929 г. // История СССР. 1991. № 5. С. 113–115.

⁴⁸ Ф. 2. Оп. 7. Д. 27. Л. 150.

⁴⁹ Там же. Л. 151.

⁵⁰ Там же. Л. 152.

⁵¹ Там же. Л. 311.

В третьем, последнем, томе мы опять же видим следы (последствия) успешных чекистских операций по ликвидации троцкистского подполья. Опять «Проект листовки о VIII съезде профсоюзов, предназначавшейся к распространению. Но не распространенная»⁵². В другой листовке, «предназначенной к распространению, но не распространенной», читаем:

...Мы предлагаем отменить позорящее рабочий класс решение правительства о ссылках и арестах большевиков-ленинцев. Нужно вернуть участников Октября из ссылок. Нужно освободить арестованных перед кануном октября. Нужно немедленно вернуть соратников Ленина — Троцкого в Москву. На основе ленинской позиции надо немедленно восстановить единство партии.

Да здравствует — Ленинское единство партии!

Да здравствует — О к т я б р ь!

Да здравствует — вождь Октября тов. Троцкий! [1928]

[речь идет о кануне празднования 7 ноября 1928 г. — Б.Б.]⁵³

А вот — прекрасный образец, во-первых, зашифрованного письма, во-вторых, инструкции по выпуску нелегальной литературы: письмо ссыльного оппозиционера Шейнבלата⁵⁴ (обнаружено при обыске у И. Кокузина):

*«7/XII- -Котеночек миленький. Начну с самого главного, с твоего приезда. ... Миленькая, славненькая моя кисенька. Дорогая мне. Любушенька, котик мой — мирочка детка. Ну где ты. Иди ко мне. Дай я взгляну на тебя милая... Отвечаю на последнее твое письмо. Но сначала, чтобы не забыть. **Это***

⁵² Ф. 2. Оп. 7. Д. 28. Л. 153.

⁵³ Там же. Л. 166.

⁵⁴ Шейнблат Цадок Беницианович (1906–?). Сведения о репрессиях см.: <http://lists.memo.ru/index25.htm> [дата обращения 29.04.2015].

ты, милая, сама обрезала одну страничку в письме. Поэтому, что в одной листовке обрезана четвертушечка и как-то странно. ... Детка, обязательно и обязательно прекрати вечернюю работу на недели две. Я уже по твоим письмам, по почерку и по грамотности/ да, по грамотности — ты столько ошибок делаешь, что прямо диву даешься, не говоря уже о пропусках и перестановках / вижу и чувствую, как ты устала. Надо оборвать. Не стесняйся, скажи там кому надо, что нужен перерыв — ты отдохни, а потом опять. Иначе хуже будет и продуктивности меньше будет. Еще раз напоминаю тебе о Юл. Ст. Она ведь специалистка. Возьми ее вовсю, она сейчас ничего не делает, а работу хочет.

Для рыжего возьми у Шмиячка [? — Б.Б.] кровать. Он даст. А то ему неудобно на полу и вообще неудобно так, как сейчас. Шмиячка я уверен даст ее, также и Густа. Только надо сходить и попросить [выделено мной. — Б.Б.].

Мирусенька ты приготовься на всякий случай на ХХ-7,17,4, 22,10 /еще и поэтому я бы сказал, чтобы ты прекратила на время и уехала из М./, приготовь доверенности, расписки и м как надо искать и все проч. на всяк. случай Киська, я перестал получать Ком.<мунистический> Ин.<нтернационал.> Последний номер я получил № 43. Сейчас также, как и ты читаю Тихий Дон. Очень рад, что вместе читаем. Все как-то ближе друг к другу, правда.

Что занимаешься стенограммой — я очень рад — только не переутомляйся. Теперь вот что. В конце этого месяца ты получишь открытку из ХХ-30,24,17,24,6,2,19,18 от ХХ-6,9,12,13, II-19,23, II-27,8,13,9,23,39, III-24,23,24,10,19,5 приготовь все, что можешь и когда II-15,9, III-24,40,13, ХХ-5,4,10, ХХ-1,2,3,4,5,7, ХХ-26,23,11,32,18,33, ХХ-21,20,4,9; II-6,51,2,23. Если тебя уже не будет то передай кому нужно...⁵⁵

⁵⁵ Ф. 2. Оп. 7. Д. 28. Л. 245–251.

Подведем некоторые итоги.

Судя по содержанию папок, жанровый ассортимент самиздата левых был достаточно богат. Речь идет о периодических изданиях (четыреполосный «Бюллетень московской группы большевиков-ленинцев/оппозиция», «Рабочий путь к власти» мясниковцев); листовках (чаще всего приуроченных к праздникам — красным дням большевистского календаря и обращенных чаще всего к рабочим, иногда — к рабочим конкретного предприятия); распространившихся отдельных текстов (в виде открытых писем, программных текстов, как коллективных, так и отдельных лидеров оппозиции; особый «жанр» — тексты Троцкого, полемические тексты, наконец, стихи). Каков был тираж этой продукции, ответить сложно. Полагаю, от нескольких десятков, до нескольких тысяч — все зависело от технических возможностей и задач⁵⁶. Тексты переписывались от руки, перепечатывались на машинке, тиражировались с использованием множительной техники, которую было можно изготовить и хранить в домашних условиях, наконец, нелегально размножались на типографских машинах... Насколько широко распространялся самиздат оппозиции? Ответить на этот вопрос не так уж сложно. В ответе и будет заложено сомнение в том, что размножаемое и распространяемое левыми правомерно называть «самиздатом» (имея в виду те отличительные черты «классического» самиздата 1950-х — 1970-х гг., которые заставляют использовать этот термин в ограниченных временных рамках). А ответ таков: самиздат тогдашних левых распространялся, сформулируем этот так, «достаточно широко, но в узких кругах». Именно ограниченность ареала распространения, ограничен-

⁵⁶ А. Гусев как об ориентировочной цифры суммарного тиража подобных изданий говорит о «приблизительно 10 тысячах экземплярах» (Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 93).

ность идеологически заданная, не позволяет, на мой взгляд, говорить о возможности переноса в первую очередь культурного или, иначе, культурно-политического явления 1960-х гг. на 1920-е! Способ размножения — да здесь «рифма» с 1960-ми почти полная. Но что касается широты охвата этим явлением населения, все не так, все по-другому, нежели 30–40 лет спустя...

Тексты левых оппозиционеров, какими бы тиражами они ни размножались, исчезли почти без следа практически одновременно с их авторами, распространителями и читателями. «Самиздат» 1920-х гг. погубили: адресация текстов ограниченному кругу единомышленников (сторонники левых оппозиционных течений) и ограниченному в плане сочувствия идеям левых социуму (рабочий класс, к тому времени не представлявший собой нечто однородное ни социально, ни политически); жесткий прессинг оппозиции и ей сочувствующих со стороны власти; и, наконец, содержание самих текстов, предназначавшихся к размножению и распространению. Последнее немаловажно. Ибо большинство текстов оказалось по своему содержанию однодневками: внутри- и внешнеполитическая ситуация менялись так быстро (речь идет о периоде 1927–1930 гг.), так кардинально подчас менялись установки участников политической борьбы — игроков тогдашнего политического поля, что читать (распространять, хранить) написанное и полученное месяц тому назад было зачастую совершенно нелепо, неуместно, неактуально — все что угодно!.. Чего стоят яростные атаки на «правых» — Бухарина, Рыкова и Томского, отправленных в политическое небытие через пару лет после разгрома левой оппозиции?!. Наконец страх, абсолютный страх перед неминуемой репрессией не позволил сохранить, даже в виде «сувенира эпохи» образцы неподцензурных текстов конца 1920-х гг. Во всяком случае, автору доклада неизвестны случаи обнаружения таковых в частных архивах.

Библиографический список

1. Беленкин Б. «Поэзия сопротивления», 1920-е – 1930-е гг. / Борис Беленкин о своих находках в архиве ФСБ // Уроки истории. 2015. 23 января. Доступно по адресу: <http://urokiistorii.ru/node/52391> [дата обращения 29.04.2015].
2. Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Париж–Берлин–Цюрих–Нью-Йорк. 1929–1940. № 1-87 (репринт: Нью-Йорк, 1973).
3. Гусев А.В. Децисты – «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу. Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 3–4 ноября 2012 г. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 53–61.
4. Гусев А.В. «За оппозицию большевиков-ленинцев!»: Листовки левокоммунистического подполья. 1928–1929 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 196–204.
5. Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103.
6. Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в первой половине 30-х годов // Политические партии России: Страницы истории. М.: Изд-во Мос. ун-та, 2000. С. 166–192.
7. Гусев А.В. Троцкистская оппозиция в конце 20-х – начале 30-х годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1996.
8. Документы демократических централистов (20-е гг.) / Союз коллективистов // Левокоммунистический блог. 2007. Доступно по адресу: <https://leftcom.files.wordpress.com/2011/10/collection-of-documents-on-the-decists.pdf> [дата обращения 29.04.2015].
9. Жертвы политического террора в СССР // Мемориал. Официальный сайт. Доступно по адресу: <http://lists.memo.ru/index11.htm> [дата обращения 29.04.2015].
10. Из истории троцкистской оппозиции в СССР. Листовки 1929 г. // История СССР. 1991. № 5. С. 104–120.

11. Письмо Сапронова Т.В. от 10 августа 1929 г. // Революционный архив. Доступно по адресу: <http://revarchiv.narod.ru/sapronov/oeuvre/pismo29.html> [дата обращения 29.04.2015].

Часть 3. Пути изданий и издателей

Судьбы поэтов «Маяковки»

*Поликовская Людмила Владимировна /
Polikovskaya Ludmila
филолог, историк диссидентского движения /
philologist, historien of dissident movement
polikovsk@mail.ru*

Аннотация: Статья является продолжением авторской книги «Мы предчувствие, предтеча» и рассказывает о судьбах поэтов, выступавших в 60-е гг. в Москве на площади Маяковского со стихами, которые не печатали официальные издания.

Автор сосредотачивается на значимых обстоятельствах жизни поэтов «Маяковки», не вошедших в книгу, рассказывает о судьбах самых видных участников «звучащего самиздата» о самиздатских сборниках, журналах и альманахах, авторами, составителями и распространителями которых стали поэты-«маяковцы». В статье восстанавливается хроника развития самиздата 60-х гг., описывает внешний вид подпольных изданий.

Summary: Article is continuation of the author's book "We are Presentiment, Forerunner" and tells about destinies of the poets performing in the 60th years in Moscow on Mayakovsky Square with verses which were not printed in official publications. The author concentrates on significant circumstances of lives of the poets of "Mayakovka" who didn't enter the book and tells about destinies of the most outstanding participants of the "sounding samizdat", about the samizdat collections, magazines and almanacs, which authors and promoters were poets – "mayakovets". In the article the chronicle of development of a samizdat of the 60th years is restored, the appearance of underground editions is described.

Ключевые слова / Key words: самиздат, поэзия, Маяковка, Юрий Галансков, группа «АМАВЪ», «Бумеранг», «Феникс», биография, тамиздат, диссиденты, samizdat, poetry, Mayakovka, Yuri Galanskov, group of "AMAV", "Bumerang" and "Phoenix" magazines, biography, tamizdat, dissidents.

Тема моего доклада тесно связана с моей книгой «Мы предчувствие, предтеча...», которую все, наверное, читали. Поэтому буду стараться вести речь о том, чего в книге нет.

Самым значительным поэтом «Маяковки» («Маяка») был, без сомнения, Юрий Галансков. Его «Человеческий манифест» — знамя и пароль «Маяковки» — в моей книге напечатан полностью.

«Костяком» «Маяковки» были и еще четыре поэта, так называемая группа «АМАВЪ» — Анатолий, Михаил, Аполлон, Владимир. «Ъ» (твердый знак) на конце указывал на законченность группы.

Анатолий Щукин, так же как и Галансков, на площади читал гражданские стихи. Но если Галансков был гражданским поэтом по характеру и складу своего дарования, то Щукин уже тогда писал много лирических стихов, которые не читал на площади. В дальнейшем он будет писать почти исключительно лирику: любовную, пейзажную, философскую.

Вот одно из его стихотворений, написанных примерно в то же время, что и «Репортаж с Красной площади»:

Когда от меня останется
Один лишь ромашкин ров
Ты сядешь в белые сани
Навстречу тех вечеров.

Одна, ты, наверное, вспомнишь
Зима на саван ткала,
Но каждой весной в Коломне
Безумствуют колокола.

Пожалуй, единственный «чистый» лирик из этой группы — **Михаил Каплан**. Его стихи — иногда даже отстаивание своего права на лирику:

Ах, какие против лжи
Все борцы вы!
Спровоцируйте меня на жизнь,
Спровоцируйте!
Чтобы дождь, чтоб снег, чтобы зной —
Все воочью.
Чтобы ты была со мной
Этой ночью.

Аполлон Шухт практически все, что писал, мог прочитать, и читал, на площади. Это были преимущественно стихи гражданские. Лирика, если и имела место, то с гражданским уклоном.

Владимир Вишняков по складу — лирический поэт («не хочу я о крови кричать»). Но на площади его лирика воспринималась как гражданская, да отчасти и была такой:

Мне надоело чувство мять
Осточертели трюфельки
Хочу вот так вот просто обнять
Чьи-то потертые туфельки.

И в этом же стихотворении:

Лучше вправду я буду безумным,
Лишь бы не был на вас похож.

Площадь была не только звучащим самиздатом, но и центром распространения самиздата письменного — как стихов тех поэтов, которых официальное литературоведение считало «подозрительными», так и собственных. Особенно часто перепечатывался и распространялся «Челове-

ческий манифест». Составлялись и самиздатские журналы и альманахи.

Первым таким журналом был «Бумеранг» (1960). Редактор-составитель — В. Осипов, который сам не писал ни стихов, ни прозы, один из «политиков» (см. «Мы предчувствие, предтеча...»¹). Когда я работала, я считала, что все экземпляры «Бумеранга» утеряны, но уже после того, как книга вышла в свет, Габриэль Суперфин нашел экземпляр. И теперь уже не приблизительно, а точно известно содержание этого сборника. Авторы «Бумеранга» — поэты и прозаики «Маяковки». Здесь представлена вся группа «АМАВЪ». Под псевдонимом Ан. Ветер (Щукин) помещен ответ А. Орлову на его стихотворение, которое очень часто звучало на площади и, может быть, именно поэтому не было включено в журнал («Нет, не нам разряжать пистолеты / В середины зеленых колонн / Мы для этого слишком поэты / А противник наш слишком силен...»). Вот ответ Щукина: «Нет, и нам заряжать пистолеты / Нет, идею в тачанку впрясть. ... Заряжать, заряжать пистолеты. / Только так, истории в такт. / Кто сказал: не борцы поэты? / То ли дело поэт-солдат?»).

Были в «Бумеранге» стихи В. Вишнякова (Ковшина), А. Шухта (Шуга), а также В. Калугина, Аиды Ясколки (Топешкиной), на тот момент жены В. Осипова — это все поэты «Маяковки». Но печатались в сборнике и стихи поэтов, не имевших отношения к «Маяку» (Иван Харабаров), и старшего поколения, в частности, Бориса Слуцкого («Мы все ходили под Богом...»). Все эти стихи читались на «Маяке».

Кроме того, в номере опубликованы две статьи: «Молодежь — барометр общества» Марты Волховой и искусствоведческая статья художника московского андеграунда Василия Ситникова «Как смотреть живопись».

¹ Поликовская Л. В. Мы предчувствие... предтеча... Площадь Маяковского, 1958–1965. М.: Просветительско-изд. центр «Звенья», 1997.

По примеру Осипова еще два завсегда «Маяковки» — Виталий («Алик») Скуратовский и Григорий Якобсон решили выпустить журнал (альманах) «Коктейль». О нем подробно рассказано в моей книге — добавить ничего не могу.

Самым главным, самым представительным сборником (задуманным как журнал) был «Феникс». Редактор-составитель — Ю. Галансков. В «Фениксе» были напечатаны «Гамлет» и главы из «Охранной грамоты» Бориса Пастернака, стихи — поэтов-«маяковцев» (всех вышеперечисленных). Но не только: стихи Наталии Горбаневской, членов группы «Мансарда» Валентина Хромова, Станислава Красовицкого, Леонида Черткова, который тогда сидел. Кто передал стихи Черткова Ю. Галанскову? Вероятно, Н. Горбаневская, которая знала его раньше. Публицистика была представлена «Открытым письмом» Ю. Галанскова с хлесткой критикой Е. Евтушенко.

А. Топешкина передала сборник за границу, и он был полностью опубликован в журнале «Грани» (1962, № 52). Надо сказать, что, в отличие от других сборников «Маяковки», «Феникс» и был задуман для передачи за границу. Ю. Галансков уже тогда был связан с НТС и общался с курьерами, никого в это не посвящая.

В октябре 1961 г. после арестов «политиков» Ильи Бокштейна, В. Осипова, Эдуарда Кузнецова, Анатолия Иванова (Новогоднего) площадь перестала существовать. О причинах арестов — в моей книге. Никто из арестованных не писал и, соответственно, не читал стихов на площади. В том числе и И. Бокштейн, который неожиданно начал писать их уже в лагере, в возрасте 27 лет. Подробно о жизни в лагере и после выхода из лагеря в Москве и потом в Израиле рассказывается в моем интервью с ним. Добавлю только, что Бокштейн писал не только стихи, но и философско-религиозные и лингвистические трактаты на русском языке, занимался выработкой нового поэтического языка. Публиковался в журналах «Сион», «Время

и мы», «22» (Израиль); «Гнозис» (США). В 1986 г. выпустил книгу стихов «Блики волны». В качестве примера приведу одно его стихотворение полностью:

В том возрасте когда дети играют
подростки озоруют и мечтают
о подвигах
а юноши влюбляются
я от жалости любил ремонтировать старые часовни
а тут повзрослев
пешком отправился в Рим —
к Святейшему Отцу.
и он увидев меня
очень рассердился:
почему ты такой грязный
ступай к свиньям.
И я пошел к свиньям.
А когда вернулся,
Святейший Отец
Еще больше огорчился:
Где ж ты был?
— у свинок,
Они же не виноваты,
Что они зверюшки.
И тогда он разрешил мне
Проповедовать
Слово Божие.

Ну а что стало с другими участниками чтений, которые оставались на свободе?

Юрий Галансков продолжал активную деятельность. В 1966 г. он выпустил «Феникс-66». Непосредственным толчком к его появлению стал суд над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. В отличие от «Феникса» 1961 г. в этом сборнике преобладала не поэзия, а публицистика, литературная, философская, политическая. В «Феникс-66»

были помещены две статьи А. Синявского, одна из которых — «Что такое социалистический реализм» — незадолго до того была признана Верховным судом «антисоветской», а вторая — «В защиту пирамиды» — снята цензурой из «Нового мира» после ареста писателя. В сборник также вошли широко распространенные в самиздате 60-х гг. тексты, например, письмо Эрнста Генри к Илье Эренбургу, автор которого он пишет о том, что Сталин был не только аморальной личностью, преступником, но и очень плохим, неумелым политиком и государственным деятелем; статья о политико-экономическом развитии СССР в 1924–1964 гг. под названием «Российский путь к социализму и его результаты». В моей книге возможным автором называется академик Евгений Варга, но теперь уже достоверно известно, что статью написал профессор филологического факультета МГУ Геннадий Поспелов, никогда не отличавшийся оппозиционными настроениями и высказываниями². Очень неожиданный автор.

Программными были и работы самого Ю. Галанскова «Открытое письмо Михаилу Шолохову» по поводу его позорного выступления о процессе А. Синявского и Ю. Даниэля и «Организационные проблемы движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире» — один из первых пацифистских документов самиздата. «Феникс-66» также был передан на Запад. Руководители НТС хотели, чтобы «Феникс» печатался в «Посеве», органе НТС, — якобы такова была воля Ю. Галанскова. Как бы то ни было, в отличие от «Феникса-61», «Феникс-66» никогда не был напечатан полностью. Отдельные произведения публиковались в нескольких номерах «Граней» в 1967–1970 гг.

В январе 1967 г. Ю. Галансков был арестован. Состоялся знаменитый «процесс четырех» (Юрий Галансков, Александр Гинзбург, Алексей Добровольский, Вера

² Подробнее см.: Поспелов Г. Завещание академика Варги: Российский путь перехода к социализму и его результаты // Скепсис (доступно по адресу: http://scepsis.net/library/id_3305.html [дата обращения 28.04.2015]).

Лашкова), на котором «Феникс» был признан «антисоветским» изданием, а его составление, редактирование и распространение — «антисоветской агитацией и пропагандой», что, как известно, подпадало под статью 70 УК РСФСР. Ю. Галансков и получил семь лет лагерей. О его жизни в лагере на материалах его писем написана большая и очень добросовестная книга Г. Кагановского «Хроника казни Юрия Галанскова»³. Могу добавить только то, как создавался некролог на смерть Галанскова. Он был написан у меня дома. Под текстом — много подписей, но непосредственно писал его В. Вишняков (Ковшин), остальные редактировали. Больше всего споров было вокруг фразы «посадили, чтобы погубить», активнее всех против нее возражал А. Шухт. В результате фразу сняли.

Несколько слов о судьбах остальных участников площади.

Аполлон Шухт перестал писать и читать стихи на площади еще до ее разгона. Это было осознанное и мужественное решение. Он понял, что поэтического таланта у него нет, а всякая политическая деятельность ни к чему хорошему не ведет, и решил стать, по его выражению, «бюргером». Бюргером он не стал. Он всегда охотно читал самиздат, следил за литературой и публицистикой, особенно «новомировской». Шухт подписал некролог Галанскову, он вышел на площадь 5 декабря 1965 г. — на первую правозащитную демонстрацию. Но все эта деятельность была уже на обочине его жизни. Тем не менее, можно сказать, что «Маяковка» не прошла для него даром, он не предал свою молодость: не вступил в партию; закончив заочно мехмат МГУ, работал на скромной должности аудитора; никогда не стремился делать карьеру, хотя обладал недюжинными математическими способностями

³ Хроника казни Юрия Галанскова в его письмах из зоны ЖХ-385, свидетельствах и документах. М.: Аграф, 2006.

(в седьмом классе получил первую премию на городской олимпиаде по математике).

Анатолий Щукин. Если первоначально он всячески избегал военной службы, то после арестов, боясь, как бы его не постигла та же участь, намеренно «нырнул» в армию. Служил в Германии, недалеко от Франкфурта-на-Одере. Как только об этом стало известно, его вызвали «куда надо»: с ним беседовал особист, который всячески допытывался, как стихи попали на Запад, по каким каналам. Но А. Щукин ничего об этом не знал, о чем честно и сказал. Из Германии его, естественно, турнули, и дослуживал Анатолий уже в России. После армии заочно окончил МЭИ и всю жизнь, до самой пенсии, проработал инженером в «ящике», режимном учреждении. Это было возможно потому, что он уже никогда не «высовывался» — не читал публично стихи и не пытался их печатать, ни в СССР, ни, впоследствии, за границей. Впрочем, Щукин принял участие в самиздатском журнале «Сирена», созданном его другом М. Капланом. Продолжал писать стихи всю жизнь. Итогом стала маленькая книжечка, изданная в 2009 г., за три года до смерти. А. Щукин издал ее, разумеется, за свой счет, по инициативе детей, которых у него было четверо (от трех браков). Обложка — Ивана Щукина, сына. Эпиграф из Василия Розанова: «Созидайте дух, созидайте дух, созидайте дух!.. Смотрите, он весь рассыпался...». Предисловие — А. Шухта и писателей Анатолия Азольского и Юрия Мамлеева (который к этому времени из андеграундного писателя уже стал признанным деятелем культуры). Вот что он писал: *«Поэзия Щукина была неотъемлемой частью т. н. неофициальной культуры. Его стихи интересны сочетанием конкретики и элементов авангарда. В то же время это пронзительная поэзия, проникнутая любовью к “израненной русской земле”»*. На мой взгляд, насчет «пронзительности» — некое преувеличение. Пусть стихи скажут сами за себя.

Как я люблю черемуху
Охалками сирень
Когда в базарном омуте
И оглянуться лень

Средь этой свалки пряничной
Цыганка проплывет
А ты стоишь как Ванечка
И оторопь берет.

Михаил Каплан. Надо заметить, что он был большой мистификатор и придумал себе биографию. Рассказ о детстве, что приводится в моем интервью с ним, — художественная литература. Каплан говорит, что отец его погиб в лагере, а он, как уже потом стало известно, покоится на одном из московских кладбищ. И Михаил не был в детском доме. Скорее всего, выдумка и то, что мать его сотрудничала с КГБ и «стучала» на отца и на него. Она обожала своего единственного позднего ребенка, да и он ее любил. Но выдуманно убедительно, недаром я купилась.

После разгрома «Маяковки» он — в отличие от Ю. Галанскова и Владимира Буковского — не стал заниматься правозащитной деятельностью, но, в отличие от других членов группы «АМАНЪ», и не ушел целиком в частную жизнь. Каплан не только продолжал писать стихи, но и издавал самиздатские журналы. Так, в 1962 г. он подготовил два номера журнала «Сирена». Активное участие в работе над этими журналами принимал В. Скуратовский. Журнал представлял собой книжечку объемом в половину стандартного листа, страницы пробивались гвоздем и соединялись скрепками, переплет из бархатистой бумаги зеленого цвета (почему-то именно этот цвет полюбился «маяковцам», «Феникс-61» тоже был зеленый). Название — из вырезанных печатных букв.

Первый номер «Сирены» был составлен исключительно из произведений «маяковцев»: вся группа «АМАВЪ» (сам Каплан там фигурирует под псевдонимом «М. Вербин»), а также стихи Ю. Виленского (Недгара), Яши Синего и др. Все стихи были лирические, правда, грустные и не подходили для официальной советской печати исключительно по эстетическим соображениям («*На ладони твоих колен / Положу эту песню, Что давно уже бесит меня*»). Была в журнале и проза: рассказы Г. Недгара в духе обзориутов, а также юмористические рассказы А. Гармина и Л. Роэ (псевдонимы Скуратовского) — о том, как сбросили атомную бомбу на европейские столицы и что из этого вышло. Внутри журнала — шмуцтитулы, в конце — рисунок русалки.

Второй номер «Сирены» стал более представительным. «Маяковцы» и в нем занимали большую часть журнальной площади. Но были здесь и поэты ленинградского андеграунда — Леонид Аронзон, Михаил Юпп (Смоткин, Таранов) и также стихи уже печатающихся поэтов — ленинградцев Александра Кушнера («*Два мальчика, два тихих обормочика...*») и Глеба Горбовского (в частности, его знаменитая «*Квартира № 6*»). Эти стихи передал М. Каплану Ю. Галансков из архива «Феникса», куда они не вошли из-за аполитичности. Так же, как и в первом номере, во втором публиковалась и проза, например, того же Скуратовского под теми же псевдонимами. Произведения разных авторов разделены шмуцтитулами, часть из которых выполнена школьным другом М. Каплана, впоследствии известным художником-авангардистом Виталием Комаром.

М. Каплан (вместе с В. Кононенко) выпустил еще один журнал — «Фонарь», тоже в 60-е гг. Ни одного экземпляра, по-видимому, не сохранилось, во всяком случае, я не нашла, и потому ничего сказать не могу.

В 1988 г. в Париже вышел небольшой сборник стихов Каплана — «*Предчувствие беды*», тиражом 500 экземпляров. Название хорошо передает суть его лирики.

Пример:

Уходили поезда
Рижского вокзала
Что же ты, моя беда,
Лишнего сказала!

Мне не ехать никогда
Далее Тучкова
Что же ты, моя беда,
Сделала такого!

Предисловие к сборнику написал Игорь Дудинский (Дуда) (он же составитель). Автор предисловия справедливо говорит о том, что андеграундная культура 60-х непредставима без фигуры Миши Каплана. *«В его поэзии, с максимальной энергетикой явлено мироощущение 60-х. В них квинтэссенция нашей культуры, ее истоки, ее проблематика. В них все, чем мы жили-болели».*

Послесловие к сборнику написал друг Каплана, художник-авангардист Борис Козлов: *«Сумасшедший, шумный, стремительный... Он возник внезапно, словно слух, и сразу же оброс легендами, тогда слухи и легенды определяли степень гениальности и славы. Невозможный баловень потаенной богемы. Он светился и возбуждал физиков-теоретиков, потенциальных художников и поэтов, входивших в моду диссидентов и выходивших из нее сексуальных мистиков. Сам по редкой бесшабашности диссидентом не стал... Его мистификации могли составить хрестоматию того, что позже обозвали перфомансом».*

М. Каплан часто не записывал стихов, но те, кто их слышал, обычно запоминали, и строки из них становились крылатыми выражениями (*«Прости меня, моя страна, за то, что я — кусок говна»*).

Он первый из поэтов «Маяковки» пришел к смогистам, стал их неофициальным куратором, передал им опыт

подготовки и составления журналов. Дитя 60-х, в 80-е он как-то увял, его не было слышно.

В 1999 г., в 56 лет, Михаил Каплан умер, сидя на скамейке в парке.

Владимир Вишняков (Ковшин) продолжал участие в самиздатских журналах. Какое-то время работал натурщиком, но очень скоро стал сотрудничать в советских изданиях. При коммунистах большой карьеры не сделал. С конца 90-х гг. — заместитель главного редактора газеты «Правда». То есть тогда, когда быть коммунистом стало уже не модно, не престижно. Это его искренние убеждения, я с ним много об этом разговаривала. Нынешнюю власть считает антинародной, антидемократичной и работает не ради «презренного металла», а исключительно по убеждению. Его статьи не отличаются «кондовостью». Он написал рецензию на мою книгу и напечатал ее в «Правде». Откликнулся на смерть Андрея Вознесенского теплой статьей о нем.

Виталий (Алик) Скуратовский. Печатался и в самиздате и в советской прессе — с юмористическими рассказами, в частности на шестнадцатой полосе «Литературной газеты». В 1990 г. эмигрировал в Германию. В 1993 г. с помощью Владимира Батшева, у которого было тогда свое маленькое издательство, выпустил в России книжку «Гри-масы нового» — сборник рассказов, миниатюр и афоризмов тиражом 1000 экземпляров. Обложку к этой книге, кстати, нарисовал его сын Ян Скуратовский. В настоящее время печатается с мини-юморесками в эмигрантской печати.

Кто-нибудь из «маяковцев» вписался в советскую литературу? Да.

Алиса Гадасина стала журналисткой, психологом. В партию не вступила. Карьеры не сделала. Работала в газетах «Российские вести» и «Медицинская газета» и др.

Юрий Стефанов стал известным и успешным переводчиком, членом Союза писателей. В партию не вступил.

Виктор Калугин в 70-е гг. окончил Литературный институт (во времена «Маяковки» у него не было даже

аттестата), стал журналистом, критиком, литературоведом и писателем патриотического толка. Работал в издательстве «Молодая гвардия» и журнале «Слово». Секретарь правления Союза писателей России, автор книг о русском фольклоре, в том числе книги «Герои русского эпоса» и книги о русском фольклоре⁴. Выступал в «Московском комсомольце», «Независимой газете», газете «Завтра» и других изданиях.

Самые успешные — это **Николай Котрелев** и **Игорь Волгин**, но Котрелев читал на площади преимущественно стихи Маяковского и Гумилева, а И. Волгин перестал ходить на «Маяковку» еще до ее разгрома — его карьера началась уже тогда.

...Разные судьбы. Но каждый может сказать о себе словами Рубины Арутюнян: «Маяковка всегда со мной»⁵.

Библиографический список

1. Арутюнян Рубина. Моя Маяковка. Доступно по адресу: <http://majakovka.artmagazine.ru/text.htm> [дата обращения 28.04.2015].
2. Поликовская Л. В. Мы предчувствие... предтеча... Площадь Маяковского, 1958–1965. М.: Просветительно-изд. центр «Звенья», 1997.
3. Пospelов Г. Завещание академика Варги: Российский путь перехода к социализму и его результаты // Скепсис: [Интернет-журнал]. Доступно по адресу: http://scepsis.net/library/id_3305.html [дата обращения 28.04.2015].
4. Хроника казни Юрия Галанскова в его письмах из зоны ЖХ-385, свидетельствах и документах. М.: Аграф, 2006.

⁴ См. например: Калугин В. И. Герои русского эпоса. М.: Современник, 1983; он же. Струны рокотаху... М.: Современник, 1989.

⁵ Арутюнян Рубина. Моя Маяковка (доступно по адресу: <http://majakovka.artmagazine.ru/text.htm> [дата обращения 28.04.2015]).

**«Свобода: Журнал Системы»:
Из истории пацифистского самиздата в России**

*Гордеева Ирина Александровна / Gordeeva Irina
к. и. н., доцент Российского государственного
гуманитарного университета /
Ph.D., associate professor
in the Russian State University for the Humanities
nep1@yandex.ru*

Аннотация: С 1988 по 1990 г. известный хиппи, художник и пацифист Диверсант (Юрий Попов, 1954–1999) от имени пацифистской организации хиппи «Свободная инициатива» выпускал самиздатский журнал «Свобода». Журнал выходил четыре раза в год, но нерегулярно, постепенно превратившись из «журнала» в «письмо-записку». В нем можно встретить перепечатку самиздатских материалов по истории хиппи, пацифизма и анархизма в СССР и за рубежом, стихов хиппи, программных документов «Свободной инициативы», переписку с зарубежными единомышленниками и др. Всего вышло не менее 12 номеров, каждый тиражом не более 30 экземпляров. В настоящее время журнал «Свобода» можно найти в архиве Архива Радио «Свобода» (Будапешт), в архиве Исследовательского Центра Восточной Европы (Бремен), в библиотеке Международного общества «Мемориал», в некоторых архивохранилищах США. а также в частных коллекциях. В статье рассказывается история «Свободной инициативы», приводится биография Юрия Попова, описываются структура и содержание журнала.

Summary: Between 1988 and 1990 famous hippie, artist and pacifist Diversant (Yurii Popov, 1954–1999) on behalf of the hippies' pacifist group "Svobodnaia initsiativa" (Independent Initiative) issued samizdat magazine "Svoboda". It was published four times per year, but was irregular and step by step collapsed from "magazine" into the "note-letter". It contained re-published samizdat materials on the history of the hippie, pacifist and anarchists movements in the USSR

and abroad, hippies' poetry, program documents of "Svobodnaia initsiativa", correspondence with foreign like-minded persons and so on. There were published not less than twelve issues of the magazine, each of them was in not more than thirty copies. Now the copies of "Svoboda" can be found in the OSA Archivum in Budapest, in the Archives of the Research Centre for East European Studies in Bremen, in the Library of the International "Memorial", in some archives of the USA and in private collections. The article tells the history of "Svobodnaia initsiativa", traces the biography of Yurii Popov, describes the structure and content of the magazine.

Ключевые слова / Key words: пацифизм, мирное движение, советские хиппи, самиздат, анархизм, Юрий Попов, Диверсант, группа «Свободная инициатива», журнал «Свобода», pacifism, peace movement, Soviet hippies, samizdat, anarchism, Yurii Popov, Diversant, group "Svobodnaia initsiativa", magazine "Svoboda".

В России пацифизм — одна из самых экзотических идеологий. В историческом плане российский пацифизм ассоциируется прежде всего с «толстовским» движением. Незнученность пацифизма, антимилитаризма, движений за мир в России связана в том числе и с тем, что огромное количество источников по их истории малоизвестно как профессионалам, так и широкой публике.

Одним из таких источников является периодическая печать российских пацифистов. С конца XIX в. попытки издавать периодические и продолжающиеся издания пацифистского характера предпринимали «толстовцы». Вынужденно попавшие в эмиграцию, они основали издательство «Свободное слово» и выпускали в Лондоне и Женеве антимилитаристские журналы «Свободное слово», «Листики Свободного слова», «Свободная мысль», а также сборники «Свободного слова».

Пацифистский характер также носили периодические издания «свободных христиан», выходявшие после Первой мировой войны («Истинная свобода» (1920–1921), «Голос Толстого» («Голос Толстого и Единение») (1916–1920)),

а также ряд недолговечных, но тем не менее интереснейших провинциальных журналов данного направления¹. О «самиздате» «толстовцев» 1920-х — начале 1930-х гг. мне уже приходилось писать в сборниках «Acta samizdatica»².

Со второй половины 1930-х гг. издание пацифистской периодики в Советской России было невозможно³. После долгого перерыва вопрос о необходимости антимилитаристического периодического издания был поставлен Юрием Галансковым, который еще в 1960–1961 гг. задумал создать независимую пацифистскую организацию⁴ (ни то, ни другое не было осуществлено).

Наиболее известными периодическими пацифистскими органами периода неформальной прессы были журналы хиппи-«толстовца» Георгия Мейтина «Ясная Поляна» (1988–1991, Рига), журналы Группы за установление Доверия между Востоком и Западом «День за днем» (1987–1989, Москва) и «Доверие» (1988–1989, Москва). В Пскове школьники выпускали общественно-политический и публицистический пацифистский журнал «ПереАдика» (1988–1989). Советское независимое мирное движение вызвало появление за границей ряда пацифистских изданий в свою поддержку.

Много материалов, посвященных пацифизму, можно найти в псковском самиздатовском журнале Валерия Никольского (Юфо) «12: Журнал независимых мнений (Общественно-политический и литератур-

¹ Регулярное пополнение библиотеки оцифрованной «толстовской» периодики ведется на сайте «Вне насилия» (<http://antinilitary.narod.ru>) стараниями пацифиста из Самары Виталия Адаменко.

² Гордеева И.А. Самиздат «толстовцев» 1920-х — начала 1930-х годов // Acta samizdatica / Записки о самиздате. Вып. 1(2). М., 2013. С. 199–209.

³ В это время продолжением истории российской пацифистской периодики в дальнем зарубежье можно считать периодические издания дубоборов.

⁴ Кагановский Г. «Я найду себе свое прекрасное...» Юрий Галансков — уроки судьбы, силуэт времени // Грани. 1998. № 186. С. 54. Как пацифистский сборник был первоначально задуман и журнал «Феникс».

ный журнал)» (1988–1989), в «Бюллетене христианской общественности» (1987–1989) Александра Огородникова, а также в экуменическом журналах «Призыв» (1971–1984; 1987–1992) и «Чаша» (1988–1991) Сандра Риги, в некоторых изданиях анархистов конца 1980-х — начала 1990-х гг. Когда-то это были известные, читаемые издания, но в настоящее время они почти забыты. Пожалуй, историкам и широкой публике менее всех других известен журнал «Свобода», о котором и пойдет речь в данной статье.

В «Справочнике периодического самиздата» Александра Суетнова (1990) содержатся следующие сведения об этом издании:

«Свобода: [Публицистический и литературно-художественный журнал] Журнал СИСТЕМЫ. Группа «Свободная инициатива» / Ю. Попов и др. Москва, 1988. янв. — Ежегодно. 40 с. (машинопись)».

Согласно аннотации Суетнова, «Свобода» — это «*издание, представляющее литературное и художественное творчество московских хиппи*»⁵.

В библиографическом указателе неформальной прессы 1993 г.⁶ к описанию издания была добавлена информация о том, что первый номер «Свободы» появился в январе 1988 г., выходит он ежеквартально, объем 50 страниц⁷, тираж 20 экземпляров⁸. Еще в одном справочнике указывалось, что издание содержит в себе публицистику, стихи, эссе, заявления, документы группы⁹.

⁵ Суетнов А.В. Справочник периодического самиздата. М.: б.м., 1990. С. 75.

⁶ Он же. Самиздат: Библиографический указатель. В 2 т. М.: б.м., 1992. Т. 1. С. 126.

⁷ Точнее было бы написать, что объем издания — 22–25 полос.

⁸ Сам Диверсант однажды упоминал, что «Свобода» издается тиражом «примерно 30 экземпляров» (Свобода. 1990. № 1 (зима). С. 11).

⁹ Справочник по «неформальным» общественным организациям и прессе // ИАС (Информационное агентство СМОТ). Информационный бюллетень. М., 1988. № 7. С. 60 (Архив Самиздата № 6300).

Хотя журнал «Свобода» выходил в период неформальной прессы, по внешним и прочим признакам он является типично самиздатским, самодельным. Он печатался на машинке под копирку, распространялся среди друзей.

Попытки разыскать экземпляры «Свободы» привели к следующим результатам:

1988

№ 1 (зима) (OSA, Будапешт¹⁰; Архив «Мемориала», коллекция Вячеслава Игрунова; Гуверовский институт¹¹).

№ 2 (весна) (Архив «Мемориала», коллекция В. Игрунова;

№ 2 (весна) (Архив «Мемориала», коллекция В. Игрунова; Исторический архив Исследовательского Центра Восточной Европы при Бременском университете, Ф. 53).

№ 3 (лето).

№ 4 (осень) (OSA, Будапешт; Архив «Мемориала», коллекция В. Игрунова; Гуверовский институт).

1989

№ 1(5) (зима) (OSA, Будапешт).

№ 2(6) (весна) (личный архив Алексея Еганова (Джузи)¹²; Гуверовский институт).

№ 3 (лето).

№ 4(8) (осень) (личный архив А. Еганова (Джузи)).

1990

№ 1(9) (зима) (личный архив А. Еганова (Джузи)).

№ 2(10) (весна).

¹⁰ В Будапеште пока были найдены только ксерокопии журнала.

¹¹ Информация о наличии журнала в архиве Гуверовского института получена на сайте Online Archive of California: SVOBODA (Moscow Svobodnaia initsiativa) zhurnal sistemy, gruppa "Svobodnaia Initsiativa". Moscow, Russia. 198? – Holdings: 1988: no. 1 (winter), no. 4 (autumn) 1989: no. 2 (доступно по адресу: http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/c8w66j67/entire_text/?query=svoboda#hitNum1 [дата обращения 27.04.2015]).

¹² В настоящее время личный архив Алексея Еганова (Джузи), бывшего советского хиппи и участника «Свободной инициативы», передан в The Wende Museum, «Музей истории холодной войны» (Лос-Анджелес, США).

№ 3(11) (лето).

№ 412 (осень) (личный архив А. Еганова (Джузи)).

Таким образом, это действительно очень редкое издание, которое сохранилось не полностью, зачастую в копиях. Поиск экземпляров «Свободы» продолжается, в том числе и в частных архивах.

Выпускался ли журнал в 1991–1992 гг., пока неизвестно. 1991 годом датируются лишь отдельные листовки «Свободной инициативы», хранящиеся в личных архивах (например, в архиве Олега Романенко (Пуделя)¹³). В личном архиве Георгия Мейтина (Рига) хранится «Письмо-записка “СВОБОДА”» № 12, датированное 1992 г.¹⁴ Информации о том, являлось ли «Письмо-записка» продолжением прекратившего свое существование журнала «Свобода» и было ли там к 1992 г. действительно уже 12 выпусков, у меня нет.

Согласно электронному справочнику «Самиздат и новая политическая пресса», «Свобода» в момент составления этого справочника (1993) хранилась в следующих местах Москвы и Санкт-Петербурга: 1988 МНОБ, СпБАК, 1990 СНОБ¹⁵. Коллекции МНОБ до 1993 г. переданы в РГБ, но в ее каталогах «Свобода» отсутствует¹⁶. Собрание альтернативной периодической печати СНОБ в настоящее время считается утраченным; к коллекции

¹³ Олег Романенко (Пудель) – бывший хиппи, в настоящее время – художник (доступно по адресу: <http://sistemafriend.ucoz.ru/forum/21-210-1> [дата обращения 27.04.2015]).

¹⁴ По словам Г. Мейтина, по содержанию журнал представляет собой «наркотическое письмо», под которым стоят многочисленные подписи, в том числе и тех, кто их никак не мог поставить под текстом с подобным содержанием.

¹⁵ См.: http://www2001.shpl.ru/project/sam/samizdat_index.htm [дата обращения 27.04.2015].

¹⁶ Бюллетень Германского исторического института в Москве. № 4: Российские архивы в гостях у Германского исторического института в Москве. М., 2010. С. 17.

самиздата, созданной социологом Андреем Алексеевым — «Алексеевскому архиву», доступ на момент написания данной статьи был затруднен.

В подзаголовке журнала указывалось, что он является «журналом Системы». В качестве группы, выпускавшей журнал, называлась «независимая анархо-пацифистская группа “Свободная инициатива”». Редактором журнала и организатором группы «Свободная инициатива» был Юрий Попов, известный в среде советских хиппи как «Диверсант». По всей видимости, он выпускал журнал один. Это не было уникальной ситуаций для пацифистской периодики того времени: и журнал «Ясная Поляна», и журнал «12» редакторы Г. Мейтин и В. Никольский делали, по существу, в одиночку.

История советских хиппи, или Системы, как они сами себя называли, к сожалению, еще почти совсем не освещенная на историографическом уровне — это удивительно интересная история поиска индивидуальной свободы молодыми людьми. Система представляла собой весьма пестрое неофициальное сообщество *«хиппующей, богемствующей, просто неприкаянной публики, которая выделяется своим внешним видом, собирается на свои тусовки... путешествует автостопом по стране»*¹⁷, увлекается рок-музыкой, экспериментирует с наркотиками, заявляет о своей приверженности идеалам пацифизма и свободной любви, находится в интенсивном религиозном поиске.

Юра Попов родился 26 октября 1954 г. в Москве. Уже в старших классах школы он отрастил волосы, присоединился к хиппи и стал устраивать акции протеста, из-за которых попал в психушку и получил диагноз. По воспоминаниям его сестры Татьяны Ивановой, в истории болезни Юры было сказано, что он *«ходит босиком и чи-*

¹⁷ Щепанская Т.Б. Смеховой мир тусовки и проблема оформления групповых границ // Школьный быт и фольклор. Таллинн, 1992. Ч. 1. С. 162.

тает Л. Толстого»¹⁸. Будучи инвалидом второй группы, Юра нигде не работал, жил на пенсию и был оригинальным художником-любителем¹⁹. По воспоминаниям бывшего хиппи и участника советского оккультного «подполья» Владимира Видемана (Кеста)²⁰, «в историю Системы он вошел, прежде всего, тем, что как-то раз наклеил антисоветскую листовку на здание югославского посольства. Однако, прежде всего, Дивер был художником. Его фирменный стиль — миниатюрный сюр, то есть он рисовал акварелью, часто под лупой, крошечные психоделические фигурки, что-то среднее между Босхом и Дали»²¹.

Диверсант упоминается во многих рассказах о хиппи 1970-х как примечательный внешне завсегда хипповых тусовок, любитель кайфа, читатель специфической литературы, озабоченный поисками идеологии хиппи, безбашенный акционист. В романе Аркадия Ровнера «Калалацы», написанном по мотивам устных рассказов о московской Системе его участника А.Л. Дворкина, он выведен под именем «Юры Заложника»:

«У Юры Заложника — светлые волосы до подмышек. Высокий, костистый, ходил он в зеленом френче керенского покроя с расстегнутой верхней пуговкой, и на шее крестик.

...

Заложник считался теоретиком — ему приписывали текст: “Вы отняли у нас все — в школах засрали наши мозги, в дурдомах закололи нашу память. Но у нас еще осталась наша жизнь и право выбирать себе способ казни. Мы хозяева своей крови, и можем делать с ней все, что

¹⁸ Интервью с Татьяной Ивановой, 1 марта 2014 г.

¹⁹ К сожалению, рисунки Диверсанта почти не сохранились.

²⁰ Благодарю автора за возможность ознакомиться с неопубликованной версией воспоминаний «Неизвестный Союз». Более ранний вариант этих воспоминаний «Школа магов: Фрагменты мистического движения в СССР в 70-80 годы XX» (опубликованы на эстонском языке в 2008 г.) см.: Видеман В. Школа магов (доступно по адресу: <http://www.guzmanmedia.com/gm2/cont.php4> [дата обращения 27.04.2015]).

²¹ Там же.

хотим, — отравлять ее наркотиками или поливать ее заборы”.

...

В другой раз он-де принес в метро пустую лимонку, доехал до площади Маяковского, дождался, куда объявили: “Осторожно, двери закрываются”, закричал страшным голосом:

— Ложись! — и запустил лимонку под ноги пассажирам. Лимонка закружилась волчком, все попадали, позатыкали уши — поезд ушел, сам он снаружи остался, — положили в дурдом»²².

В. Видеман утверждает, что Юра был сознательным оппозиционером, интересовался «политикой», в середине 1970-х годов занимался перепечаткой Хроники текущих событий²³. В контексте связи с диссидентами о нем упоминает и Василий Бояринцев: *«Под занавес мы — я, Влад и Колпак²⁴, совсем себя не помня, завалились еще в “Иву”, напугав до полусмерти Диверсанта с Бенштоком²⁵, которые там целый вечер пудрили мозги за бутылкой сухача каким-то бородастым диссидентам разговорами о психоделической революции»²⁶.*

Как сложились пацифистские взгляды Диверсанта, неизвестно. Возможно, в данном случае сказала, так сказать, природная предрасположенность — почти все вспоминают о нем как об очень добром человеке. С начала 1970-х Попов общался с христианином-экуменистом Сандром Ригой, который занимался проповедью своих идей, в том числе и среди хиппи. В 1984 г. имя Юрия Попова звучало на суде по делу Сандра Риги²⁷.

²² Ровнер А. Калалацы. М., 1990. С. 43–44. Также см.: Дворкин А. Л. Моя Америка. Нижний Новгород, 2013. С. 93. С этим случаем связывают происхождение прозвища Юрия Попова.

²³ Видеман В. Указ. соч.

²⁴ Хиппи Сергей Колпаков.

²⁵ Беншток Анатолий Альфредович, художник и бывший хиппи. В интервью Бояринцева ошибочно назван «Беншток».

²⁶ Бояринцев В. Мы — хиппи. М., 2001. С. 34.

²⁷ Рига С. Призыв. М., 2002. С. 125.

В середине 1970-х гг. Диверсант стал членом художественной группы «Волосы», которая приняла участие в знаменитой выставке неофициального искусства в ДК ВДНХ в сентябре 1975 г.²⁸ По свидетельству Сергея Батоврина, бывшего хиппи и организатора советского низового антиядерного движения, Диверсант не присутствовал на ней только потому, что накануне был помещен в психиатрическую больницу²⁹.

В 1982 г. Батоврин и Диверсант создали две разные «низовые» мирные организации. В июне Батоврин и его единомышленники организовали антиядерную Группу за установление доверия между СССР и США (группу «Доверие»). Юрий Попов совместно с хиппи-анархистом Сергеем Троянским (1954 – пропал без вести в 2004), в том же 1982 г. основали группу «Свободная инициатива», которая вскоре заявила о себе обращением «К молодой Америке»³⁰. Обращение было основано на пацифистских и антиграницных идеях и так же, как и обращение Группы «Доверие», выступало за развитие неправительственных мирных инициатив, установление контактов между простыми людьми в СССР и США.

Годом раньше один из лидеров «Свободной инициативы» С. Троянский составил еще более радикальное обращение от собственного имени к хиппи под названием «К 1 июня 1981 года»³¹. В нем открыто звучала тема про-

²⁸ Батоврин С. Ю. Куда катить жернов египетского календаря? Беспечное путешествие с группой «Волосы» // Слово/Word. 2013. № 80 (доступно по адресу: <http://magazines.russ.ru/slovo/2013/80/17b.html> [дата обращения 27.04.2015]).

²⁹ Там же.

³⁰ См.: АС № 5326. Группа «Свободная инициатива». Обращение к молодой Америке. Б.д., не позднее 1.06.83 (см.: Материалы самиздата. 1984. № 33). Под документом перечислены имена 89 подписантов. Есть основания полагать, что все из тех, чьи имена поставлено под обращением, знали о его существовании.

³¹ См.: АС № 5325. Троянский С. К 1 июня 1981 года (Материалы самиздата. 1984. № 11).

теста против Афганской войны³². «Обращение» Троянского было приурочено к 1 июня: в этот день в 1971 г. советские хиппи впервые попытались провести демонстрацию в защиту мира³³.

По инициативе Попова с 1982 г. встречи хиппи 1 июня в Царицыно становятся традицией. Он пытается придать им пацифистский характер. В 1983 г. такая встреча закончилась разгоном милицией и задержаниями. После нее в парке были найдены листовки, призывающие к отмене смертной казни и, по неподтвержденным данным — к прекращению войны в Афганистане. Эта история закончилась для Диверсанта очередным помещением в психиатрическую больницу и предъявлением обвинения по ч. 3 ст. 224 УК РСФСР («Хранение наркотиков без цели сбыта»). После суда летом 1984 г. он был принудительно госпитализирован в психиатрическую больницу специального типа в деревне Сычевка Смоленской области, а через два года переведен в обычную психиатрическую больницу на станции Столбовая в Чеховском районе Московской области³⁴. Выполнение репрессивных функций по отношению к пацифистам Попову и Троянскому облегчалось властям тем образом жизни, который они вели³⁵.

В 1987 г. Попов и Троянский от имени «Свободной инициативы» составили манифест под названием «Назад пути нет», в котором ставилась цель создания «позитивной» программы для движения советских хиппи и говорилось о необходимости практического воплощения идеалов. Текст манифеста был опубликован в советской нефор-

³² АС № 5325. С. 1–2. Открытое обращение к теме Афганистана с самого начала отличало группу Попова и Троянского от группы Батоврина.

³³ Интервью учредителя группы «Свободная инициатива» Ю. Попова // Экспресс-хроника. 1988. № 5. С. 7.

³⁴ День за днем. 1987. № 8. С. 3–4. Впечатления Диверсанта о пребывании в Сычевке см.: Попов Ю. Бог — свидетель! // День за днем. 1987. № 8. С. 22–24; то же: Свобода. 1988. № 1. Л. 18–19.

³⁵ АС № 5854. И Попов, и Троянский употребляли наркотики.

мальной прессе, а также за рубежом в журнале «Страна и мир»³⁶.

В конце 1980-х — 1990-м гг., перечисляя членов группы, Попов обычно называл следующие имена: Сергей Троянский, Татьяна Кожевникова, Роман Осипов, Светлана Барабаш (Офелия), Константин Оськин (Манго), Лев Сегал, Владимир Крылов, Михаил Русаков, Карен Мелик, Алексей Еганов (Джузи). Не все перечисленные здесь люди признают свое членство в этой группе.

Группа «Свободная инициатива» представляла собой редкий для советских хиппи общественно-культурный проект отчетливо пацифистского и гуманистического характера. В целом для Системы был характерен аполитизм. Ее представители неоднократно заявляли о своей неприязни к диссидентам, отвращении к «политике», под которой понималась любая попытка выйти за рамки эскапизма, поставить общественные вопросы, транслировать свои ценности и идеи в публичное пространство.

Однако в то же самое время сообщество хиппи носило ярко выраженный «поисковый» характер: для него был характерен интенсивный религиозный и, реже, идеологический поиск. Хиппи проводили почти все свое время в бесконечных разговорах на серьезные религиозные и философские темы, шел активный обмен книгами, самиздатом, прослушивание зарубежных «голосов».

Журнал «Свобода» — уникальный исторический источник для изучения особенностей пацифистских и гуманистических идей той части советских хиппи, которые приняли попытку сделать свой идеологический выбор.

На обложке журнала Диверсант помещал свои рисунки, в которых можно угадать лицо Джона Леннона, лица других каких-то людей, детей, цветы, солнце, цепи, пацифики и прочие образы и символы. Также обложка содер-

³⁶ Свободная инициатива. Назад пути нет // Страна и мир. 1987. № 6. С. 142–143; то же: День за днем. 1987. № 9; АС № 6122.

жала разнообразные надписи и лозунги, например, «любовь не купишь», «любовь спасает нас», «только любовь», «свобода, *freedom, liberte*», «пацифистская оппозиция» и загадочное «*Amnesty 2000/Амнистия 2000*».

На второй странице издатель помещал нечто вроде эпитафий, происхождение которых в большинстве случаев для меня неясно:

«Не бойся этого, чего ты боишься, все не так страшно, как тебе кажется, все гораздо страшнее».

«Каждый находит то, что ищет: кто ищет друзей — находит друзей, кто ищет врагов — находит врагов, одна лишь Любовь не ищет ничего».

«Зло в нас самих».

«Пусть будет жизнь».

«Твоя жизнь как Хиппи настолько же реальна в этом смысле, насколько ты в состоянии вместить в себя основные ее проявления, как то: холод, голод и боль».

«То, чего мы хотим, — это никому не нужно».

На первых страницах журнала Диверсант обычно помещал стихи своих друзей и знакомых (Светланы Барабаш (Офелии), Анатолия Шиленка (Азazelло), Татьяны Душечкиной, Татьяны Кожевниковой, Михаила Козака (Красноштанника), Виктора Рябышева, Романа Осипова, Кости Оськина (Манго) и других), а также собственные. Многие стихи были написаны в психиатрических больницах. Под именами некоторых авторов было указано, что они покончили жизнь самоубийством.

«Системное» творчество было также представлено в рубрике «Рисует Система». В целом журнал иллюстрировался самим Юрием Поповым: по всем страницам весьма хаотично разбросаны его рисунки: лица, цветы, пацифики и другие «идеологические» символы.

Значительное место в журнале занимали перепечатки материалов по истории «Движения» (понятие, которое использовал Диверсант, нередко начиная его с заглавной буквы) советских хиппи: декларации, тексты листовок

к 1 июня, хроника движения, телефоны нескольких сотен хиппи³⁷. По всей видимости, это были перепечатки с документов из собственного «архива» издателя. Само собой разумеется, что при публикации этих документов он не пользовался никакими археографическими правилами, и часто один и тот же документ, напечатанный в разных номерах, имел значительные разночтения.

Одним из самых интересных документов по истории «Движения», опубликованных в «Свободе», был текст «Декларации хиппи», датированный 1972 годом и помещенный в рубрику «Система вчера и сегодня»³⁸. Манифест хиппи 1986 г. «От Системы к Богу» (так называемый «манифест трех системных людей» — Сталкера, Генсрала и Воробья) Диверсант привел в «Свободе» со своим комментарием³⁹.

В «Свободе» публиковались также тексты и справки, имеющие отношение к истории различных религиозных, пацифистских, анархистских и революционных организаций. В рубрике «Наша история» была помещена «Солдатская памятка» Л. Н. Толстого, несколько раз перепечатывались отрывки из работ Толстого и материалов по истории пацифизма из журнала «Ясная Поляна» (раздел «Свободная печать»). Один из номеров был посвящен Джону Леннону⁴⁰.

Информация о современном состоянии «движения» была представлена анонсами общественных событий пацифистского и анархистского характера, публикацией заявлений, обращений и манифестов пацифистов (например, группы «Доверие»), анархистов и представителей других

³⁷ По всей вероятности, список был составлен Диверсантом на основе собственных записных книжек с именами «системных» знакомых и адресами «вписок». В нем были имена в том числе и тех, кто умер или эмигрировал. См.: Свобода. 1989. № 2. С. 3–12.

³⁸ Декларация 1972 г. // Свобода: Журнал Системы. 1988. № 2. С. 10–11.

³⁹ См.: Манифест хиппи. 1986 год // Свобода. 1988. № 2. Л. 12–21.

⁴⁰ Свобода. 1988. № 4.

альтернативных движений — как российских, так и зарубежных.

В отдельной рубрике «Нам пишут друзья» Попов помещал свою (от имени «Свободной инициативы») переписку с зарубежными единомышленниками, пацифистами и анархистами. Особенно важной ему казалась переписка с американским пацифистом Паулем Кнаппом (Rainbow Hawk). Публиковались адреса для желающих переписываться.

Переживая за своих товарищей, оказавшихся в психиатрических клиниках, Диверсант вел постоянный раздел «Вести оттуда». В нем он печатал письма из психбольниц (в основном С. Троянского) и призывы морально поддержать тех, кто не на свободе. В рубрике «Борись за друга» размещались в письма в защиту тех, кто находился в заключении.

Помимо авторского стиля, бросается в глаза в «Свободе» и «наивное» содержание (публикация «письма счастья» на английском языке, тексты молитв и «всепланетной медитации всеобщего выздоровления», таблица для транскрипции и перевода русских и английских букв и слов, и т.п.).

В конце каждого номера приведены краткая характеристика группы «Свободная инициатива», ее организационные основы и программа, список участников группы с адресами и телефонами.

Диверсант писал наивные дилетантские стихи. В одном из его стихотворений есть такие слова:

Прекрасный мир, люблю тебя
Прими меня, раскрой объятия
Все люди братья на земле,
Все люди — братья⁴¹.

⁴¹ Свобода. 1989. № 4. С. 6. В другом номере «Свободы» это стихотворение дано без подписи и датировано 1976 г. (Свобода. 1989. № 1. С. 5).

Как ни странно, слова «все люди — братья» были в том числе и одним из «девизов» «толстовского» движения в России, что связывает описанный здесь маргинальный проект советских хиппи с традициями российского пацифистского движения.

Библиографический список

1. Бюллетень Германского исторического института в Москве. № 4: Российские архивы в гостях у Германского исторического института в Москве. М., 2010.
2. Гордеева И.А. Самиздат «толстовцев» 1920-х — начала 1930-х годов // Acta samizdatica / Записки о самиздате: Альманах. Вып. 1(2). М., 2013. С. 199–209.
3. Кагановский Г. «Я найду себе свое прекрасное...» Юрий Галансков — уроки судьбы, силуэт времени // Грани. 1998. № 186. С. 46–96.
4. Суетнов А.В. Самиздат: Библиографический указатель: В 2 т. М.: б.м., 1992. Т. 1.
5. Суетнов А.В. Справочник периодического самиздата. М.: б.м., 1990.
6. Щепанская Т.Б. Смеховой мир тусовки и проблема оформления групповых границ // Школьный быт и фольклор: В 2-х ч. Таллинн, 1992. Ч. 1. С. 162–187.

**Источники текстов Е. Л. Кропивницкого
в собраниях Вс. Н. Некрасова и В. Т. Стигнеева.**

**Авторские машинописные сборники
Д. А. Пригова 1970-х гг. в собрании
Вс. Н. Некрасова: редакции, не совпадающих
с редакциями венского четырехтомника¹**

*Зыкова Галина Владимировна / Zykova Galina
д.ф.н., доцент, профессор,
филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова /
professor, MSU, philological faculty
gzykova@mail.ru*

*Пенская Елена Наумовна / Penskaya Elena
д.ф.н., профессор, факультет филологии НИУ ВШЭ /
professor, HSE, philological faculty
e.penskaya@gmail.com*

Аннотация: В первой части статьи описываются два сборника стихов Е. Л. Кропивницкого (из собраний Вс. Н. Некрасова и В. Т. Стигнеева, фотографа и историка фотографии). Оба сборника были составлены, видимо, автором в начале 1960-х гг., оба включают стихи, написанные в 1937–1949 гг., но имеют разный состав; оба сборника содержат, в частности, не печатавшиеся произведения, а также редакции, отличающиеся от опубликованных. Не печатавшиеся тексты Кропивницкого обнаруживаются и в машинописном сборнике его стихов 1937–1967 гг., перепечатанных Э. В. Лимоновым (экземпляр в собрании В. Т. Стигнеева), а также в машинописи (собрание Некрасова), которую мы пока не смогли датировать. Высказываются предположения об

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ЦФИ НИУ ВШЭ: «Русская словесность второй половины XX века (1953–1990) как социокультурный феномен. Дифференциация и эволюция художественно-идеологических языков и индивидуальных творческих систем: комментарий и контекстуализация».

авторских принципах отбора. Вторая часть содержит перечень текстов Д. А. Пригова из его авторских машинописных сборников 1970-х гг. (собрание Вс. Н. Некрасова, передано в Исторический архив Института Восточной Европы (Бремен); сканы сборников там же, у авторов статьи и в фонде Вс. Н. Некрасова в РГАЛИ), не вошедших в редакции сборников с теми же названиями, опубликованные в «Собрании стихов» Пригова (4 тт., Вена, 1996–2003).

Summary: The first part of the article describes two typewritten books of E. L. Kropivnitsky's poetry (from private selections of poet Vs. N. Nekrasov and photographer and photography historian V. T. Stigineev). Both books were made, supposedly, by the author himself in the early 1960th, both include poems, written in 1937-1949, but have different composition; both include works that had not been published afterwards, as well as text versions different from published ones. Unpublished texts also can be found in another collection of Kropivnitsky's poems (1937-1967), typed by E. V. Limonov (a copy in V. T. Stigineev's possession). Some assumptions on the author's selection principles are given. The second part contains a list of D. A. Prigov's texts found in his typewritten 1970th books (Vs. N. Nekrasov's private collection, now Forschungsstelle Osteuropa Bremen; scans made by us also there, as well as in Russian State Archive of Literature and Arts) and not included in Prigov's Collection in 4 vol. (Wien, 1996-2003) same books versions.

Ключевые слова / Key words: Е. Л. Кропивницкий, Вс. Н. Некрасов, В. Т. Стигнеев, Д. А. Пригов, самиздат, авторский поэтический цикл, текстология, русская поэзия 1930-х-1940-х гг., русская поэзия 1970-х гг., E. L. Kropivnitsky, Vs. N. Nekrasov, V. T. Stigineev, D. A. Prigov, samizdat, textology, authorized poetical cycle, Russian poetry at 1930th-1940th, Russian poetry at 1970th.

1.

Как известно, стихи Евгения Леонидовича Кропивницкого, значимые для истории русской литературы, между прочим, в эволюционном отношении как связь между мо-

дерном и «бронзовым веком», при жизни автора в России практически не печатались; публикации в западных и посмертные в здешних, хотя и довольно многочисленных изданиях — как правило, крошечные подборки; состав двух сборников — «Печально улыбнуться» (Париж, 1977, то есть за два года до смерти) и «Земной уют» (М., 1989, с довольно многочисленными ошибками) — был определен, кажется, не самим автором, хотя и хорошо знавшими его людьми (Александром Глезером, Генрихом Сапгиром и, возможно, сыном Е.Л., Львом Евгеньевичем Кропивницким). Между тем Кропивницкий думал о выборе и группировке своих стихов, об организации их в циклы, и это проявилось, в частности, в предпринятой им незадолго до смерти попытке организации корпуса своих стихотворений, представленного как несколько циклов, где тексты расположены не всегда в хронологическом порядке; этот корпус по машинописи из Исторического архива бременского Института Восточной Европы (Forschungsstelle Osteuropa an Universitdt Bremen) (см. также материалы личного фонда Е. Л. Кропивницкого в РГАЛИ) представлен в единственном полноценном и репрезентативном издании стихов Е. Л. Кропивницкого, подготовленном Иваном Ахметьевым и Юрием Орлицким (Избранное: 736 стихотворений + другие материалы. М.: Культурный слой, 2004).

Авторская концепция свода стихотворений, предложенная в 1970-е гг., довольно существенно отличается от более ранних попыток Кропивницкого отбирать и группировать свои стихи. Судить об этом мы можем по двум машинописным сборникам, сделанным, видимо, примерно одновременно, с почти одинаковым названием: в собрании Некрасова «Стихи 1937–1949 гг.», в собрании Валерия Стигнеева «64 стихотворения (1937–1949)»; на одном — авторская дарственная надпись: «На добрую память Севе Некрасову от Автора 2 мая 1962 г.»²; другой сборник, принадлежащий

² Передано нами в фонд Вс. Н. Некрасова в РГАЛИ.

В. Т. Стигнееву³, был подарен, видимо, тоже автором и, как вспоминает Валерий Тимофеевич, тоже в начале 60-х. Состав сборников близок, но не вполне совпадает, объем разный: в сборнике, подаренном Некрасову, всего 35 произведений.

Дело не только в том, что более поздний свод учитывает также и более поздние вещи: Кропивницкий в 70-е годы позволяет себе включить в свой «канон» свод много стихотворений не просто откровенно лирических, но и довольно традиционалистских в своей лиричности (как поздних, так и ранних).

Может быть, будет позволительно объяснить это, в частности, тем, что после появления барачных стихов Игоря Холина, не только обрабатывающего те же темы, что и стихи Кропивницкого 1930–1940-х, но и использующего художественный язык Кропивницкого, причем, возможно, удачнее самого учителя (некоторая ревность к обогнавшему его ученику иногда видна у Е. Л.), Кропивницкий не хочет выглядеть только «прото-Холиным».

Видимо, представления Кропивницкого о том, какие из его стихов стоит показывать людям, уже на протяжении 60-х гг. постепенно менялись. В. Т. Стигнеев любезно предоставил нам возможность снять копию со сборника «Стихи 1937–1967 гг.», перепечатанного Э. В. Лимоновым, видимо, в конце 60-х. «Лимоновский» сборник уже включает стихи 50–60-х, и в этом отношении — готовностью не стесняться написанного недавно — он близок к предсмертному своду (кстати, ранних традиционно лирических вещей тут тоже больше, чем в подборках начала 60-х). А вот два сборника начала 60-х, при всей разнице между ними, оба предъявляют в качестве самого главного старые стихи.

Не стоит, наверное, даже и пытаться жестко определять, какой из авторских способов выбора текстов правильнее, что должно воспроизводиться в первую очередь. Право-

³ Любезно разрешившему нам снять электронную копию; пользуемся случаем поблагодарить В. Т. Стигнеева за постоянную и незаменимую помощь в работе над архивом Вс. Н. Некрасова.

мерность воспроизведения предсмертного свода оправдана хотя бы потому, что максимально полное издание обеспечило простую сохранность текстов и довело их до сведения читателей; в конце концов, следовать последней авторской воле публикатор если и не всегда обязан, то, по крайней мере, всегда имеет право. Между тем литературным фактом, видимо, стали именно самиздатские сборники 60-х гг., именно *тот* Кропивницкий запомнился своим младшим коллегам и повлиял на них. Вс. Н. Некрасов считал, что в издании 2004 г. слишком много лишнего, слабого, компрометирующего память Е. Л. Кропивницкого (и неважно, что в этом приходилось винить не составителей, а самого автора). Сборники 1977 и 1989 гг., составленные людьми, знавшими Кропивницкого со времен Лианозова, не следуя за самиздатскими сборниками буквально, тем не менее, близки к ним не только своей компактностью, но и почти полным отказом от традиционно лирического.

В текстологическом пояснении к изданию 2004 г. сообщается, что в книгу не вошли (поскольку их не включил в свой итоговый свод сам автор) некоторые из известных составителям текстов, как печатавшихся, так, видимо, и не печатавшихся; поскольку полный перечень стихов Е. Л. Кропивницкого еще не составлен (или не опубликован), считаем нелишним привести здесь перечень никогда не печатавшихся стихов, вошедших в машинописные сборники Некрасова и Стигнеева⁴. В архиве Некрасова есть и еще один источник не публиковавшихся стихов Кропивницкого (в этом случае как раз традиционно лирических): это несшитые листы машинописи на папиросной бумаге формата А4 (третий или четвертый экземпляр в закладке; кроме Кропивницкого, в этой машинописи есть, кстати говоря, некоторые стихи Филарета Чернова, не вошедшие в его единственный сборник).

⁴ Вряд ли эти источники совершенно уникальны, какой-то минимальный тираж у таких машинописных сборников был.

А) «*Стихи 1937--1949 гг.*» из коллекции *Вс. Н. Некрасова*

1. Клетушка («Клетушка дряхлая»), 1939, есть и в сб. В. Т. Стигнеева
2. «Сморкался прямо в пальцы...», 1939
3. Куры («О весенней о поре...»), 1943, есть и в сб. В. Т. Стигнеева
4. Кобыла («Унылая кобыла...»), 1943, в сб. В. Т. Стигнеева без названия
5. Эпитафия («Надпись на гробнице...»), 1944
6. Сон девушки («Вот мое очарованье...»), 1946
7. «Появляются собаки», 1946
8. Разбой («Скуден день и непогож...»), 1947

Б) «*Стихи 1937 – 1949 гг.*» из коллекции *В. Т. Стигнеева*

1. «У собак кусать замашка...», 1938
2. «Проходя по порогу...», 1939?
3. «У соседней молодки...», 1940
4. «Мылись в баньке девушки...», 1940
5. «Ничего мне не жалко...», 1943
6. «В лавках отдых: спят весы...», 1943
7. «В больнице помер старец...», 1944
8. «Ты всё жмуришь игривые глазки...», 1945
9. «Зимний холод нестерпим...», 1946
10. «У пакгауза, где дорожка...», 1949
11. «Ты плакала, плакала, плакала...», 1949

В) «*Стихи 1937 – 1967 гг.*» из коллекции *В. Т. Стигнеева*

1. «Глушь овражья...», 1938
2. «Чёрная галка...», 1938
3. «В солнца лике — блики. Миги...», 1938
4. «От солнца и от инея...», 1940
5. «Море качает баркас...», 4 августа 1944
6. «Ночь зело светла, понеже...», 1945
7. «Росла земля под окнами...» (И. Холину), 7 августа 1950
8. «Я вас вижу в первый раз...», 5 сентября 1967
9. «Сколько, сколько тяжких дней...», 17 сентября 1967

Г) *Машинопись формата А4 из собрания Вс. Н. Некрасова*

1. Сонет («Дано мне передать все Ужасы земли»), 29 марта 1932
2. «Жизнь — это бред. ё в бредовой завесе...», 1935, Москва
3. «Прошедшей молодости жаль» (Алексею Алавинчу)⁵, 1940
4. Из цикла «8 стихотворений Милитрисе Ермаковой»: «Здесь будни дней, личина злой химеры...», 1947
5. «Еще мой дар поэта жив...», 1947
6. Два письма (1. Письмо к ней 2. Письмо к нему)

2.

В личном собрании Вс. Н. Некрасова было несколько самодельных машинописных книг Д. А. Пригова, в основном 70-х гг. (самая поздняя — «Неодолимая сила слова, или Невозмутимые воды синей реки» — датирована в машинописи 1982 г. (в позднейшем издании 1997 г. — 1981). В настоящее время они переданы в Исторический архив Института Восточной Европы Бременского университета (Forschungsstelle Osteuropa an Universitdt Bremen), отсканированные копии присоединены к фонду Некрасова в РГАЛИ.

Самодельные книги содержат циклы «Культурные песни» (1974), «Исторические и героические песни» (1974), «Дистрофики» (1975), «Изучения» (1976), «Стихи с акцентом на имена личные» (1977), «Он. Дабл-сборник» (1978), впоследствии факсимильным образом воспроизведенные в «Собрании стихов» Пригова (4 тт., Вена, 1996–2003). Очевидных следов публикации текстов еще из двух машинописных книг — «Четыре элегии» (1977) и «Инвентарий» (в машинописи не датировано) нам найти не удалось. Основной нашей задачей было сличение машинописи циклов с их воспроизведением в венском четырехтомнике,

⁵ Так в машинописи. Ничего об «Алексее Алавинче» (имя? псевдоним? прозвище?) нам выяснить не удалось.

и во всех циклах обнаружались тексты, в четырехтомник не вошедшие. По большей части эти тексты не публиковались и нигде более (за некоторыми, впрочем, исключениями: так, выпавшие из «Апофеоза Милицанера» «Звезда стоит на небе чистом», «Нет, он не сам собой явился», «Нет, он совсем не офицер» были включены в антологию «Самиздат века» (М., 1999)).

Композиция опубликованных циклов также достаточно существенно отличается от композиции этих циклов в самодельных книгах. При этом, поскольку в венском издании машинопись воспроизведена факсимильно, видно, что были использованы, по крайней мере, в некоторых случаях, листочки из той же закладки, которая использована и в подаренных Некрасову книжках (те же опечатки и другие графические особенности), но эти листочки иначе комбинировались, а кое-что оказалось и выброшено. Интерпретировать эти изменения мы здесь не беремся, заметим только, что иногда это было что-то вроде автоцензуры (когда были убраны две, грубо говоря, пародии на «Я вернулся в мой город, знакомый до слез» Мандельштама или пародия на «Зимнюю ночь» Пастернака).

Культурные песни

1. Бородино («Скажи-ка, дядя, ведь недаром... Ленин говорил, Левитан говорил...»)
2. Вышел зайчик погулять («...Как раз над складками переносья»)
3. Свеча горела на столе («...И шуршала сильнее по крыше снеговая крупка»)
4. Я вернулся в мой город («...Набухали у меня за ушами железки»)

Исторические и героические песни

5. Царевич Димитрий («Печален образ Годунова...»)
6. Павел Корчагин («Я пью, но еще не придумал — / Когда бы их два или три»)

Дистрофики

7. Вижу чудное приволье
8. Вот домик Репина Ильи
9. Вот я и вернулся в мой город, знакомый до слез
10. Говорит не тот, кто говорит
11. Как говорил великий грек Сократ
12. Каменная лошадь, каменный всадник
13. Ленинский проспект — почти столица
14. Меня моя муза наказала
15. Ну как рассказать в восьми строчках
16. Оглянись, дорогой, оглянись
17. Отчизна любит меня, но странную любовью
18. Поднялась температура
19. Русско-венгерская девочка Аги
20. Теряет лес багряный свой убор, / И серебрится седи
на на теле
21. Что будет с тобою, зайныка милый
22. Я гуляла, веселилась, / Я гуляла взад-вперед

ИЗУЧЕНИЯ

Изучения воспоминания Праги

23. В Праге трудно быть поэтом
 24. Здесь жил в старину средь евреев
 25. О чем ты смыслишь, мала пташка
 26. Семислойный город этот
 27. Черт-самец со чертом-самкой
- #### *Изучения изображения Бога*
28. Вот скажем из машины бог на сцене
 29. Когда Спаситель наш утер
- #### *Изучение образа природы*
30. И плоские кроны ливанского кедра
 31. Художник нам изобразил
- #### *Изучение признаков себя*
32. Был я нежен, был я юн
 33. Живая ежегодная трава

34. Лет в пятнадцать нас никто не судит
35. Я миновал уж третий с половиной
Изучение сокращения гласных
36. Если слъга мне не хватает
37. Мзыка бжественного Мцарта
38. Мой дья смъх наичстнейших правил
Изучение старых грехов
39. Германия – далекая страна
40. Дерево, дерево, встань и проснися
41. Мы с другом моим выходили
42. Офицер, священник, гражданин и птица
Изучение уроков хоккея
43. Содому будет слаще и Гоморре
44. Так гибнул в прежние года

Апофеоз Милицанера (Он. Дабл-сборник)

45. В Москве среди кипенья мира
46. В наш век, который шибко верткий
47. Вода течеттечеттечет
48. Неотвратимый сей вопрос
49. Нет, Запад, эгоизма полный
50. Он шляпу с головы снимает
51. Пред собою видит он море
52. Птица летает над ним
53. Советский, бессмертный, суровый
54. Три дня преследовал он зайца

Алексей Викторович Хавин.
Судьба автора и распространителя самиздата

Рублев Дмитрий Иванович / Rublev Dmitry
к. и. н., доцент РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева /
PhD. Assoc. prof., Russian State Agrarian University –
Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev
rublev773@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается жизнь и деятельность Алексея Викторович Хавина (р. в 1959 г.) – участника кружка «ленинградских левых», одного из авторов, издателей и распространителей самиздатского журнала «Перспектива», выходившего в Ленинграде (1978 г.). В статье на основе доступных источников восстанавливается история ареста и суда над А.В. Хавиным, рассматриваемая правозащитниками и исследователями как пример использования для устранения авторов и распространителей самиздата сфабрикованных обвинений в распространении наркотиков.

Summary: The article looks at the life and political activity of Aleksey Viktorovich Khavin (born in 1959), who was a member of the “Leningrad Leftists” circle and one of the authors, publishers and distributors of the samizdat magazine *Perspektiva* that was issued in Leningrad in 1978. On the basis of available sources the article reconstructs the history of Khavin’s arrest and trial, which human rights defenders and researchers consider a typical case of a samizdat author or distributor put out of the way by fabricated charges of drug distribution.

Ключевые слова / Key words: «Ленинградские левые», журнал «Перспектива», анархизм, «Коммуна желтой подводной лодки», хиппи, “Leningrad Leftists”, the magazine *Perspektiva*, anarchism, “the Commune of the Yellow Submarine”, the hippies, the left dissidents.

Алексей Викторович Хавин – участник группы «ленинградских левых», издававших журнал «Перспектива».

Арест и суд над ним, состоявшиеся весной 1979 г., рассматривались правозащитно-информационными изданиями как пример устранения советскими спецслужбами инакомыслящих с помощью сфабрикованных обвинений, в том числе в распространении наркотиков¹. Как один из авторов самиздатского социалистического журнала «Перспектива» и участник кружка «ленинградских левых» он упоминается в ряде воспоминаний и исследований по истории оппозиционных групп в СССР². В своей статье мы реконструируем биографию А. В. Хавина на основе максимально широкого круга доступных источников, воспроизведении различных версий событий 1979 г.

Алексей Викторович Хавин родился 30 ноября 1959 г. в Ленинграде. Его семья связана с научной интеллигенцией. Дед, Петр Яковлевич Хавин (1901–1967), основатель отделения журналистики в ЛГУ, в 1949 г. был назначен замдекана филологического факультета³. Брат отца, Захарий Яковлевич Хавин (1912–2002), был известным в СССР химиком. Его перу принадлежат учебники, много-

¹ См., например: Хроника текущих событий. Вып. 53 (доступно по адресу: <http://www.memo.ru/history/DISS/chr/XTC53-71.htm> [дата обращения 11.10.2014]); Вести из СССР. Т. 1. 1978–1981. С. 11–12, 35, 44.

² См., например: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: Московская Хельсинкская Группа, 2012. С. 291; Казаков Е.А., Рублев Д.И. «Колесо истории не вертелось, оно скатывалось». Левое подполье в Ленинграде, 1975–1982 гг. // Неприкосновенный запас. 2013. № 5. С. 156–175; Рублев Д.И. «Перспектива» — журнал «ленинградских левых» // Acta samizdatica. М., 2013. С. 71–74; Скобов А.В. «Перспектива» — журнал новых левых // Левый поворот. № 13. С. 5; Сочнев А. «Наш оппозиционный коммунизм был диковинкой» (интервью с А.В. Скобовым) // Русская планета. 2014. 19 марта (доступно по адресу: <http://rusplt.ru/policy/Skobov-interview-8739.html> [дата обращения 11.10.2014]); Anarchy in the USSR. A new Beginning. Ed. P. Ruff. London. ASP. 1991. P. 11.

³ См. официальную биографическую справку: Хавин Петр Яковлевич // Санкт-Петербургский государственный университет (доступно по адресу: <http://pobeda.spbu.ru/museum/item/962-%D1%85%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BD-%D0%BF%D0%B5%D1%82%D1%80-%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87-1901> [дата обращения 11.10.2014]).

численные научные и справочные работы по химии⁴. Отец Алексея Хавина, Виктор Петрович (род. в 1933 г.) — всемирно известный ученый-математик, профессор Ленинградского государственного университета. Преподает на математико-механическом факультете ЛГУ. Он является автором учебников по теории меры и интеграла, а также по начальным разделам математического анализа⁵. Дядя Алексея, Дмитрий Захарович (1948–2007), был известным журналистом, с начала 1990-х работал международным корреспондентом на НТВ. По отцовской линии семья имела еврейские корни, но отец и дед был уже ассимилированы. Мать Алексея Викторовича, Эмма Федоровна (урожденная Ефимова) (1937–1975), происходила из рабочей семьи из-под Семипалатинска. Среди ее предков были сибирские казаки-старообрядцы. Она приехала в Ленинград, окончила матмех ЛГУ, была среди первых, кто освоил профессию программиста. С влиянием воспитания матери Алексей Викторович связывает сформировавшееся у него уже в детстве антиэлитаристское отношение к окружающим, благодаря чему он свободно общался с рабочей молодежью из «лимиты», жившей в общежитии неподалеку от их дома. Эмма Федоровна учила детей, что наиболее неприличные слова — «жид» и «скобарь»⁶.

В семье было достаточно критическое отношение к советской действительности, хотя и не антисоветское в прямом смысле слова. Так, например, по словам А. Хавина, родители отказались подписывать заявление жильцов дома

⁴ Среди них: Писаренко А.П., Хавин З.Я. Курс органической химии. М.: Высшая школа, 1968; Рабинович В.А., Хавин З.Я. Краткий химический справочник. Л.: Издательство «Химия» — Ленинградское отделение, 1977.

⁵ Хавин Виктор Петрович (биографическая справка) // Mat-net.ru (доступно по адресу: http://www.mathnet.ru/php/person.phtml?personid=17648&option_lang=rus [дата обращения 11.10.2014]); Хавин Виктор Петрович // Ученые стран России, СНГ и Ближнего зарубежья. Энциклопедия (доступно по адресу: <http://www.famous-scientists.ru/7626> [дата обращения 11.10.2014]).

⁶ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г. [Аудиозапись].

против одного из соседей, который ночью включал музыку на полную громкость, поскольку речь шла о песнях Высоцкого. Алексей вел с отцом беседы на общественные и политические темы, в том числе о сталинских репрессиях и закрытии журнала «Новый мир». Темы для этих обсуждений возникали и из-за многочисленных недоговорок и умолчаний, очевидных при внимательном чтении литературы о событиях 1930-х гг.: *«Я читал Большую Советскую Энциклопедию и видел, как там все более и более, от тома к тому, все мягче и мягче писали о “культе личности”. ... Я вообще был читающий мальчик. Я видел, как запрещают, как это усиливается. Я рос в обстановке, когда закрыли “Новый мир”. Это событие уже на моей памяти было. И я понимал, что это плохо, хотя был пионер уже. ... Из этого родилась идея о том, что Советский Союз отринул идеи социалистической революции, идея термидора, перерождения»*⁷.

Алексею были доступны и многочисленные книги начала XX в., хранившиеся дома. Среди них — изданный в начале 1920-х гг. сборник стихов с дарственной надписью Осипа Мандельштама, подаренный Петру Яковлевичу коллегой и другом — литературоведом Григорием Александровичем Гуковским (умер, находясь в следственной тюрьме МГБ в 1950 г.)⁸. Близкие дружеские связи семья имела с Алисой Григорьевной Лебедевой, вдовой академика Сергея Алексеевича Лебедева, основоположника вычислительной техники в СССР. Приезжая в Москву, Алексей Хавин бывал у нее в гостях и слушал рассказы о том, как писатели, не согласные с исключением Александра Галича из Союза писателей, пересылали ему деньги через подставные адреса. Почтовые бланки заполняли дети («добровольные тимуровцы»)⁹.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же; Хавин А. Тайна тимуровцев // 37.ru (Иваново). 2014. 8 сентября (доступно по адресу: <http://www.37.ru/blogs/alkhavin/242/> [дата обращения 11.10.2014]).

В 12–13-летнем возрасте Алексей прочитал «Записки революционера» Кропоткина и под их влиянием постепенно осознал себя анархистом-коммунистом. Позднее он перечитал все значительные работы Петра Алексеевича и книгу Жана Грва «Будущее общество». Большой интерес у него вызвали идеи Александра Шляпникова и других участников «Рабочей оппозиции»¹⁰. Значительное влияние на формирование его взглядов имели зарубежные издания. Виктор Петрович читал литературу на английском, французском и польском языках, в том числе орган Французской коммунистической партии «Юманите», польские газеты и журналы. Иностранные газеты отец и сын приобретали у знакомой продавщицы в киоске «Союзпечати» около гостиницы «Европейская», в котором до 1980 г. продавалась зарубежная пресса для иностранных туристов. Для Алексея Хавина эти издания стали важным источником формирования критического отношения к СССР. Он читал «Морнинг стар»¹¹, «Файнэншл таймс», «Ньюсуик», иногда — «Нью-Йорк таймс», часто слушал передачи «Голоса Америки» и, особенно, «Би-би-си»¹².

Достаточно свободная атмосфера царилла и в 239-й математической школе, которую окончил А.В. Хавин. Среди ее выпускников были Анатолий Чубайс, математики Григорий Перельман и Станислав Смирнов, а также поэт и рок-исполнитель Борис Гребенщиков. Среди одноклассников Алексей нашел сднoмышлeнннкa. Это был Евгений Николаевич Титов, интересовавшийся идеями анархизма и махновщиной¹³. По воспоминаниям Евгения,

¹⁰ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

¹¹ Газета, орган Коммунистической партии Великобритании, в которой публиковались статьи, выражавшие критическую точку зрения по отношению к КПСС и внешней политике СССР.

¹² Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

¹³ Титов Евгений Николаевич (род. 1960) — музыкант, поэт, композитор, вокалист, бас-гитарист панк-группы «Автоматические Удовлетворители» и «Аццкие Ускорители». В 1990-е работал также журналистом и телеоператором на телевидении. В 2000-е гг. вернулся к музыкальной деятельности.

Алексей выделялся в классе как достаточно харизматичный человек. Он отличался обширными познаниями в области литературы, знал наизусть «Евгения Онегина», стихотворения многих поэтов, в том числе запрещенных. Кроме того, Алексей свободно говорил по-английски¹⁴. В 1975 г. десятиклассник А. Хавин пошел на конфликт с администрацией. Как вспоминает Алексей, в знак протеста против попытки администрации школы запретить ношение длинных волос у мальчиков он организовал массовую стрижку наголо учеников своего класса. Примерно в 14-летнем возрасте Алексей начал слушать «Битлз», другие рок-группы и вскоре вошел в среду неформальной молодежи, познакомился с хиппи. Вскоре он начал посещать их тусовки на «Казани»¹⁵, «Галере»¹⁶, в «Катькином садике»¹⁷, в «Сайгоне»¹⁸ и «Гаднике»¹⁹. В это время он начал курить анашу, что превратилось в устойчивую привычку²⁰. Из-за участия А. Хавина в тусовках другой участник «Перспектив», Андрей Резников, воспринимал его как хиппи²¹. По воспоминаниям же Александра Скобова, Хавин не принадлежал к хиппи и даже внешне отличался от них. Так, например, он брил голову наголо, носил

¹⁴ Письмо Е.Н. Титова к Д.И. Рублеву. 16 октября 2014 г. [Электронный текст] // Личный архив Д.И. Рублева.

¹⁵ Имеется в виду площадь около Казанского собора.

¹⁶ «Галера» — место на первом этаже в галерее на углу Невской и Думской линий универмага «Большой гостиный двор».

¹⁷ Он же Екатерининский сад. Сквер на площади Островского.

¹⁸ Неофициальное название кафе при ресторане «Москва» на Невском проспекте.

¹⁹ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г. «Гадник» — кафе «Сфинкс», располагавшееся на Васильевском острове. Наряду с «Сайгоном» было местом для встреч и общения богемы и неформальной молодежи.

²⁰ Там же; Интервью А.В. Скобова Д.И. Рублеву. 7 января 2012 г. [Аудиозапись]; Рублев Д.И. «Новые левые» в СССР: интервью с А.И. Резниковым // Альтернативы. 2012. № 2. С. 153.

²¹ Рублев Д.И. «Новые левые» в СССР... С. 153.

пиджак и брюки²². По словам Алексея, его оппозиционная деятельность началась с разговоров с хиппи на политические темы. В основном он критиковал проводимую правящими кругами СССР и США политику «холодной войны» и антидемократические порядки в СССР.

В 1977 г. Хавин попытался поступить в 1-й Ленинградский медицинский институт имени И.П. Павлова, но, не сдав экзамены, устроился санитаром в клинику этого института. Поступил он в вуз со второго раза, в 1978 г. Выбор учебного заведения, по словам Алексея, был обусловлен неприятием идеологического контроля государства над гуманитарными науками. Поступить же в технический вуз он не мог из-за отсутствия интереса к математике и физике²³.

Узнав из передачи по «Голосу Америки» о попытке диссидентов провести демонстрацию на площади Декабристов в декабре 1975 г., через год он отправился туда же с Евгением Титовым, ожидая повторения акции. Там они познакомились с А. Скобовым, пришедшим с той же целью. Начинаются встречи, сопровождавшиеся дискуссиями и беседами на политические и культурные темы²⁴. Весной 1977 г. Скобов и его сокурники основали «Коммуну желтой подводной лодки». Вплоть до разгона коммуны милицией осенью 1978 г. А. Хавин и Е. Титов становятся здесь весьма частыми гостями, знакомятся с «ленинградскими левыми»²⁵.

В этом кружке Хавин занимал весьма своеобразное положение. Его участниками были либо бывшие одноклассники, либо друзья по туристическому кружку, знавшие друг друга с детства. Алексей же пришел исключи-

²² Интервью А.В. Скобова Д.И. Рублеву. 7 января 2012 г.

²³ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

²⁴ Там же; Интервью А.В. Скобова Д.И. Рублеву. 7 января 2012 г.

²⁵ Письмо Е.Н. Титова к Д.И. Рублеву. 16 октября 2014 г.; Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.; Интервью А.В. Скобова Д.И. Рублеву. 7 января 2012 г.

тельно из-за антисоветских симпатий. То же можно сказать и о его политических взглядах. Если симпатии идеям анархизма не были чужды радикальному крылу кружка в лице Аркадия Цуркова и А. Резникова²⁶, то в своих позитивных оценках реформ Косыгина и перспектив деятельности альтернативного сектора экономики Хавин сближался с самым умеренным участником, А Скобовым²⁷. По его наводке Алексей познакомился с участниками консервативно-монархического кружка Александра Чистякова, посещал периодически их встречи. На одной из них познакомился со своей первой женой — Ириной Верещака.

С этого времени он начал деятельность по созданию и распространению самиздата. Так, совместно с А. Скобовым А. Хавин распространял текст «2000 слов», перевод которого был сделан с публикации в чехословацкой газете «Лидове новины»²⁸. Затем в 1977 г. Скобов и Хавин начали издавать и распространять сброшюрованные книги машинописных текстов, получившие шуточное наименование «гадские сборники», так как в них «гады» «клеветают на советскую власть»²⁹. Фактически это был один сборник, изначально набранный на печатной машинке Скобовым. Но участники кружка и коммуны добавляли новые тексты. Открывал сборник доклад Н.С. Хрущева «О культуре личности», прочитанный на XX съезде КПСС. Затем шел отрывок из романа Александра Солженицына «В круге первом». В сборник также вошли взятые из советских книг выдержки из работ Отто Шика, Роже Гароди и Даниэля Кон-Бендита. Дополняли эти материалы сочинения участников «Коммуны желтой подводной лодки». Среди них — поэма о хиппи одного из основателей коммуны

²⁶ Интервью А.С. Цуркова Д.И. Рублеву. 20 января 2013 г. [Аудиозапись]; Рублев Д.И. Новые левые в СССР... С. 145.

²⁷ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Феликса Виноградова, являвшаяся пародией на произведение Гребенщикова «В объятиях джинсни». По оценкам А. Хавина, круг читателей «гадского сборника» насчитывал до 20 человек³⁰.

В конце 1977 г. «ленинградские левые» решили выпускать самиздатский журнал. А.В. Хавин принял участие в его редактировании, стал одним из авторов. По версии Алексея, именно он предложил название «Перспектива», утвердившееся за вторым номером журнала. Это наименование было придумано по аналогии с польским научно-популярным журналом «Perspektywy», который выписывал В.П. Хавин³¹. Другие «ленинградские левые» эту версию не воспроизводят, но и не выдвигают альтернативную.

В № 1 вошла работа «Тезисы анархиста», написанная под псевдонимом «Леонтий Посох, израильский анархист»³², являющаяся тезисным изложением политических взглядов Алексея Хавина. Он подвергает государство критике с анархистско-марксистской точки зрения, рассматривая его, как «аппарат насилия», созданный *«одним классом для того, чтобы держать в подчинении другие классы»*³³. Современную историческую эпоху он трактовал как особую, «фашистскую» или «государственно-капиталистическую» общественно-экономическую формацию. Ее особенностью является постоянное и всестороннее управление экономикой со стороны государства. Постепенно «госкапитализм» придет к кризису вследствие неспособности учесть все экономические потребности общества. Политические преследования инакомыслящих, характерные для политической надстройки этой системы, в сочетании с кризисными явлениями в экономике

³⁰ Там же.

³¹ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

³² Леонтий Посох [Хавин А.В.] Тезисы анархиста // Перспектива. 1978. № 1. С. 47–48.

³³ Там же. С. 47.

рано или поздно вызовут революционный взрыв со стороны «угнетенных» слоев населения. Взрыв этот может принять самые жестокие формы чего, однако, не должны желать анархисты: *«И когда Анархист, стоя у окна, увидит толпы людей, идущих по улице и убивающих всех, кто в форме, то блаженная улыбка не осветит вечно хмурого лица его. Анархист не хочет крови. Крови хочет история. И улыбнется лишь тогда Анархист, когда перед его глазами предстанет новое, истинно социалистическое общество»*³⁴. Свой социальный идеал будущего Хавин представляет как безгосударственное общество свободных коммунё в основе которого — *«здоровое соревнование и взаимопомощь»*. К социальной базе революционных сил были отнесены, прежде всего, *«сознательные представители угнетенных классов»* и *«разбойный элемент»*³⁵.

Во № 2 (июль 1978 г.) под названием «Дискуссия» вошел материал, воспроизводивший спор между А. Хавиным и А. Скобовым о стратегии революционной борьбы в условиях современного общества. В этом тексте они выступают под именами «студьозусов» Вагнера (А.В. Скобов) и Коха³⁶ (А.В. Хавин)³⁷. Хавин в этой дискуссии исходил из того, что наиболее вероятным в условиях «госкапитализма» путем установления анархо-коммунистической общественной модели является революция, ведущая к насильственному ниспровержению государства и капиталистических отношений: *«Остается только революционный путь, заключил С. Кох. “Новые левые” должны всемерно подрывать государство, настраивать против него граж-*

³⁴ Там же. С. 48.

³⁵ Там же.

³⁶ Псевдонимы представляют собой аллюзию на имена героев стихотворения Козьмы Пруткова (коллективный псевдоним Алексея Толстого и братьев Алексея, Александра и Владимира Жемчужниковых) «Доблестные студиозусы».

³⁷ [Скобов А.В., Хавин А.В.] Дискуссия // Перспектива. 1978. № 2. С. 18–24.

дан, ... что ускорит окончательный революционный кризис, когда с одной стороны вконец не смогут управлять верхи, а с другой стороны пришедшие в открытое столкновение с государством массы выйдут сначала из повиновения, затем — на улицы — и добьют его. После этого “новые левые” создадут “временное государство” единственной задачей которого будет организованный переход к безвластию»³⁸. Мирный путь, связанный с созданием альтернативного сектора экономики («предприятий-коммун на основе коллективной собственности и самоуправления»), признавался нереалистичным в силу того, что «уже при простом капитализме ... эти предприятия не смогут вести успешную конкуренцию с гигантскими концернами». В условиях же советской модели («социал-империализма») подобные проекты подавит «полицейско-бюрократический аппарат тоталитарного государства»³⁹. Скобов, напротив, предлагал переход к социалистическому обществу путем демократических реформ, обращая внимание на политический курс Александра Дубчека и демократизацию политической системы Испании при Хуане Карлосе I⁴⁰. В этот номер вошли и два сатирических стихотворения А.В. Хавина — «Лекция о международном положении» и «В обществе развитого каннибализма»⁴¹. Стихи «бунтарского содержания» для журнала написал и Е. Титов⁴², однако из-за ареста редакции журнала они так и не были опубликованы. По сообщениям бывших участников редакции «Перспективы», Хавин принимал участие в сборе материалов о так называемом восстании хиппи — воспоминаний участников и очевидцев стихийной молодеж-

³⁸ Там же. С. 18.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 19–21, 24.

⁴¹ [Хавин А.В.] Лекция о международном положении // Перспектива. 1978. № 2. С. 36; [Он же.] В обществе развитого каннибализма // Перспектива. 1978. № 2. С. 36.

⁴² Письмо Е.Н. Титова к Д.И. Рублеву. 16 октября 2014 г.

ной демонстрации 4 июля 1978 г., образовавшейся в знак протеста против отмены концерта на Дворцовой площади Карлоса Сантаны и других зарубежных музыкантов⁴³. Хавину же приписывают авторство предисловия к подборке этих текстов и участие в самих волнениях⁴⁴. Сам он эту информацию не подтверждает, указывая, что составителем подборки материалов является исключительно Скобов. При этом Алексей Викторович признает, что авторы воспоминаний были его знакомыми⁴⁵. А. Хавин принимал участие и в распространении журнала, передавая читать его собеседникам из числа хиппи⁴⁶. Осенью 1978 г. Александр Скобов и Алексей Хавин планировали перевести на русский язык и распространить книгу Сантьяго Каррильо «Коммунизм и государство». По словам А. Хавина, среди знакомых Скобова нашелся человек, готовый сделать перевод с испанского. Однако этим планам не суждено было сбыться⁴⁷.

Осенью 1978 г. у «ленинградских левых» возникла идея провести съезд из числа знакомых им представителей оппозиционно настроенной молодежи. Мероприятие планировалось на конец октября⁴⁸. Хавин утверждает, что он не принимал участия в подготовке этого мероприятия, считая его обреченным на провал⁴⁹. Кроме того, Алексей только что поступил в 1-й Ленинградский медицинский институт и в сентябре работал на сборе урожая в подшефном колхозе им. Павлова. Тем не менее, он был привлечен к следствию по делу о подготовке съезда. В середине октября А. Хавина прямо с лекции вызвали в деканат и отвез-

⁴³ Рублев Д.И. «Новые левые» в СССР... С. 153; Интервью И.А. Флиге Д.И. Рублеву. 5 января 2013 г. [Аудиозапись].

⁴⁴ Рублев Д.И. «Новые левые» в СССР... С. 153.

⁴⁵ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Рублев Д.И. Новые левые в СССР... С. 149.

⁴⁹ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

ли на допрос в КГБ. После продолжительной беседы следователь предложил ему подписать заявление с осуждением действий ЦРУ, якобы инициировавшего созыв съезда оппозиционной молодежи. От этого он отказался⁵⁰. Затем Алексея неоднократно вызывали повестками в качестве свидетеля по делу А. Скобова и А. Цуркова. По словам А. Хавина, ему пытались инкриминировать передачу для чтения одному из друзей страницы из журнала «Континент», на которой было помещено начало статьи Игоря Голомштока «Язык искусства при тоталитаризме»⁵¹. Как следует из отзывов Ирины Флиге, А. Цуркова и А. Скобова, следователи КГБ пытались запутать еще довольно неопытных подпольщиков, давая им неверную информацию об «искренних» показаниях других участников процесса. Так, Цуркову говорили, что его невеста Ирина Лопотухина беременна, при обыске же у нее якобы были обнаружены самиздатские материалы и ей грозит тюремное заключение. В результате удалось добиться от него признательных показаний и письма к Лопотухиной с просьбой подтвердить их⁵². Как свидетельствует И. Флиге, Алексей был склонен к рефлексии и далеко не всегда отличался решительностью в своих поступках, что облегчало давление на него. Кроме того, не будучи наркоманом по современным критериям, он осознавал себя таковым под влиянием сложившихся в обществе стереотипов⁵³. Возможно, последнее обстоятельство усиливало страх перед разоблачением при разговоре со следователем. Как мы увидим далее, подобные опасения не были безосновательны. К тому же

⁵⁰ Там же; Хавин А.В. «Разоблачать ЦРУ я отказался» // 37.ru (Иваново). 2014. 3 апреля (доступно по адресу: <http://37.ru/news/glavnye-novosti/gazoblachat-tsr-u-otkazalsya/> [дата обращения 16.10.2014]).

⁵¹ Вероятно, речь идет о статье: Голомшток И. Язык искусства при тоталитаризме // Континент. 1976. № 7. С. 331–391.

⁵² Интервью А.В. Скобова Д.И. Рублеву. 10 марта 2012 г.; Интервью И.А. Флиге Д.И. Рублеву. 5 января 2013 г.; Интервью А.С. Цуркова Д.И. Рублеву. 20 января 2013 г.

⁵³ Интервью И.А. Флиге Д.И. Рублеву. 5 января 2013 г.

Алексей не был знаком с методами работы КГБ, ставшими для него полным сюрпризом⁵⁴. По словам А. Хавина, следователь ввел его в заблуждение, заявляя, что информацию о передаче страниц из «Континента» дал сам Скобов. В итоге Хавин дал показания о том, что получил текст от А. Скобова и дал его прочитать своему приятелю. Алексей также указал на свои публикации в «Перспективе» и на совместное со Скобовым авторство статьи «Диалог». По словам А. Хавина, тексты эти судебной экспертизой не были признаны антисоветскими⁵⁵. Дал он и показания на А. Цуркова, по свидетельству его друзей, не отличавшиеся ни содержательностью, ни «фактографичностью»⁵⁶. Тем не менее, как указывает И. Флиге, он очень сильно переживал это обстоятельство, говорил, что сделал это «по слабости». И в итоге, по совету А. Резникова, решил на суде отказаться от показаний⁵⁷.

На суде над А.С. Цурковым 3–6 апреля 1979 г. А.В. Хавин и И.З. Лопотухина полностью отказались от своих показаний, заявив, что они были даны под давлением. То же самое А. Хавин повторил и на суде над А.В. Скобовым, состоявшемся 19 апреля⁵⁸. По его словам, после суда офицер КГБ, руководивший следствием, предложил ему эмигрировать в Нидерланды, от чего Алексей отказался. Когда же он спустился в раздевалку здания суда, его задержали и доставили в ближайшее отделение милиции: *«Командовал всем такой оперативник, которого называли “товарищ Иванов”. Он маленького роста был еще. Как понимаю, он у них был главным. И вот он мне сказал тогда: “Я-то думал, Алексей, что ты нормальный*

⁵⁴ Хавин А.В. «Разоблачать ЦРУ я отказался».

⁵⁵ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.; Хроника текущих событий. № 53 (доступно по адресу: <http://www.memo.ru/history/DISS/chr/ХТС53-71.htm> [дата обращения 15.10.2014]).

⁵⁶ Интервью И.А. Флиге Д.И. Рублеву. 5 января 2013 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Вести из СССР. Т. 1. 1978–1981. С. 85.

советский человек, а ты, оказывается, от показаний отказываешься. Ты враг. И вообще, говорит, ты вали отсюда. Подъемные дадим. В Голландию едешь. И будешь там себе спокойно жить. И нам будет хорошо. Там ты никому не интересен. А здесь от тебя сплошное беспокойство". Я отказался уехать. И всё. После этого я взял пальто в гардеробе. А там лежали четыре грамма анаши»⁵⁹. После обыска в кармане его пальто был обнаружен пакетик с 4,07 г анаши. За хранение наркотиков он был арестован. По словам Хавина, этот пакет ему не принадлежал, наркотики же ему подбросили⁶⁰. Версия о подбрасывании наркотиков была изложена также в бюллетене «Хроника текущих событий» и в сборнике «Вести из СССР», где, правда, события излагаются несколько по-иному. Утверждается, что наркотики были подброшены уже в отделении милиции, в момент досмотра одежды Алексея Хавина⁶¹. Эту версию, в той или иной степени, поддерживают другие «ленинградские левые», связывавшие арест А. Хавина с мстью со стороны КГБ за отказ от показаний на суде⁶². Подобные действия, судя по всему, предпринимались и против других «ленинградских левых». Так, А. Резников и И. Федорова (Флиге), на одной квартире с которыми А. Хавин и И. Верещака проживали весной 1979 г., указывают на попытку милиции подбросить и им наркотики. При обыске 23 апреля 1979 г. на квартире Резникова и Федоровой была найдена упаковка с 10 г анаши и морфина⁶³: «Было два обыска. В первый раз пришла милиция.

⁵⁹ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Хроника текущих событий. № 53 (доступно по адресу: <http://www.memo.ru/history/DISS/chr/ХТС53-71.htm> [дата обращения 15.10.2014]); Вести из СССР. Т. 1. 1978–1981. С. 94–95.

⁶² Интервью А.В. Скобова Д.И. Рублеву. 7 января 2012 г.; Интервью А.В. Скобова Д.И. Рублеву. 10 марта 2012 г.; Интервью И.А. Флиге Д.И. Рублеву. 5 января 2013 г.

⁶³ Вести из СССР. Т. 1. 1978–1981. С. 95.

Мы успели какие-то бумаги спустить в туалет. Волнений было больше по поводу бумаг. Они провели обыск, ничего особенного не нашли, изъяли только записные книжки и оставили квартиру. На следующий день опять пришли сотрудники милиции, заходят за шкаф и оттуда сразу достают какие-то пакетики»⁶⁴. Вскоре после обыска в «Хронике текущих событий» было опубликовано заявление А. Резникова и И. Федоровой, в котором они обвиняли милицию и КГБ в подбрасывании наркотических веществ с целью подготовить почву для арестов политических противников режима. Прося «защиты у общественного мнения — в нашей стране ... и за рубежом, у всех честных людей», они призывали: «Помогите нам защититься от ложных обвинений! Если от нас хотят отделаться, пусть судят за то, что мы действительно сделали, если осмелятся поставить нам это в вину! Спасите наших друзей, спасите Алешу Хавина, сидящего в “Крестах” по несправедливому, инспирированному обвинению!»⁶⁵

По словам А. Хавина, после задержания милиция не желала брать его под арест, указывая на слишком малый объем изъятого: «Приехал специалист из отделения милиции по борьбе с наркотиками. И он сказал так недовольно, что вот отвлекают от дела. Какая-то фигня! Какие-то четыре грамма нашли в кармане. Ну и что? Это, говорит, третья часть статьи 224-й. До трех лет. Таких дел, говорит, возбуждается миллион, но если человек не наркоман, нет других преступлений за ним, это всегда условное наказание. Но мне, говорит, весьма влиятельные люди сказали, что надо обязательно написать постановление о взятии под стражу. “Уж чего-то ты там другое натворил”, — он мне сказал»⁶⁶. Хавин указывает, что и медицинская экс-

⁶⁴ Рублев Д.И. «Новые левые» в СССР... С. 153; Вести из СССР. Т. 1. 1978–1981. С. 95.

⁶⁵ Хроника текущих событий. : : 53 (доступно по адресу: <http://www.memo.ru/history/DISS/chr/XTC53-71.htm> [дата обращения 15.10.2014]).

⁶⁶ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

пертиза подтвердила, что он не является наркоманом⁶⁷. Тогда на следователя было оказано давление со стороны работников КГБ. Были подобраны свидетели. Наиболее важными из них стали находившийся под следствием за кражи Михаил Шнеерович Зисерман, у которого А. Хавин иногда покупал анашу, а также студент 1-го ЛМИ Виктор Письменный. Оба были наркоманами и в момент привлечения по делу были легко манипулируемы, поскольку находились в состоянии абстинентного синдрома. К тому же им грозили наказания по более серьезным обвинениям. Следователи были вынуждены снять с них обвинения и отпустить на свободу. Зисерман и Письменный дали показания, что Хавин продавал им наркотики. В момент суда они отсутствовали на процессе, так как скрылись и были объявлены во всесоюзный розыск. Таким образом, была нарушена процедура подтверждения свидетелями своих показаний на суде⁶⁸. Решением суда от 29 июля 1979 г. по статье 224 ч. 2 УК РСФСР А. Хавин был приговорен к шести годам тюремного заключения⁶⁹. Еще 29 мая 1979 г. его отчислили из института «за поведение, несовместимое со званием студента»⁷⁰.

С осени 1979 г. Хавин отбывал срок в исправительно-трудовой колонии № 5 усиленного режима, расположенной в поселке Металлострой Ленинградской области. По его словам, сразу после прибытия в колонию от одного из заключенных он получил сильный удар по голове металлической дужкой от кровати. В результате, он оказался на излечении в лагерьной больнице с опасной для жизни черепно-мозговой травмой. Информация о случившемся через родственников была в преувеличенных масштабах передана правозащитникам и получила распростране-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Вести из СССР. Т. 1. 1978–1981. С. 94–95.

⁷⁰ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

ние за рубежом в виде версии о смерти А. Хавина⁷¹. Эта информация вследствие ошибок в использованных источниках и отсутствии иных сведений была приведена нами в более ранних публикациях⁷². По словам А. Хавина, в конце 1980 г. специально приехавшие в колонию сотрудники КГБ провели с ним беседу, в результате которой он написал два письма. Одно из них — в «Международную амнистию» с опровержением информации о своей гибели и утверждений, что нападение якобы было организовано КГБ. Второе письмо было написано ректору 1-го ЛМИ В.А. Миняеву, к которому в то время поступили письма протеста против приговора, вынесенного А. Хавину, от К. Жеффрье из Франции и В. Рельке из ФРГ. Письмо не сохранилось, и его содержание известно нам лишь со слов А. Хавина, утверждающего, что в этом тексте он благодарил всех, кто остался неравнодушен к его судьбе, и выражал надежду на пересмотр несправедливого приговора и скорое освобождение⁷³.

С этими событиями связано и появление в печати официальной версии дела Алексея Хавина. Изначально она была изложена в статье В. Георгиева⁷⁴ «Шулерский прием», опубликованной в газете «Пульс» — многотиражке 1-го Ленинградского медицинского института⁷⁵. Это был полемический ответ на письма Жеффрье и Рельке. Согласно версии, изложенной В. Георгиевым, Алексей Хавин, поступив в институт, систематически пропускал занятия, игнорировал контрольные и практические работы. Причиной низ-

⁷¹ Там же.

⁷² См., например: Рублев Д.И. «Новые левые» в СССР... С. 150.

⁷³ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

⁷⁴ Имя В. Георгиева раскрыть не удалось. Также ничего не известно о К. Жеффрье и В. Рельке.

⁷⁵ Георгиев В. Шулерский прием. По поводу двух странных писем // Пульс. Орган нарктома, профкома, месткома, комитета ВЛКСМ и ректората 1-го Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени медицинского института имени акад. И.П. Павлова. 1981. № 2. С. 2; 1981. № 3. С. 2.

кой успеваемости являлось пристрастие к наркотикам. Он курил гашиш и делал себе инъекции омнопона. Со ссылкой на официальные документы РУВД Ленинграда и приговора суда, утверждалось, что он неоднократно приобретал и сбывал наркотики, склонял знакомых студентов к их хищению и употреблению⁷⁶. Информация о какой-либо причастности А. Хавина к деятельности «ленинградских левых», как и к судебному процессу на А. Цурковым, в статье отсутствует, если не считать упоминания, что некоторые из друзей осужденного оказались «в местах не столь отдаленных», а некоторых из них «Советское правительство лишило гражданства за антиобщественную деятельность»⁷⁷. Появление писем в защиту Алексея Георгиев связывал с деятельностью этих «друзей», будто бы оказавшихся за границей и ради собственного обогащения использовавших дело Хавина. Между тем никто из «ленинградских левых», несмотря на исходившие от следователей КГБ предложения эмигрировать, за границу не выехал⁷⁸. По словам А. Хавина, из привлеченных по делу А. Цуркова свидетелей лишь «Галя-граммофон», известная среди ленинградских хиппи публичным выражением антисоветских взглядов, выехала в Нидерланды⁷⁹. В статье были также намеки на связь Алексея с представителями «неформальной молодежи», склонившими подсудимого к потреблению наркотиков: «*Этой рой необычных людей, экстравагантно одетых, с хорошо поставленными баритонами, с многозначительными усмеш-*

⁷⁶ Пульс. 1981. №. 2. С. 2.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Рублев Д.И. «Новые левые» в СССР... С. 150.

⁷⁹ Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г. Настоящие имя и фамилия «Гали-граммофон» неизвестны. Подробнее о ней см.: toy_marker. Галя-граммофон // Журнал ru_hippy. 2011. 13 февраля (доступно по адресу: <http://ru-hippy.livejournal.com/1240074.html> [дата обращения 16.10.2014]); Жук О. Строгая девушка, или Путешествие из Петербурга в Берлин (фрагменты из рукописи) // NarCom.ru (доступно по адресу: <http://www.narcom.ru/ideas/common/79.html> [дата обращения 16.10.2014]).

ками посвященных, знающих обо всем больше Хавина, ослепил восемнадцатилетнего парня»⁸⁰. Очевидно, что сведения о связи с политически оппозиционной средой помешали бы основной цели автора статьи — представить А.В. Хавина обычным наркоманом и наркоторговцем, не имеющим никакого отношения к политической деятельности и потому не являющимся «узником совести».

В этой статье цитируется документ, обозначенный В. Георгиевым как письмо, написанное А.В. Хавиным Владимиру Алексеевичу Миняеву. Называющий себя не иначе, как «студент-недоучка, неудавшийся писатель-сюрреалист, который был равнодушен к гашишу», автор письма «с негодованием» обещал «отвергать всякую “помощь” неизвестных мне “друзей” из-за кордона», пожелавших использовать «беду» Алексея Хавина для «явно гнусных целей». В заключение автор выразил свое возмущение активностью зарубежных правозащитников⁸¹. Однако Алексей Викторович в беседе с нами уверял, что ни одна из приведенных в статье цитат в том виде, в каком они были в письме Миняеву, не представлена. Часть из них переделана до неузнаваемости, а часть, как отрывок, связанный с осуждением помощи правозащитников, написана кем-то другим, возможно, самим автором статьи⁸². Позднее версия Георгиева полностью была повторена в книге известного советского юриста Самуила Зивса «Анатомия лжи», направленной против «Международной амнистии». Процесс А.В. Хавина Зивс рассматривает в контексте дел, которые были использованы этой организацией для «очернения» советской юстиции. В своей книге он дословно повторяет основные аргументы Георгиева и цитирует письмо, авторство которого было приписано А. Хавину⁸³.

⁸⁰ Пульс. 1981. № 2. С. 2.

⁸¹ Пульс. 1981. № 3. С. 2.

⁸² Интервью А.В. Хавина Д.И. Рублеву. 13 апреля 2014 г.

⁸³ Зивс С.Л. Анатомия лжи. М.: Юридическая литература. 1982. С. 81–85.

Осенью 1981 г. по требованию сотрудников КГБ, вновь приехавших в лагерь, Алексей написал кассационную жалобу в прокуратуру. В итоге состоялся пересмотр дела с сокращением срока заключения до трех лет на общем режиме. Один месяц заключения он провел в исправительной колонии № 6, расположенной в Ленинграде. После этого в ноябре он был условно-досрочно освобожден. И. Верещака, брак с которой был зарегистрирован уже после ареста, в конце мая 1979 г., к тому времени с ним развелась. А.С. Цурков отбывал срок в тюрьме, А.И. Резников и И.А. Федорова (Флиге) уехали в Сибирь. А.В. Скобов, вышедший в июле 1981 г. из психиатрической больницы, находился в Ленинграде, однако контактов с ним Алексей не установил⁸⁴.

Какой-либо политической деятельностью он также не занимался, стремясь переждать опасные времена. А. Хавин вновь устроился санитаром в клинику 1-го ЛМИ и поступил в медицинское училище, в котором успел отучиться два года из положенных двух с половиной лет. С этим периодом, по его словам, связано пристрастие к более тяжелым наркотикам, употребление опиатов. В сентябре 1983 г. он был вызван на допрос в КГБ по делу Валерия Репина. Следователь требовал подтвердить, что в лагере Алексей получил 200 долларов из-за границы. Вероятно, таким образом его пытались вывести на сотрудничество. По его словам, на допросе следователи намекали на возможность снова подбросить ему наркотики:

«А у меня был с собой портфель. Как раз они меня вызвали, а портфель я оставил там. Они мне говорят:

— А портфель-то у тебя где? Ты же был с портфелем?

Я говорю:

— Да вон, оставил там, в коридоре.

⁸⁴ Там же.

А они говорят:

— Это ты напрасно. Поди забери.

Я говорю:

— А что, украдут?

Отвечают:

— Ну, украсть-то не украдут, но положить-то ведь могут»⁸⁵.

Вскоре после отказа подтвердить получение денег из-за границы он вновь был арестован. 27 сентября 1983 г. при обыске на его квартире были изъяты наркотики. Признавшийся в хранении и потреблении наркотиков, Алексей Хавин по новому приговору получил три года заключения. Этот срок он отбывал в исправительной колонии № 2 Омской области. Эта зона была предназначена для содержания лиц, употребляющих наркотики. По словам Алексея, именно там он отказался от их потребления, поскольку воочию увидел множество примеров полной деградации человека в результате наркотизации⁸⁶. После освобождения в 1986 г. он ненадолго приехал в Ленинград, но затем уехал в город Кинешма Ивановской области, где устроился работать на швейную фабрику. Вскоре он женился. У него родилась дочь. В 1988–1994 гг. А. Хавин учился на заочном отделении истфака Ивановского государственного педагогического института и окончил его, защитив дипломную работу по истории русской общественной мысли XIX в. Свой отъезд из Ленинграда он объясняет желанием уйти от надзора милиции и вероятных попыток сфабриковать против него новые дела. Совет уехать он получил чуть ли не от сотрудников милиции: *«В Василеостровском РОВД, где я получал паспорт по справке об освобождении, мне прямо сказали: чем дальше от Питера уедешь, тем дольше на воле погуляешь. Нам тут люди с дипломом “омской двойки” даром не нуж-*

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

ны. Знаем, какие профессора вас там учили и чему»⁸⁷. Судя по всему, имело место и бегство от соблазнов, связанных с большой распространенностью наркотиков в Ленинграде: «Когда я вышел на свободу в 1986 году и стал прописываться, мне пришлось в Кинешму приехать и там поселиться... Мне в Ленинграде тогда было делать нечего... Когда я в Ленинграде был и прошелся по Невскому — увидел там знакомых своих в огромном количестве. Я понял, что начнут их хватать — схватят и меня. И менты мне так сказали. Мол, план у нас. Горячая пора. И я уехал»⁸⁸. По его расчетам, на зоне в Омске не было заключенных из Ивановской области. Поэтому А. Хавин сделал вывод об отсутствии здесь и наркомании: «Когда я сидел на зоне, следил за этапами, откуда они прибывают. И за три года, пока я сидел, география расширилась очень сильно. Когда меня привезли в 1984 году, вначале там был в основном, у нас, Питер прежде всего. Москва на втором месте и Юг. В 1986-м, когда я освободился, этапы пошли отовсюду. А вот отсюда не было. Когда я приехал в Кинешму — на главной площади у вокзала росли маки. И это тоже было доказательство — никто их не срывает, не трогает. Я понял, что я приехал куда надо»⁸⁹. Впрочем, здесь, по словам Алексея, имели место подозрения в связях с организованной преступностью, неоднократные вызовы его в милицию для проверки на причастность к разного рода местным происшествиям⁹⁰.

Начиная со своего заключения 1979 г. и вплоть до 1990 г. он оказался оторван от какой-либо политической активности. Вероятно, основной причиной было то обстоятельство, что А.В. Хавин содержался на уголовных зонах. Большинство же контактов с себе подобными политзаключенные устанавливали в лагерях для «антисо-

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

ветчиков» или в психиатрических больницах. На зоне, где содержались уголовники и наркоманы, найти представителей политической оппозиции было гораздо сложнее. Имело место, вероятно, и опасение новых репрессий в случае причастности к какой-либо запретной деятельности. Человек же, дважды отбывавший тюремное заключение по уголовным статьям, был потенциальным объектом для новых разработок со стороны милиции.

Тем не менее, интерес к политической деятельности у Хавина не пропал. В эпоху Перестройки он вновь возвращается к ней. В 1990–1991 гг. пишет статьи в газету «Приволжская правда». Был он и среди учредителей газеты «Волжский бульвар» — первого независимого периодического издания в Кинешме. Здесь же он вступил в Социал-демократическую партию России (СДПР), заняв должность заместителя председателя ее регионального отделения, впоследствии в качестве делегата участвовал в III съезде этой партии. В 1990–1991 гг. он выступал на массовых собраниях, митингах движения «Демократическая Россия». В 1991 г. А. Хавин был одним из организаторов прошедшего в Кинешме митинга в поддержку независимости Литвы (1991). В 1990-е он переехал в Иваново, был заместителем редактора, редактором и корреспондентом в ряде местных газет и журналов («Будни», «Рабочий край», «Профсоюзная защита» и др.). С 2012 г. он оставил постоянную работу журналиста. По версии А.В. Хавина, основная причина этого — конфликт с властью как результат содержащихся в его статьях критических высказываний в адрес президента и партии «Единая Россия»⁹¹.

В настоящее время Алексей Викторович зарабатывает на жизнь, работая дворником. Время от времени он публикует заметки в некоторых ивановских газетах и в собственном интернет-блоге⁹².

⁹¹ Там же.

⁹² Адрес блога А. Хавина: <http://www.37.ru/blogs/alkhavin/>

Библиографический список

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., Моск. Хельсин. группа: 2006. 382 с.
2. Вести из СССР = USSR news brief : Права человека. München: Das Land u. die Welt, [1981-1991]. 21 см. 1978-1981. [1981]. 674 с.
3. Казаков Е.А., Рублев Д.И. «Колесо истории не вертелось, оно скатывалось». Левое подполье в Ленинграде, 1975–1982 гг. // Неприкосновенный запас. 2013. № 5. С. 156–175.
4. Рублев Д.И. «Перспектива» – журнал «ленинградских левых» // Acta samizdatica. М., 2013. С. 71–84.
5. Сочнев А. «Наш оппозиционный коммунизм был диковинкой» (интервью с А.В. Скобовым) // Русская планета. 2014. 19 марта (доступно по адресу: <http://rusplt.ru/policy/Skobov-interview-8739.html> [дата обращения 11.10.2014]).
6. Хроника текущих событий. Вып. 53 (доступно по адресу: <http://www.memo.ru/history/DISS/chr/XTC53-71.htm> [дата обращения 11.10.2014]).
7. Anarchy in the USSR. A new Beginning. Ed. P. Ruff. London. ASP. 1991. 80 p.

Часть 4. Параллельная культура

Художественная критика в ленинградском самиздате 1970-х — 1980-х гг.

*Житенев Александр Анатольевич /
Zhitenev Alexander*

*д. филол. н., доцент кафедры гуманитарных наук
и искусств, Воронежский государственный университет /
Doctor of Philology, Associate Professor of Chair of
Liberal Arts and Sciences, Voronezh State University
superbia@mail.ru*

Аннотация: Художественная критика — особая тема самиздата. Статья посвящена попытке современников не только сохранить художественные произведения ленинградских нонконформистов, но и осмыслить их творчество, ввести их работы в русло мирового искусства, дать художникам тот отклик, без которого настоящее творчество невозможно. Автор не только воссоздает атмосферу эпохи, описывает самиздатские журналы и перечисляет имена художников и критиков, и анализирует выдвинутые в этих изданиях взгляды на неподцензурное искусство того времени.

Summary: Art criticism is a special subject of samizdat. Article is devoted to attempt of contemporaries not only to keep works of art of the Leningrad nonconformists, but also to comprehend their creativity, to introduce their works into the world art, to give to artists that response without which the real creativity is impossible. The author not only recreates the atmosphere of an period, describes samizdat magazines and lists names of artists and critics, but analyzes the views of not subacceptable art of that time which are put forward in these editions as well.

Ключевые слова / Key words: Самиздат, нонконформизм, литературная критика, «37», «Часы», «Архив», Вадим Нечаев, Марина Недрובה, Samizdat, nonkonformizm, literary criticism, “37”, “Watch”, “Archive”, Vadim Nechayev. Marina Nedrobova.

Искусство нонконформизма сегодня активно изучается, выходят весомые обобщающие работы¹, появляются репрезентативные издания, связанные с осмыслением отдельных персоналий². Вместе с тем почти нет публикаций, в которых анализ художественного процесса был бы соизмерен с опытом его рефлексии в критике эпохи. У современных искусствоведческих работ, посвященных нонконформизму, есть обширная предыстория, но она практически не учтена³. В силу аберрации культурной памяти обстоятельства 1960–1980-х гг. оказались потеснены событиями более позднего времени⁴. Историческая справедливость требует восстановления аутентичного контекста. В этой связи мы коснемся художественной критики середины 1970-х — первой половины 1980-х гг.

Видимо, наиболее показательными для самиздата 1970-х следует признать тексты Вадима Нечаева и Марины Недрובהвой. Но не потому, что выпускавшийся ими иллюстрированный альманах является одним из важнейших источников по истории художественной крити-

¹ Гуревич Л. Художники ленинградского андеграунда. СПб.: Искусство-СПб., 2007; Андреева Е. Угол несоответствия. Школы нонконформизма. Москва — Ленинград 1946–1991. М.: Искусство-XXI век, 2012; Бобринская Е. Чужие? Неофициальное искусство: мифы, стратегии, концепции. М.: Ш. П. Бреус, 2013.

² Укажем лишь на репрезентативную серию «Авангард на Неве» (СПб.: ООО «П.Р.П.», 2001 — по наст. время).

³ Новый художественный Петербург: Справочно-аналитический сборник. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004. С. 19.

⁴ См.: Савицкий С. Без глянца. Арт-критика от самиздата до сетевых проектов // Новый художественный Петербург: Справочно-аналитический сборник. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004. С. 133.

ки нонконформизма⁵. Показателен жанровый синкретизм этих работ — явление, характерное для самиздата. Это отчасти рецензии, отчасти биографические справки, отчасти собрание самосвидетельств, отчасти набор анекдотов. «Разомкнутость» — смысловая и стилевая — здесь программа и свидетельствует о желании представить художественный процесс «изнутри».

Опубликованные во втором номере «Архива» фрагменты книги «Авангард одиночек» в этом отношении весьма показательны. Почти каждый из очерков выстраивается на акцентировании жизненной мотивированности занятий искусством, что делает неизбежной апелляцию к личности творца и обстоятельствам его бытия: *«Александр Окунь — самый молодой, самый красивый, самый белозубый из участников Первой выставки еврейских художников. Он немного эстет и немного философ, немного денди»*⁶. Разговор об искусстве выстраивается на фоне документации быта, нередко гротескного. Образно-пластический строй нового искусства вырастает из этого «сора», он же задает параметры самоосмысления художника и условия бытования его работ: *«Я работаю газооператором на стадионе Ленина, получаю зарплату, достаточную, чтобы питаться хлебом и картошкой. И на сигареты хватает. Зачем мне работы продавать?»*⁷

В этих условиях самосвидетельство рассматривается как документ, едва ли не исключающий необходимость рефлексивного отстранения. Слово художника мыслится как полностью «прозрачное» и исчерпывающее его практику. Очерк о Рихарде Васми представляет собой монтаж

⁵ В нашем распоряжении, к сожалению, оказались лишь два выпуска издания: это номера 1 и 2 из фонда Г. Сапгира в Историческом архиве Института Восточной Европы в Бремене (FSO. Ф. 146). № 1 хранится также в том же архиве, в ф. 5/2.32.

⁶ Нечаев В., Недробова М. Авангард одиночек // Архив. 1976. № 2. С. 22, 25 (Архив FSO. Ф. 146).

⁷ Там же. С. 30, 33.

из его цитат, немало закавыченного текста и во фрагментах, посвященных Евгению Абезгаузу и А. Окуню. Формула исследователя не порывает связь с автоинтерпретацией, более того, иногда строится вокруг взятого из нее эмоционального «зерна».

В «газаневском» контексте работы Нечаева и Недробовой обозначают некий «нулевой уровень» письма; их жанрово-стилевой синкретизм нейтрален, поскольку существует на фоне доминирующего субъективного дискурса. Его абсолютным воплощением в контексте эпохи являются работы Анатолия Басина — ассоциативные арабески, в которых смысловые связи принципиально произвольны и ситуативны.

Первое и самое важное наблюдение А. Басина — особая «эзотеричность» новой культуры: синкретизм художественной практики и артистического быта, неразделимость личности и произведения. В ряде работ художника этот комплекс представлений получает название «кальмитек», где таинственное слово восходит к притче Пабло Пикассо о мастере, сумевшем в атмосфере строгой секретности изготовить вещь, ценность которой не смог оценить никто, кроме аристократа. Художник — «делатель кальмитеков», однако и «создателя-потребителя оранжерейного искусства», этот «отброс общества», Басин предлагает именовать так же⁸. *«Невычленение от своего плода назовем кальмитек, — пишет художник в статье о «газаневских» выставках, — а исполнитель и вычлененный плод его деятельности — автор и произведение искусства»*⁹.

Культура «кальмитека» порождена таким пониманием творческого процесса, из которого исключено представление о направленности художественного поиска: *«Трепетное отношение между живописцем (“автором”) и живо-*

⁸ Басин А. Кальмитек // Газаневщина. СПб.: ООО «П.Р.П.», 2004. С. 92–93.

⁹ Басин А. Кальмитек (о художественных выставках 1974–1975 г. в ДК им. Газа и «Невском» // Часы. 1979. № 18. С. 180.

писной плоскостью (“холстом”) порождает одновременно и картину, и художника, т.е. становление здесь идет обоюдное: никакой заданности не существует»¹⁰. В этих условиях меняется отношение и к результату творческого процесса. Так, говоря об Осипе (Иосифе) Сидлине, художник замечает, что для него «живопись ... не была самоцелью, холсты, конкретные плоды его творчества только лишь знаки — ступени духовного роста автора»¹¹.

Зыбкость оценок — одна из постоянных тем Сергея Шеффа (У. Истокова), который несколько лет (1977–1981) публиковал статьи в журнале «Часы». Точкой отсчета в размышлениях критика оказывается очевидный кризис соцреалистического метода: «Искусство ... стало подобием газеты»¹². Жизнь вынуждала художника быть «самоучкой», рефлексировать над тем немногим, что можно было найти в музейных «выбранных местах» из истории искусств»¹³.

Необходимость заново выстроить связи между жизнью и искусством актуализировала «реалистическую» — в широком смысле — установку: «Разве не реалист Александр Арёфьев? Конечно же, реалист. Реалист по связям с человечностью в человеке, с бесчеловечным бытом, временем, культурой»¹⁴. В этих условиях непредвзятыми становятся отношения с традицией, в которой ни одна линия развития искусства не кажется оставшейся в прошлом: «Но кто может сказать: исчерпано ли хоть одно направление?»¹⁵ В этой связи С. Шефф говорит о «Трех жизнях художника», где первая предполагает самоутверждение среди

¹⁰ Басин А. Выставочные дела // Часы. 1979. № 21. С. 239.

¹¹ Басин А. Трактат о живописи // Архив. 1976. № 2. С. 11 (Архив FSO. Ф. 146).

¹² Истоков У. Возвращение реализма (памяти Александра Арёфьева) / Часы. 1978. № 13. С. 180.

¹³ Там же. С. 181.

¹⁴ Там же. С. 185.

¹⁵ Истоков У. Заметки на полях отсутствующих каталогов // Часы. 1979. № 19, без паг.

современников, вторая — вечное существование в поле культуры, а третья — соотносённость тех или иных форм с актуальной практикой¹⁶. При этом и художник, и зритель нередко оказываются в ситуации, когда *«художник так же беспомощен перед необходимостью говорить об искусстве, как и зритель»*¹⁷.

Главное преимущество неофициального искусства критик усматривает в его «искренности», свободе от предвзятости в освоении материала. При этом «свободному артистизму владения материалом» Шефф предпочитает «раскованность фовиста», умение *«размазать красочное тесто как горчицу на хлеб»*, но так, что в этой небрежности сквозит *«головокружительная изысканность»*¹⁸.

Мотив «заблуждения», иллюзорности представлений об искусстве, существующих внутри узкого круга, вносит в критику ноту скептицизма. Крайний случай такого рода — статья Татьяны Горичевой. Отторгнутость от культурной памяти все «крохи» модернистского художественного опыта превращает в «социалистических слонов»; *«коренная особенность подпольного искусства» — «духовная невозможность суверенного существования»*¹⁹. Влияние идеологии тотально, и оно *«свободно усматривается в том месиве космополитического провинциализма, искренней напыщенности, сентиментального невежества, ... которое называется современным русским подпольным искусством»*²⁰.

Это крайнее суждение нельзя считать абсолютно несправедливым. Уровень художественной критики в самиздате, за редкими исключениями, оставлял желать лучше-

¹⁶ Истоков У. Три жизни художника. К 100-летию со дня рождения К. Малевича // Часы. 1977. № 11. С. 209.

¹⁷ Истоков У. Несвязные мысли, блуждающие между истиной и заблуждением // Часы. 1980. № 27. С. 266.

¹⁸ Там же. С. 268, 271.

¹⁹ Гиряев Н. [Горичева Т.] Взгляд и нечто // 37. 1977. № 12. С. 83–84.

²⁰ Там же. С. 85.

го. Распространенный выход — восполнение недостатка искусствоведческих работ эссеистическими опытами художников и поэтов. Один из удачных примеров такого рода — подборка рецензий на выставку «Живопись — Графика — Объект» (20 ноября — 3 декабря 1976 г.). В заметке Виктора Кривулина акцент поставлен на связях творца со временем: *«лицо художника определено соотношением внутренней и внешней его истории»*, и в анализе его творчества следует сопрягать *«астрономическое время»* и *«внутреннее время личности»*²¹. Василий Филиппов обращает внимание на эффект откровения: *«Изумление — это первое, что чувствует человек, предстоя перед миром, с которого сорван покров обыденности»*²². Аркадий Драгомощенко пишет о «выжидании-созерцании» как предпосылке продуктивного диалога: только когда *«“мгновение” понимания, точка намеренно отдалена ... на непривычное расстояние ... только тогда живопись станет явной, явится как возможность постижения ее самой в труднейшем, неукоснительном процессе со-бытия»*²³.

О насущности этого «со-бытия» в середине 1970-х говорилось много. Характерно высказывание Игоря Синявина: *«Сейчас время искусства, которое вызывает ответную творческую реакцию. Воспринимает адекватно лишь тот, кто реагирует на творчество творчеством. Искусство сегодняшнего дня — мяч, летящий в голову. Кто отбивает — участвует в великолепной игре, кто стоит, опустив руки, — тому разбивают лицо»*²⁴.

Поиски пространства диалога мотивировали, в частности, появление ряда интервью Бориса Гройса с художниками концептуалистского круга. Тексты двух таких бесед — с Ильей Кабаковым и Эриком Булатовым — были

²¹ Кривулин В. Анатолий Васильев. Опыт другой биографии художника // 37. 1976. № 7/8, без паг.

²² Филиппов В. [Путилин] // 37. 1976. № 7/8, без паг.

²³ Драгомощенко А. Заметки к выставке // 37. 1976. № 7/8, без паг.

²⁴ Синявин И. Искусство и дух // 37. 1977. № 12. С. 113.

опубликованы в номерах 16 и 18 журнала «37». Философ выступает здесь в несвойственном ему амплуа: он не предъявляет жестко заданную структуру интерпретации, но высказывает ряд предположений, которые, как правило, сильно корректируются собеседниками.

В пространным разговоре с И. Кабаковым²⁵ Гройс пытается определить отношение Кабакова к тенденции трактовать художественную практику в религиозном ключе: *«...современные художники ... мыслят скорее неогностицистским [чем христианским. — А.Ж.] способом, стремясь либо ... увидеть мир чистых сущностей ... либо пройти путь деструкции данного нам мира»*; позиция Кабакова на этом фоне представляется «христианской», ибо строится на допущении, что «воплощение обладает логосом». Кабаков выражает удивление такой трактовкой, предлагая свою версию роли «письменной текстуры». Он указывает на то, что, хотя современная живопись и может быть *«религиозно ориентированной формой искусства»*, называть ее *«соборной, культовой было бы неосторожно»*.

И. Кабаков делает оговорку, что любое «форсирование» новизны в искусстве контрпродуктивно: о любой картине, которая «ставила в тупик», скоро становится известно, «как ее употреблять». На первый план выступает «глубина онтологического поиска» художника. И здесь обозначается искомый «религиозный» контекст: шаг зрителя, полагает Кабаков, есть «прорыв» поля видимого: *«Зритель должен при взгляде на наличное проделать акцию прохода за наличное. Но эта акция является ритуальной и культовой в каком-то смысле. ... Другое дело, не всякий зритель понимает, что имеется в виду: скажем, если ему показывается шкаф, он может его вообще не открыть»*²⁶.

В разговоре Гройса с Булатовым этот мотив «свободы зрителя» перерастает в обсуждение условий, при которых

²⁵ Гройс Б., Кабаков И. Искусство и религия // 37. 1978. № 16, без паг.

²⁶ Там же.

рецепция может контролироваться художником. Как говорит Булатов, всякая картина является *«решением проблемы жизненной, человеческой, экзистенциальной»*; работа над картиной является опытом «освобождения»²⁷. *«Искусство — способ прожить»*; цель художника — сделать так, чтобы этот путь «по ту сторону» был в ней очевиден: *«Раз мы говорим, что картина — модель мира, в ней должно находиться все, что есть в мире. Все спасение должно быть в ней»*²⁸.

Но, разумеется, история осмысления искусства нонконформизма в самиздате не исчерпывается интервью с художниками. Важная ее страница — публикации Юрия Новикова (Р. Скифа) на страницах журнала «Часы» (1978–1983). Это разноплановые работы: здесь есть и обзоры выставок, и проблемные статьи, и монографические разборы.

Одна из важнейших его тем — недостаточность рефлексии, постоянный запрос на смысл. Реальность, с которой имеет дело критик, — это реальность фрагментированная, чуждая письменной фиксации: нонконформистской культуре *«некогда» задуматься с пером ... в руке над увиденным и услышанным»*²⁹. Эпоха нонконформизма вполне может оказаться эпохой «великих неизвестных», когда неподписанное полотно *«лишено всякого шанса быть соотнесенным с каким-либо именем»*³⁰.

Любые попытки уловить день сегодняшней наталкиваются на две проблемы: подвижность границ «официального» и «неофициального» и проблематичность актуальных художественных традиций. Это взаимосвязанные

²⁷ Гройс Б., Булатов Э. Экзистенциальное пространство картины // 37. 1979. № 18, без паг.

²⁸ Там же.

²⁹ Новиков Ю. Материалы к балладе об Александре Арэфьеве (в легендах, анекдотах и авторских отступлениях) // Часы. 1981. № 33, без паг.

³⁰ Новиков Ю. Критика и современное неконформистское искусство // Часы. 1979. № 21. С. 230.

обстоятельства. Так, критик отмечает парадоксальность официальной легитимации ряда «формалистов» 1920-х, когда соцреализм *«вопреки своим собственным установкам» принимает их творческие принципы, «выплывая душой»*³¹. Эта коллизия «подлинного» и «мнимого» наследства по-своему преломляется в затейливом и неочевидном распределении художников на «лосховскую» и «газаневскую» страты³².

Существенным моментом работ Ю. Новикова оказывается выявление характерных особенностей ленинградского искусства второй половины 1970-х — начала 1980-х гг., в первую очередь «газаневщины». Во-первых, это «тревога», мотивированная бесправием художника³³. С ней связана неспособность работать с травмирующим современным материалом: *«почти ни один художник не решается встретиться с современностью лицом к лицу»*³⁴. Культурная опосредованность делает художественное видение зависимым от «готовой» формы. Поэтому эпоха нонконформизма, во-вторых, осознается как «эпоха новой эклектики»³⁵. В этих условиях, в-третьих, едва ли не вся художественная практика оказывается наделена «дилетантскими» чертами: *«Наше искусство обнаружило значительную загрязненность “шлаками производства”, сыроватость, небрежность, неумение “довести” работу, большое смущение при работе над сложными структурами»*³⁶.

И тем не менее в новом искусстве есть огромная потребность, которая вынуждает художников рисковать «безжалостным и постыдным поражением», а зрителей —

³¹ Там же. С. 232.

³² Там же. С. 233.

³³ Скиф Р. Новая творческая группа // Часы. 1978. № 13. С. 258.

³⁴ Скиф Р. Выставка «нейтрального пейзажа» // Часы. 1981. № 33. С. 262.

³⁵ Скиф Р. Маргиналии на полях редактируемых уставов // Часы. 1983. № 43. С. 258–259.

³⁶ Скиф Р. Выставки состоявшиеся, состоявшиеся наполовину и несостоявшиеся // Часы. 1979. № 19. С. 217.

идти на выставку «едва ли не с сухарями»³⁷. Ю. Новиков отмечает неизбежность такого развития событий: *«Логика развития требовала контакта: художника с художником, художника — со зрителем, и даже зрителя — со зрителем. На праве на эти контакты и следовало настоять»*³⁸.

Отмечая очевидные болевые точки новой культуры, критик в то же время стремится говорить и о ее художественных достижениях. Весьма характерны в этом отношении переключки между статьями, посвященными Владимиру Овчинникову, Александру Арефьеву, Владимиру Шагину. Ключевой мотив здесь — напряжение между поверхностной упрощенностью формы и драматическим содержанием; сложные, неочевидные отношения между «низкой» реальностью и оценками художника³⁹.

На этом фоне оказывается нетрудно наметить сценарии развития нонконформистского искусства, обозначив в этом наборе возможностей приоритеты. Для Новикова одна из главных оппозиций — «эскапизм» / «экспрессия». Критик убежден, что *«нефигуративность слишком часто оказывается эскапизмом и равнодушием, холодной созерцательностью»*; между тем как пластика арефьевского круга, *«экспрессия жеста, цвета ... — свидетельствует о глубоком неравнодушии к миру»*⁴⁰. С этой оппозицией связана другая: «индивидуальное» / «индивидуалистическое»: *«Если индивидуальное перерастает в индивидуалистическое, понимая мир только как арену для межвидовой и внутривидовой борьбы, то индивидуальное перерастает в личностное через гуманизм»*⁴¹.

³⁷ Скиф Р. Размышления после закрытия выставки на Бронницкой // Часы. 1982. № 35. С. 256.

³⁸ Скиф Р. «Черные доски» В. Овчинникова // Часы. 1978. № 15. С. 199.

³⁹ Там же. С. 201.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Скиф Р. Маргиналии на полях редактируемых уставов // Часы. 1983. № 43. С. 259.

Зависимость от канонизированной традиции, будь то «босхиада» или «гойеск», обедняет репертуар изобразительных возможностей»⁴². В этой связи Новикову кажется важным «создать атмосферу, в которой не было бы непроходимых барьеров между различными художественными “языками”, атмосферу взаимного увлечения ... без фанатического предпочтения одного метода всем другим»⁴³.

Отдельный и очень важный сюжет в истории осмысления «газаневского» движения — публикации М. Иванова середины 1970-х гг. Их считанные единицы, и тем не менее значение их трудно переоценить. Заинтересованные и непредвзятые статьи критика отличает внимание к фактуре и стилистике живописных работ, к выявлению их экзистенциальных и культурных контекстов, стремление к емкой формуле. Один из самых характерных образчиков стиля — развернутая рецензия М. Иванова на выставку группы «Алеф», опубликованная во втором номере журнала «Архив» (1976).

Выставка рассматривается критиком как важный шаг неофициального искусства к «внутренне организованной экспозиции», как свидетельство «плодотворного развития» традиций «живописной экспрессии и примитивистской упрощенности», утверждающих «поэтически-гротескное мироучувствие»⁴⁴. Иванов внимателен к выставочному контексту группы «Алеф»: он отмечает сходства и различия в составе экспонентов, от его внимания не ускользает хронология представленных работ, их связь с эволюцией художника, кругом его нынешних интересов. В тексте статьи много «точечных» сопряжений участников группы с отдельными, нередко не хрестоматийными именами: Васми и Ларионов, Шварц и Руо, Арсфьев и Гуттузо, Рапопорт и Сутин, Тышлер, Ротенберг.

⁴² Новиков Ю. Критика и современное неконформистское искусство // Часы. 1979. № 21. С. 238.

⁴³ Новиков Ю. Предварительные итоги // Часы. 1983. № 45. С. 269.

⁴⁴ М.И. Выставка группы «Алеф» (Ленинград, июнь 1976) // Архив. 1976. № 2. С. 61–62 (Архив FSO. Ф. 146).

Самое важное в работе — сравнительно-типологическое исследование художественных манер представителей группы «Алеф», характеристика типов пластического мышления, анализ живописных фактур, предпринятый на четко выписанном историческом фоне. Этот «ретроспективный план» позволил обозначить общую точку отсчета: *«напряженный живописный импульс работ, страстную непосредственность выражения, извне не ограниченного культурой традиции»*⁴⁵.

«Невоспитанность пластического мышления» рассматривается М. Ивановым как *«общая беда поколения, лишенного преемства культуры»*; но она отчасти возмещается *«пластическим инстинктом, настоятельным и органичным»*. Важными достоинствами арэфьевцев Иванов считает *«интуитивную чуткость и четкость стилевых тяготений»*⁴⁶. Об этой общности Иванов пишет развернуто, с тонкими акцентами: *«Сходны стилевые начала этих художников. Как правило, это экспрессивное преодоление натурального впечатления, радикально преобразованного в острую ... пластическую формулу и возведенного в некую духовную степень колористическим обобщением. Живописный строй их работ основан на контрастах и диссонансах: борьбе плоскостей цвета, обнажения фактуры, — на импульсивной импровизации исполнения. Различия выступают более скрыто»*⁴⁷.

Намечая эти различия, М. Иванов пишет о степени художественной экспрессии, о характере художнического отношения к ней, о несходстве средств ее пластического выражения: *«Васми лаконичен и взыскателен; его линия сдержанно-энергична, упруга и точна, цвет изысканно скуден»*; *«Стихия гротеска, хари и маски улицы ... в ранних работах Арэфьева спаяны пластическим инстинктом»*;

⁴⁵ Там же. С. 47.

⁴⁶ Там же. С. 49.

⁴⁷ Там же. С. 48.

«Живопись Басина ... сомнамбулически погруженная в себя, замкнутая, одновременно неряшливая и утонченная...»⁴⁸

Установка на ответственное высказывание обуславливает насущность ясного обозначения не только преимуществ, но и изъянов художественной практики. Они разнообразны и несхожим образом сказываются на общем впечатлении от работ.

Первый очевидный соблазн, заключенный в самой экспрессивности манеры — «произвол исполнения, своеволие росчерка». Его критик отмечает у позднего Арефьева: *«Нагнетение выразительности в его поздних работах ... приводит к пластическому произволу, порывающему с логикой живописи. ... Слово художника становится криком и хрипом»⁴⁹*. Еще один изъян — нереализованная тенденция к «превосхождению экспрессии изнутри». Об этом Иванов говорит применительно к Басину: *«Видимое превосходство экспрессии дается художнику дорогой ценой духовного истощения, усечения духовного и творческого спектра»; «Страсть не просветлена, она лишь отринута, отчуждена созерцанием»⁵⁰*.

Вдумчивый наблюдатель, М. Иванов стремится не просто установить некий баланс утрат и обретений в живописи группы «Алеф», но понять драматургию отношений современного художника со временем, требующим разом и «отказа от прописей видения», и обретения «духовной цельности»⁵¹. Опыт арефьевцев важен здесь как случай «переизобретения» живописного языка. Со всей определенностью эта мысль звучит во фрагментах работы, посвященных Арефьеву: *«Скользящие приметы сообщают работам художника точный исторический адрес. Перед нами послевоенная сталинская Россия — надрывный*

⁴⁸ Там же. С. 48, 50, 56.

⁴⁹ Там же. С. 48, 49–50.

⁵⁰ Там же. С. 60.

⁵¹ Там же. С. 48.

и жестокий быт ее городских задворков. ... Мир Арефьева тесен и душен. ... Погружаясь в его работы, испытываешь тягость безысходности... В них, однако, глухо бьется подлинная боль, а с нею — подлинная жизнь и подлинное искусство»⁵².

«Пластическое напряжение», обращенное к «ужасу и хаосу жизни» и способное заключить его в экспрессивную живописную формулу — вот что привлекает М. Иванова: *«Отвечая тайной жажде времени, Басин ищет абсолютные начала, универсальные возможности жизнечувствия. Он обретает их в сфере формальной аскезы — очищая язык своей живописи от всего необязательного, субъективно-зыбкого. ... Экспрессия фактуры изживается как соблазн»⁵³. «Правда и ценность честного исповедания души», «спонтанная органичность итога», закрепленная в «пластической формуле», превращение «порыва» в «предмет медитации» — все это искупает для критика изъяны выставки⁵⁴.*

Как показывает обзор, многие особенности самиздатской художественной критики производны от универсальных для «другого искусства» принципов организации коммуникативной среды. Изолированность участников коммуникации, поверхностность интеракций, недоверие к сложным формам рефлексии делают наиболее востребованной «свободную» структуру текста. Жанрово-стилевой синкретизм отражает «экзистенциальную» насыщенность бытия, его ускользание от любых историко-культурных объективаций и параллелей. Строгая рациональность выступает исключением из правила. Предрасположенность к монологичности, к предельности высказываний, к эзотеричности автометаописания преодолеваются только целенаправленным усилием. Там, где это усилие возна-

⁵² Там же. С. 51.

⁵³ Там же. С. 58.

⁵⁴ Там же. С. 61.

граждено, «экзотичность» предопределяет свободу оценок, оригинальность интерпретативных моделей, яркость стилизованных решений.

Библиографический список

1. Андреева Е. Угол несоответствия. Школы нонконформизма. Москва – Ленинград 1946–1991. М.: Искусство-XXI век, 2012.
2. Басин А. Выставочные дела // Часы. 1979. № 21.
3. Басин А. Кальмитек // Газаневщина. СПб.: ООО «П.Р.П.», 2004.
4. Басин А. Кальмитек (о художественных выставках 1974–1975 г. в ДК им. Газа и «Невском» // Часы. 1979. № 18.
5. Басин А. Трактат о живописи // Архив. 1976. № 2. С. 11 (Архив FSO. Ф. 146); Бобринская Е. Чужие? Неофициальное искусство: мифы, стратегии, концепции. М.: Ш. П. Бреус, 2013.
6. Гиряев Н. [Горичева Т.] Взгляд и нечто // 37. 1977. № 12.
7. Гройс Б., Кабаков И. Искусство и религия // 37. 1978. № 16.
8. Гройс Б., Булатов Э. Экзистенциальное пространство картины // 37. 1979. № 18.
9. Гуревич Л. Художники ленинградского андеграунда. СПб.: Искусство-СПб., 2007.
10. Драгомощенко А. Заметки к выставке // 37. 1976. № 7/8.
11. Истоков У. Возвращение реализма // Часы. 1978. № 13.
12. Истоков У. Заметки на полях отсутствующих каталогов // Часы. 1979. № 19.
13. Истоков У. Несвязные мысли, блуждающие между истиной и заблуждением // Часы. 1980. № 27.
14. Истоков У. Три жизни художника // Часы. 1977. № 11.
15. Кривулин В. Анатолий Васильев. Опыт другой биографии художника // 37. 1976. № 7/8.
16. М.И. [Иванов М.] Выставка группы «Алеф» (Ленинград, июнь 1976) // Архив. 1976. № 2 (Архив FSO. Ф. 146).

17. Нечаев В., Недрובה М. Авангардодиночек // Архив. 1976. № 2 (Архив FSO. Ф. 146).
18. Новиков Ю. Критика и современное неконформистское искусство // Часы. 1979. № 21.
19. Новиков Ю. Материалы к балладе об Александре Арефьеве (в легендах, анекдотах и авторских отступлениях) // Часы. 1981. № 33.
20. Новиков Ю. Предварительные итоги // Часы. 1983. № 45.
21. Савицкий С. Без глянца. Арт-критика от самиздата до сетевых проектов // Новый художественный Петербург: Справочно-аналитический сборник. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004.
22. Скиф Р. Выставка «нейтронного пейзажа» // Часы. 1981. № 33.
23. Скиф Р. Выставки состоявшиеся, состоявшиеся наполовину и несостоявшиеся // Часы. 1979. № 19.
24. Скиф Р. Маргиналии на полях редактируемых уставов // Часы. 1983. № 43.
25. Скиф Р. Новая творческая группа // Часы. 1978. № 13.
26. Скиф Р. «Остановка в пустыне» // Часы. 1980. № 26.
27. Скиф Р. Размышления после закрытия выставки на Бронницкой // Часы. 1982. № 35.
28. Скиф Р. «Черные доски» В. Овчинникова // Часы. 1978. № 15.
29. Скиф Р. Anima urbis В. Шагина // Часы. 1982. № 35.
30. Новый художественный Петербург: Справочно-аналитический сборник. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004.
31. Синявин И. Искусство и дух // 37. 1977. № 12.
32. Филиппов В. [Путилин] // 37. 1976. № 7/8.

**«Ситуация» — альманах группы
МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ**

*Семенов-Басин Илья Викторович /
Semenenko-Basin Ilya
д. и. н., профессор Учебно-научного центра
изучения религии, РГГУ /
Center for the Studies of Religion,
professor Russian State University
for the Humanities
vivere.est@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена альманаху «Ситуация». Альманах издавали молодые художники в Москве в 1989–1990 гг. В альманахе публиковались искусствоведы Владимир Петров и Степан Ванеян, протоиерей Александр Мень, философ Василий Налимов. Художники помещали там свои очерки о живописи. Альманах иллюстрировался, распространялся среди друзей. Прослеживается преемственность традиции самиздата.

Summary: The paper proposed the almanac “Situatsiya”. Almanac published the young artists in Moscow in 1989-1990. The almanac published art critic V. Petrov, S. Vaneyan, Rev. Alexander Men, philosopher Vasily Nalimov. Artists publish their essays on painting. We illustrated almanac and distributed among friends. Traced the continuity of tradition of samizdat.

Ключевые слова / Key words: самиздат, живопись, группа, искусствоведение, общение, samizdat, painting, group, art history, communication.

Альманах «Ситуация» издавался в 1989–1997 гг. в Москве при частной студии живописи. Поскольку автор этих строк был редактором «Ситуации» и занимался в студии, повествование по необходимости приобретает мемуарный характер.

Начнём с того, что студия наша была основана художником Виталием Степановичем Грибковым¹ в 1987 г. Студийцами стали люди студенческого и более старшего возраста²; занятия проходили во Дворце культуры на Большой Серпуховской улице в Москве³. Члены студии общались с художниками группы «Колесо», созданной Борисом Сафроновым, Виталием Грибковым, Алексеем Дьячковым и их друзьями в 1986 г.⁴ Руководитель студии Грибков и был инициатором самиздатского альманаха «Ситуация».

Здесь надо сказать, что у Виталия Грибкова к тому времени уже накопился большой опыт существования в неофициальных художественных группах, издания самиздатских журналов, посвящённых искусству (журнал «Фикция», 1967–1971 гг., журнал «Метки по новой живописи», 1975–1980 гг.)⁵. По убеждению нашего учителя, художественная группа не могла развиваться, не обсуждая, кроме проблем живописи, ещё и собственное печатное издание, вбирающее в себя рефлексию членов кружка.

¹ О В.С. Грибкове см.: Семенов-Басин И.В. Живопись как интеллектуальная интуиция. (Заметки о творчестве Виталия Степановича Грибкова к его шестидесятилетию) // Проблемы информационной культуры. Вып. 4. Искусство в контексте информационной культуры. М.: Смысл, 1997. С. 138–140; Параллельная культура: Интегративное направление в современной российской культуре. М.: Смысл, 1999; Московский концептуализм: Начало / Каталог выставки. Нижний Новгород: Приволжский филиал ГЦСИ, 2014. С. 50–54; Метки: Группа «Фикция» Виталия Грибкова и художественная жизнь 60–80-х годов. М.: Galerie Serge, 2014.

² Автор этих строк в ту пору был студентом исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (выпуск 1989 г.).

³ Дворец культуры Завода Владимира Ильича.

⁴ См.: Творческое объединение «Колесо»: XX лет. М.: Наш изограф, 2006.

⁵ Подробнее о журналах «Фикция» и «Метки по новой живописи» см.: Параллельная культура: Интегративное направление в современной российской культуре. С. 7–13; Дьячков А. Штрихи. М.: [Б.и.] 2006. С. 32–34; Метки: Груша «Фикция» Виталия Грибкова и художественная жизнь 60–80-х годов. С. 18–53.

Итак, осенью 1988 г. Виталий Грибков подал идею самиздатского альманаха; я придумал ему название. Разговор между мной и Виталием о названии альманаха — события можно восстановить по моим дневниковым записям — состоялся вечером 29 ноября 1988 г. сразу после выхода из Елоховского собора. Добавим, часа полтора спустя после совместной покупки на Преображенской экземпляров только что вышедшего «Избранного» Рюрика Ивнева. В кои-то веки Виталия занесло в православную церковь.

В моих замыслах 1988 года термин «ситуация» указывал на соотношение «предмет / пространство»; имелось в виду, что расположение предметов относительно зрителя, равно как и расположение наблюдателя относительно объектов создаёт некую ситуацию. Разумеется, значение термина значительно шире и указывает также на мгновенное осознание человеком себя в мире.

В декабре 1988 и в начале 1989 г. замысел альманаха (в разговорах иногда именовавшегося журналом) обсуждался на занятиях студии. Со всей определенностью надо сказать, что «Ситуацию» издавал не одиночка-энтузиаст, Грибков или Семенов-Басин; она была делом студии и принадлежала всему нашему сообществу. С февраля 1989 по июль 1990 г. были изданы — при финансовой поддержке Виталия Грибкова — семь книжек. Тексты печатались на машинке тиражом 10 экземпляров; эту работу выполняла пожилая машинистка, жившая в старом доме на углу улицы Заморёнова и Малого Предтеченского переулка. Затем страницы переплетались в ведомственной переплётной мастерской около станции метро «Академическая».

Альманах иллюстрировали участники студии, в некоторых случаях с долей иронии использовались фрагменты порезанных работ. В течение 1989–1997 гг. авторами иллюстраций выступили студийцы Ольга Черных, Илья Семенов-Басин, Лиля Копытина, Ирина Рогачёва, Ирина Болдырева, Анна Шакун. Относительно написа-

*Этило, погему-то не вташершии себе тисея
в седмой книжке "Ситуация".* ИТБ.

ОТ РЕДАКЦИИ:

За 17 месяцев существования "Ситуации" вышло семь номеров журнала, и на этом первый этап его существования заканчивается. В течении этих полутора лет мы были очевидцами настоящего слома времени, когда в культурном строительстве, в восхождении культуры наступила некая пауза. Журнал "Ситуация" сам стал паузой между классическим советским самиздатом и легализованным новиздатом будущих 90^х годов.

На наших глазах сходит со сцены целая эпоха. При этом возникают некие промежуточные структуры, жизненно необходимые, но сами по себе недолговечные. Таковым был наш журнал. Он отразил время, которое больше не повторится, и уже тем самым оправдал своё существование. Теперь же ситуация изменилась... Что ж! Как сказал Эсташ Дешан:

Прощай, Париж, прощайте, пирожки!

Илья Семенов-Басин.

Вкладыш в седьмой выпуск альманаха «Ситуация»;
создан осенью 1990 г. после отказа от идеи продолжать издание.

ния имени редактора нужно сделать пояснение: в те годы я подписывался одной только отцовской фамилией Басин, а не двойной, как сейчас.

Осенью 1990 г. я оставил работу над «Ситуацией». Рубежом, отделившим для меня всё, что было до этого, стала трагическая смерть моего духовника о. Александра Меня 9 сентября 1990 г. В начале 1990-х гг. интересы переменялись, я перестал посещать занятия студии, сохранив дружеские отношения с её участниками и руководителем. И хотя в 1991 г. студия лишилась своего помещения на Большой Серпуховской улице, студийцы продолжали занятия. В апреле 1995 г. вышел восьмой выпуск альманаха «Ситуация» (редактор — Ирина Болдырева), в апреле 1997 г. — девятый (редактор — Елена Кравченко), после чего издание альманаха прекратилось.

«Ситуация» была едва ли не единственным неофициальным изданием тех времен, целиком посвящённым искусству живописи. Издание отразило рефлексию небольшого круга, а именно студийцев и наших друзей; они же были и получателями экземпляров «Ситуации», и её читателями. В нашем альманахе согласились публиковаться искусствоведы Владимир Петров и Степан Ванеян, протоиерей Александр Мень, философ Василий Налимов. Свои очерки о живописи в разное время поместили Виталий Грибков, Ирина Болдырева, Ирина Галкова, Ксения Цыпина, Илья Семенов-Басин. Художник Борис Сафонов любезно предоставил свою прозу, художник Марк Абрамович — воспоминания, художник Валерий Кузнецов — отрывки из личного дневника. В «Ситуации» печатались стихи Ильи Габая, Альфреда (Фрэда) Солянова, Игоря Вишневецкого, русские переводы Георга Тракля, не изданные тогда в России. Для участников студии редактор делал перепечатки некоторых текстов Владимира Соловьёва, Николая Врангеля, Поля Гогена, Сергия Булгакова и других. Наконец, в альманахе присутствовала хроника художественной жизни.

Отметим преемственность «Ситуации» по отношению к более ранним опытам самиздата Виталия Грибкова и его друзей; иногда на страницах альманаха появлялись материалы, лет за десять до того публиковавшиеся в самиздатском журнале В.С. Грибкова и В.М. Петрова «Метки по новой живописи».

Первые семь выпусков «Ситуации», поступившие от Виталия Грибкова, находятся в архиве Исследовательского центра Восточной Европы в Бремене (Германия): Forschungsstelle Osteuropa Bremen, FSO 01-76 (Петров В.М.; Грибков В.С.; Меламид Л.А.). В этот же архив в 2015 г. передан портфель редактора «Ситуации», хранившийся у меня в течение двадцати пяти лет; его местонахождение — FSO 01-030.319 (Семенов-Басин И.В.).

Ниже публикуется оглавление всех девяти выпусков «Ситуации»⁶.

Альманах «Ситуация»

Выпуск 1. Февраль 1989 г. Редактор Илья Семенов-Басин. Тираж 10 экземпляров.

В[ладимир] П[етров]. Вместо введения.

Виталий Грибков. Рассуждения о жанрах классической живописи.

Владимир Петров. Тезисы к проблеме: конструктивный концептуализм — ядро искусства будущего.

Илья [Семенов-]Басин. Улей [поэма].

Калейдоскоп.

Из творческих лабораторий (высказывания Пабло Пикассо).

Хроника художественной жизни Москвы.

⁶ Ранее оглавление первых шести выпусков «Ситуации» публиковалось в сборнике: Параллельная культура: Интегративное направление в современной российской культуре. С. 13–14.

Выпуск 2. Август 1989 г. Редактор Илья Семенов-Басин. Тираж 10 экземпляров.

Хемингуэй о Сезанне.

Калейдоскоп.

Эдвард Робинсон. Апофатическое искусство Казимира Малевича.

Илья [Семенов-]Басин. Святость нарисованная и святость явленная (заметки с выставок Михаила Нестерова и Джорджо Моранди).

Виталий Грибков. Рассуждения о жанрах классической живописи (окончание).

Георг Тракль. Стихотворения. Перевод Фреда Солянова.

Валерий Кузнецов. Отрывки из дневника художника. Хроника.

Сергей Булгаков. Из дневника.

Илья [Семенов-]Басин. Дополнение.

Выпуск 3. Декабрь 1989 — январь 1990 г. Редактор Илья Семенов-Басин. Тираж 10 экземпляров.

Владимир Соловьёв. Несколько слов о настоящей задаче философии.

Иона Виноградов [псевдоним Ильи Семенов-Басина]. Лилии.

Калейдоскоп.

Фред Солянов, Виталий Грибков. Камень, цветок и человек.

[Илья Семенов-Басин]. К стихам Ильи Габая.

Илья Габай. Стихотворения.

Илья [Семенов-]Басин. Чту нам Малевич?

Владимир Петров. Живопись: Восемь рассказов.

Хроника художественной жизни Москвы в декабре 1989 года.

Выпуск 4. Февраль 1990 г. Редактор Илья Семенов-Басин. Тираж 10 экземпляров.

Автограф отца Александра Меня для «Ситуации».

Александр Мень. Христианство и творчество: Выступление на выставке «Метасимволизм» творческого объединения «Колесо» 5 февраля 1989 года.

Джон Гарднер. Джон Нэппер плывет во вселенной.

Василий Налимов. Из книги «Архитектура личности».

Иона Виноградов [псевдоним Ильи Семенов-Басина]. Незаконченный текст о Степаныче.

Хроника художественной жизни Москвы за январь.

Выпуск 5. Апрель 1990 г. Редактор Илья Семенов-Басин. Тираж 10 экземпляров.

В[италий] Г[рибков]. От редакции.

Калейдоскоп.

Виталий Грибков, Владимир Петров. Национальные школы живописи — отличия основных элементов.

Константин Истомина. Письмо Я. Р. Когану.

И[лья Семенов-]Б[асин]. От редакции.

Фред Солянов. Сновидение [поэма].

Николай Врангель. Из книги «Борисов-Мусатов».

Абрам Эфрос. Бенуа. Розанова: Из книги «Профили».

Илья [Семенов-]Басин. Предварительное сообщение.

Выпуск 6. Июнь 1990 г. Редактор Илья Семенов-Басин. Тираж 10 экземпляров.

Квиринос Кульман. Изменчивая сущность бытия человеческого. Перевод Льва Гинзбурга [Стихотворение].

[Илья Семенов-Басин]. От редакции.

Илья [Семенов-]Басин. Явленные иконы — ядро художественной культуры (три развернутых тезиса).

Степан Ванеян. Иконография архитектуры и архитектурная иконография: Предварительные замечания.

Фред Солянов. Читая «Фрагменты о Лермонтове».

Игорь Вишневецкий. Книга воздуха [Стихотворения]. [Илья Семененко-Басин]. От редакции.

Николай Евреинов. Кульбин. Impressio.

Сергей Городецкий. «Тот, кому дано возмущать воду».

Борис Сафронов. Глоссы пьяной старухи.

Илья [Семененко-]Басин. Схолии к «Глоссам пьяной старухи» Бориса Сафронова.

Выпуск 7. Июль 1990 г. Редактор Илья Семененко-Басин. Тираж 10 экземпляров.

Поль Гоген. Розовые креветки: Из книги «Прежде и потом».

Ван Гог об искусстве (составил Виталий Грибков).

Виталий Грибков. Прозрачность.

Константин Истомина о Ван Гоге.

Выпуск 8. Апрель 1995 г. Редактор Ирина Болдырева. Тираж 20 экземпляров.

[Ирина Болдырева]. От редакции.

Виталий Грибков, Владимир Петров. Конструктивный концептуализм — ядро искусства будущего: Манифест.

[Владимир Петров]. Конструктивный концептуализм на фоне явлений современной культуры.

[Владимир Петров]. О предтечах конструктивного концептуализма.

[Ирина Болдырева]. Об авторе.

Андрей Иванов. Стихотворения.

Александр Вышинский. Последнее дело Зазанцери.

Выпуск 9. Апрель 1997 г. Редактор Елена Кравченко. Тираж 25 экземпляров.

- Виталий Грибков. Интеграционный путь в живописи.
Владимир Петров. Объединение миров.
Виталий Грибков, Владимир Петров. Женская красота,
Мэрилин Монро, «Авиньонские девушки» — и Россия.
Ксения Цыпина. В гостях у Анатолия Крылова.
Ирина Галкова. Живопись Крылова.
Ирина Болдырева. Коллекция Николая Руколя.
Ирина Галкова. Феномен кабаре как культурного явления на грани двух эпох.
Елена Кравченко. Эмоции и художественный вкус.
Ксения Цыпина. Пейзаж и эмоции.
Н. Н. Кофман. Чудовка. (Воспоминания директора художественной школы).
М. Е. Абрамович. Мои встречи с Анатолием Ивановичем Шугриным. Воспоминания. [Эссе].

Библиографический список

1. Дьячков А. Штрихи. М.: [Б.и.], 2006.
2. Метки: Группа «Фикция» Виталия Грибкова и художественная жизнь 60–80-х годов. М.: Galerie Serge, 2014.
3. Московский концептуализм: Начало / Каталог выставки. Нижний Новгород: Приволжский филиал ГЦСИ, 2014.
4. Параллельная культура: Интегративное направление в современной российской культуре. М.: Смысл, 1999.
5. Семенов-Басин И.В. Живопись как интеллектуальная интуиция. (Заметки о творчестве Виталия Степановича Грибкова к его шестидесятилетию) // Проблемы информационной культуры. Вып. 4. Искусство в контексте информационной культуры. М.: Смысл, 1997. С. 138–140.
6. Творческое объединение «Колесо»: XX лет. М.: Наш изограф, 2006.

Самиздат как средство выживания для неофициальных художников

*Кизевальтер Георгий Дмитриевич /
Kiesewalter Georgy
художник, фотограф, эссеист /
Artist, photographer, essayist
gkiesewalter@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена уникальному в самиздате явлению, успешной попытке создать архив альтернативной живописи — «папкам МАНИ» (Московского архива нового искусства). Автор рассказывает о проблемах художников-постконцептуалистов 1970–1980-х и о своем активном участии в сборе, хранении и распространении их работ. Подробно описаны история создания и содержание всех выпусков папок МАНИ.

Summary: Article is devoted to the unique phenomenon in samizdat, successful attempt to create archive of alternative painting — to “MANA folders” (the Moscow Archive of New Art). The author tells about problems of post-conceptualist artists of the 1970-1980th and about his active participation in collecting, storage and promotion of their works. The history of creation and the content of all releases of the MANA folders are described in details.

Ключевые слова / Key words: Альтернативная живопись, Московский Архив Нового Искусства, «папки МАНИ», нонконформизм в искусстве, Московская концептуальная школа, диссиденты, самиздат, Alternative painting, the Moscow Archive of New Art, “MANA folder”, nonconformism in art, the Moscow conceptual school, dissidents, samizdat.

В среде литераторов и диссидентов самиздат возник и распространился достаточно давно. Однако у художников такой потребности долгое время не было по банальной причине невербальной природы их творчества. Трудно назвать самиздатом изготовление рисунков и даже станковой графики тиражом в несколько экземпляров.

Вот почему возникновение настоящего самиздата в неофициальной художественной среде в 1980-е гг. в Москве представляет собой, на мой взгляд, неожиданный и уникальный феномен.

Как многим известно, 1970-е гг. прошли для российской интеллигенции под знаком *потенциальной эмиграции* и действительно завершились отъездом на Запад значительного количества художников, не говоря уже о поэтах, артистах, переводчиках и т.п. Те, кто по убеждению или отсутствию воли остались в России («здесь-сиденты»), к 1980-м гг. оказались, в известном смысле, за закрывшимися воротами в опустелом дворе. У многих от неразрешимых противоречий (ехать? не ехать?) началась непрекращающаяся депрессия — в родимом государстве не ощущалось более никаких перспектив развития ситуации с неофициальным искусством. Московский горком графиков (единственное место с лицензией на экспонирование неофициальных художников¹) превратился в салон². Идеологической потребности в нонконформистах не было никакой, и власть открыто об

¹ Как писал Владимир Немухин, «живописная секция Горкома возникла после “бульдозерной выставки”. И многие “неофициальные” художники оказались тогда членами Горкома, потому что в те годы надо было обязательно где-то работать, а Горком давал художникам официальную “крышу”. Впрочем, для этого надо было работать в издательствах и собирать справки, а всем хотелось писать картины. Поэтому, когда в Горком пришло предписание Гришина организовать “живописную секцию”, где было указано, что выставочная деятельность художников “также” является трудовой, все очень обрадовались». См.: Переломные восьмидесятые в неофициальном искусстве СССР. М.: НЛО. 2014.

² По словам В. Немухина, «со временем [я] стал понимать, что Горком в силу естественных причин все больше и больше коммерциализируется: многие художники писали на выставках под названиями картин свои телефоны, периодически в подвале Горкома возищкали покупатели — это были только иностранцы, — а больше никого ничего не интересовало... Там существовали многочисленные группы — “11”, “20”, “21” и другие, и вот эта “двадцатка” в основном и коммерциализировала ситуацию в искусстве на Малой Грузинской, причем очень активно. Она агрессивно демонстрировала и насаждала свои художественные вкусы, стоящие на весьма низком уровне, хотя в ней тоже были вроде бы интересные художники» (Там же).

этом заявляла³. Хотя у тех, кто эмигрировал на Запад, ситуация подчас была еще хуже, у «здесь-сидентов» возник страх навсегда исчезнуть с лица земли и с территории искусства, не оставив на ней никаких объективных следов по причине отсутствия возможностей показывать свои работы в нормальных условиях и попросту сохранить их для потомков.

Это малообъяснимое для XXI в. опасение в то время заставило многих авторов постконцептуального круга сплотиться в буквальном смысле — с середины 1970-х гг. в Москве (а также, в какой-то степени, в Таллинне и Ленинграде) шло постепенно усиливающееся, тесное общение авторов достаточно разных направлений, объединенных своим интересом к современному западному искусству и философии, — и начать документировать свою деятельность в каких-то микроизданиях *для внутреннего пользования*. Сперва (в 1980 г.) вышел первый том материалов группы «Коллективные действия», и чуть позже появились папки МАНИ (Московского архива нового искусства). Авторы стали писать статьи или эссе для узкого круга единомышленников, собирать чужие работы

³ Нам, неофициальным художникам младшего (тогда) поколения, удалось организовать в 1982 г. галерею «АпТАрт» на квартире у Н. Алексеева (деятельность движения «АпТАрт» не ограничивалась тогда стенами этой квартиры; многие выставки прошли в других местах, на даче, просто на природе). Как только деятельность галереи привлекла внимание спецслужб, последовали карательные мероприятия по полной программе: обыски, допросы, призывы в армию все той же группы «Мухомор», строгие предупреждения остальным.

В. Немухин: *«По сути, [Горком] был продолжением политики советской власти, и у нас работали такие же комиссии Управления культуры города, искавшие антисоветчину, и каждый раз мы переживали, какую работу снимут, а какую оставят. Я мог бы рассказать, например, как Лилицкий мастировал кресты церквей на картинах ветками деревьев, а после комиссии эти ветки стирались, но, в любом случае, я благодарен был и тому, что нам удавалось отстоять 5–6 работ и открыть выставку. Сейчас, в 2012 году, это трудно представить, но тогда наш выставочный голод доходил до такой степени, что мы были рады и этим относительным свободам»* (см.: Переломные восьмидесятые в неофициальном искусстве СССР).

в собственных коллекциях и при возможности переправлять эти сборники и материалы на Запад, где, как тогда художникам виделось отсюда, имелись хоть какие-то возможности для их публикации или экспонирования. Таким способом авторы пытались как-то сохранить для будущего свое творчество. Все эти процессы шли параллельно, и сбор материалов в архивы являлся логическим следствием безысходного накапливания подобных материалов в мастерских и письменных столах.

Вышеназванные папки МАНИ включали фоторепродукции картин, объектов и графики, фотодокументацию и описательные тексты акций и перформансов, теоретические тексты художников, критические статьи, переводные материалы, подборки стихов, расшифровки записей бесед и дискуссий и др. Я помню первое оргсобрание авторов в конце 1980 г., когда была торжественно выбрана редколлегия архива в составе Бориса Гройса как ответственного за критику, Льва Рубинштейна — за поэзию, и Никиты Алексеева — за изобразительное искусство. Но никто из них впоследствии никакого участия в работе не принимал, а собирать номера стали по очереди разные московские поэты и художники. Так, первый номер собирал Андрей Монастырский, второй — Вадим Захаров и Виктор Скерсис, третий — Елена Елагина, Георгий Кизевальтер и Игорь Макаревич (все три — 1981 г.), четвертый — Наталья Абалакова и Анатолий Жигалов (1982 г.). Пятый номер году в 1983 г. начала делать группа «Мухомор», но тут их забрали в армию, так что закончил его я сам только в 1985 г. — уже после их возвращения из армии, — причем всего в одном экземпляре, хотя первые выпуски делались в пяти экземплярах и распределялись таким образом, чтобы папки эти оказались в наиболее часто посещаемых домах или мастерских.

Причина такого постепенного спада активности заключалась в том, что ситуация за четыре года все время менялась. В первые годы архив прекрасно выполнял свои

функции: папки просматривали все приходящие гости и передавали информацию по своим цепочкам, вызывая любопытство и желание поэкспериментировать самим. Но постепенно в Москву все чаще стали привозить издаваемый в Париже очень содержательный журнал «А-Я», оказавшийся невольным конкурентом МАНИ (естественно, последний проигрывал и в тираже, и в «читабельности»). Затем (в 1983–1984 гг.) наступила пора реакции, когда у художников и прочих активистов андеграунда прошли обыски, а их самих частенько вызывали для собеседований на Лубянку. Все попрятались по своим норам. Наконец, с 1985 г. стали наблюдаться уже совсем другие явления: в связи с некоторой либерализацией атмосферы художников вновь стали интересовать настоящие выставки, которые устраивались то на Кузнецком в залах МОСХа — под покровом цеховой тайны, — то в Эстонии, то в посольствах. Стали приезжать арт-эmissары с Запада, строившие радужные фантастические планы будущих успехов для нонконформистов. Поэтому об архиве уже особенно никто не вспоминал. Да и вернувшиеся из армии запуганные «мухоморы» даже не мыслили о «левом» искусстве. Чтобы собранные материалы не пропали втуне, мне пришлось забрать у них пролежавшие больше года на полке конверты, что-то присовокупить и быстро всё оформить в папку. На этом выпуски МАНИ завершились. Кстати, долгое время все считали, что были сделаны только четыре выпуска МАНИ, потому что пятый мало кто видел.

Поскольку в те годы я без конца посещал мастерские художников, собирая материалы для этих сборников и фотографируя работы, со временем у меня возникло желание как-то подробнее осветить и запечатлеть, то есть *музеефицировать* инфраструктуру нашей тогдашней жизни. Так возникли разнообразные альбомы-книги, которые представляли собой серии фотографий с сопроводительными текстами. Среди таких работ — альбомы «По мастерским» в двух томах (1982–1985), «Комнаты

художников» (1985), серия концептуальных портретов художников и литераторов под названием «Любишь меня, люби мой зонтик» (1984) и др. Первый том альбома «По мастерским» (в соавторстве с В. Захаровым) был сделан в 12 экземплярах; второй — только в трех.

Примерно с 1986 г. А. Монастырский продолжил традицию сбора материалов авторов-постконцептуалистов в «тематические сборники МАНИ», представлявшие собой уже ставшие традиционными переплетенные книги с текстами, объединенными некоей темой, и копированными на ксероксе фотографиями работ. Но чем быстрее в конце десятилетия развивалась художественная ситуация в СССР после открытия «железного занавеса» на рубеже 1986–1987 гг., тем меньшим интересом пользовались в художественной среде подобные издания. После 1989 г. — с отъездом большинства бывших неофициальных художников на Запад — они и вовсе потеряли смысл.

В итоге, главным *заряжающим* «самиздатом» 1980-х гг. стал все же наш первый архив — папки МАНИ, послужившие организующим и сплачивающим элементом для многих московских художников, и не только их. В известном смысле они стали выставочной площадкой для экспериментов многих авторов, работавших в то время в Москве, про которых нынче никто и не помнит, потому что они в дальнейшем перестали экспериментировать. Известность этого архива в среде интеллигенции способствовала появлению такого термина, как «круг МАНИ», обозначавшего, по сути, тот концептуально-ориентированный круг авторов, который потом искусствоведы станут называть «Московской концептуальной школой», — для меня этот термин эквивалентен выражению «группа “Сретенский бульвар”», возникшему, как известно, с легкой руки чешского искусствоведа Индржиха Халупецкого и обозначавшему группу, которой не было в реальности. На основе «круга МАНИ» на даче у Николая

Паниткова в конце 1980-х гг. возник и «Музей МАНИ», в котором собиралась коллекция работ вышеозначенных авторов.

Вот так в те годы собирался ценный материал, позволяющий нынешним исследователям изучать круг интересов и дискурсы московского арт-сообщества, отслеживать хронологию выдававшейся на гора визуальной и теоретической продукции.

Можно спросить: удалось ли выпускам МАНИ или другим архивам выполнить свою миссию в историческом плане? Изучает ли сейчас кто-нибудь этот материал, позволяющий увидеть тенденции и проблематику работы авторов тех лет?

Ответ, на мой взгляд, банален: и да, и нет. Есть музей Циммерли при Ратгерском университете в США (Zimmerli Art Museum at Rutgers University), собирающий и систематизирующий архивные материалы, унаследованные от коллекционера Нортон Доджа, Оригиналы многих архивных папок хранятся в т.ч. в Бремене в Историческом архиве Института Восточной Европы в Бремене (Forschungsstelle Osteuropa (FSO))⁴; есть отдельные коллекционеры в России, но у академического круга исследователей такие материалы *почти* не вызывали интереса, да и сами материалы не публиковались. Возможно, это адекватная ситуация, потому что нет спроса — нет и предложения: вероятно, не пришло еще время для серьезных исследований той эпохи, да и нет пока искусствоведов,

⁴ М.А.Н.И. (Московский архив нового искусства) Ф. 66. 1980-е (название архивного фонда условное, по продолжающемуся изданию московских концептуалистов. Происхождение материалов фонда предположительно из архивов Ильи Кабакова).

В составе фонда: «М.А.Н.И: Папки». 4 номера; «М.А.Н.И: Сборники»; «По мастерским»; «Коллективные действия». [Сборники 1 – 2] (1980–1983); Отдельные действия (10 акций; 1983–1985) и др.

Кроме того, в интернете репродукции папок МАНИ и их оглавление можно найти здесь: <http://conceptualism.letov.ru/MANI/folders.html> [дата обращения 10.05.2015].

способных проводить беспристрастный компаративный анализ. Что касается первичной задачи этих архивов, то в те годы они ее с честью выполнили и вызвали немало интереса в творческих кругах Москвы, Ленинграда, а также у представителей западного арт-рынка.

Библиографический список

1. Переломные восьмидесятые в неофициальном искусстве СССР. Эссе, интервью, фотографии. М.: НЛО, 2014.
2. Поле действия. Московская концептуальная школа и ее контекст. 1970–1980. Каталог выставки в фонде культуры «Екатерина». М., 2010.
3. Field of Action. The Moscow Conceptual School in Context. 1970s–1980s. An exhibition catalogue. Moscow: Ekaterina Cultural Foundation, 2010.
4. Кизевальтер Г. Коммунальное тело Москвы. М.: Рестарт+/Полидиз, 1999.
5. Kalinsky Yelena. The MANI Archive. Zimmerli Journal. 2008. No 5. P. 120.
6. Сборники МАНИ. Серия «Библиотека московского концептуализма». М.: Издатель Герман Титов, 2010.

Часть 5. На перепутье

О Московской независимой общественной библиотеке (МНОБ)

Цурганов Юрий Станиславович / Tsurganov Yuri
к. и. н., доцент, Российский государственный
гуманитарный университет /
PhD., associate professor, Russian State University for the Hu-
manities
tsurganov@mail.ru

Аннотация: Автор — активный участник создания и распространения самиздата — рассказывает о Московской независимой общественной библиотеке, о том, как и где в раннеперестроечную эпоху копировали на ксероксах нелегальные журналы — «хиты» тамиздата («Архипелаг ГУЛАГ», романы Аксенова и проч.), как разрабатывали оригинальные логотипы для книг собрания МНОБ, выбирали конспиративные квартиры для хранения библиотеки, кто и как мог стать читателем этих изданий.

Summary: The author is an active participant of creation and promotion of samizdat. He tells us about the Moscow independent public library, about how and where during an early Perestroika era illegal magazines were copied on copiers, such “hits” of a tamizdat like (“the Archipelago GULAG”, Aksekov’s novels and so forth), how original logos for books of meeting of MNOB were developed, how secret apartments for storage of library were chosen, who and how could become the reader of these editions.

Ключевые слова / Key words: самиздат, тамиздат, библиотека, «Архипелаг ГУЛАГ», Московская независимая общественная библиотека, Юрий Кушков, копировально-множительная техника / Samizdat, tamizdat, libraries, “Archipelago GULAG”, Moscow independent public library, Yury Kushkov, copying equipment.

Весной 1989 г. «Гайд-парк» возле здания редакции «Московских новостей» близ Пушкинской площади уже активно функционировал. Эта газета завоевала себе репутацию издания демократического направления, а Пушкинская площадь — культовое место в истории правозащитного движения. С утра и до позднего вечера ежедневно там постоянно находилось человек от 50 до 100, а иногда и больше, плюс прохожие. Обсуждалось все что угодно общественно-политической, исторической, несколько реже — социально-экономической тематики. Диапазон радикальности — от более чем умеренного («Просто нужно лучше работать, каждому на своем месте». — «А что, эти семьдесят лет плохо работали?» — «Значит, плохо». — «Что ж ты, дед, жизнь прожил, а ума не нажил?») до вполне пестелевского.

Повод для начала дискуссии — например, листовка или самиздатская газета, приклеенная к стене редакции (самиздат уже вышел на улицы). Первой (на моей памяти) ласточкой стал Виктор Судаков, открыто продававший на старом Арбате газету Демократического союза «Свободное слово». Несколько позже на всей протяженности подземного перехода под Пушкинской площадью, где сегодня магазинчики, а в советское время была глухая стена (как и во всех подземных переходах), выстраивалась плотная шеренга людей, предлагавших самиздатскую прессу всех направлений. От анархо-синдикалистов (журнал «Община») до монархистов-легитимистов (ксерокс с издававшейся в Буэнос-Айресе русской газеты «Наша страна» с девизом «После падения большевизма только царь спасет Россию от нового партийного рабства»).

Некоторые торговцы иногда доставлялись в 108-е отделение милиции по территориальной принадлежности Пушкинской площади, но чаще милиция проявляла индифферентность, а то и любопытство; кроме того, торговцы демонстрировали солидарность, за намеченную милицией жертву вступались, несмотря на диаметральность политических взглядов, — господствовало ощущение делания общего дела.

За торговцев вступались и покупатели прессы, и просто прохожие. В такой обстановке особенно не позадерживаешь. Появилась и пресса, изготовленная типографским способом — газета «Атмода», позже превратившаяся в «Балтийское время». Хитом была ксерокопированная парижская газета «Русская мысль», ксерокопированный же франкфуртский «Посев» и ксерокопированная с «посевского» издания брошюра Владимира Солоухина «Читая Ленина». Вызывающим было уже название: что значит «читая»? впервые, что ли? В СССР было принято говорить и писать «перечитывая Ленина», знакомство с трудами которого предполагалось со старшего школьного или, уж точно, со студенческого возраста. Солоухин исходил из того, что, несмотря на навязчивое изобилие Ленина, мало кто знакомился с его текстами, написанными им в период пребывания у власти, и, в общем, абсолютно доступными каждому — возьми собрание сочинений и читай. Именно на человеконенавистнических цитатах из вождя, уцелевших и в позднем издании, Солоухин построил свое исследование. Поскольку идеологической доминантой ранней и средней Перестройки был тезис «Ленин хороший, а Сталин плохой», то последовательные противники системы стремились добраться именно до Ленина.

Хит всех хитов — «Архипелаг ГУЛАГ». Как мы помним, в период Перестройки советские толстые журналы, а вслед за ними и книгоиздательства, ударно печатали, а точнее, перепечатывали из тамиздата ранее запрещенные (подробнее — см. исследования Арлена Блюма о советской цензуре¹) или просто «зажатые» у читателя произведения. Начали возвращать сначала покойных авторов, живших в СССР: Булгаков, Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Платонов, Цветаева, Волошин, Гумилев (реабилитированный в связи с тем, что его участие в заговоре «недостаточно доказано»). Начинали печатать и живых авторов, причем живущих за границей.

¹ Цензура в Советском Союзе, 1917–1991. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.

Перестройка вполне доросла и до «Ракового корпуса», но автор поставил условие: если хотите печатать меня снова, то сначала — «Архипелаг», а потом другие произведения в любой последовательности. А до «Архипелага» Перестройка еще не доросла.

И вот у стены здания издательства газеты «Moscow News» («Московские новости») появился парень с «ГУЛАГом». Двусторонняя ксерокопия первого тома издания «УМСА-Press» (Париж), масштаб 0,86, как я потом узнал, и вот по сей день помню, но об этом позже. Так что — карманный формат, но толстенький. Твердый переплет из синего дерматина, золотое теснение. 35 рублей.

Справка для постсоветского поколения: 120 рублей — средняя зарплата по СССР той поры, они же — первая зарплата «молодого специалиста», человека, только что получившего диплом о высшем образовании и приступившего к трудовой деятельности. У инженера («инженегра») она растет медленно, существенно увеличиваясь — до 260 рублей в случае защиты кандидатской диссертации. 500 рублей — зарплата профессора МГУ или майора КГБ. Последнее автору удалось выяснить случайно, ибо зарплата представителей этой профессии была одной из самых оберегаемых тайн (выболтана автору представителем профессии в подвыпившем состоянии в одном из мест общественного питания). Средняя зарплата рабочего вдвое выше средней зарплаты интеллигента. Средняя зарплата номенклатурного работника КПСС вдесятеро выше, чем у среднего советского труженика. (Данная информация обнародована оставшимся на Западе номенклатурным работником Михаилом Восленским в книге «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза». Первое издание на русском — Лондон, издательство «ОРИ»².)

² Восленский М. С. Номенклатура = Nomenklatura: Господствующий класс Советского Союза. L.: Overseas publ. interchange, 1984.

Проезд на метро — 5 копеек; хлеб — 15–25 копеек, мороженое — 15–28 копеек (48 копеек — большое, на двоих); «докторская» колбаса — 2 рубля 20 копеек за килограмм, в дефиците; бутылка водки 0,5 литра — 10 рублей (до антиалкогольной кампании, начатой в 1985 г. — 5 рублей 30 копеек), коньяка — 13 рублей. Советские сигареты (сорт табака — «еще не подметали») — 40–60 копеек. Лицензионные «Marlboro» или «Pall Mall» — 1,5 рубля (встречались не повсеместно, например, в буфете Дворца съездов, поэтому у перекупщиков — 2,5 рубля).

Женские сапоги — 120 рублей, в дефиците (аргумент путан, борющихся за легализацию своей профессии: мы страну завалим сапогами). Мужские ботинки — 50 рублей. Обувь отечественного производства, как мужская, так и женская, в дефиците не была, но спросом не пользовалась. Приобретение обуви «Salamander» — очередь в шесть (!) обхватов на вход в магазин (1989, февраль (!), универмаг «Лейпциг» на юго-западе Москвы). Мужской костюм отечественный — 120 рублей.

Однокассетная магнитола Sony, Panasonic, JVC, etc. — 650–750 рублей, двухкассетная — тысяча рублей (не б/у, но в комиссионном, в обычной торговой сети отсутствовала); фирменная 90-минутная кассета к ней — 9 рублей («госцена», в торговой сети почти не встречалась, у перекупщиков — до 25 рублей, если с качественной записью), советская 60-минутная аудиокассета (формат — ни туда ни сюда, поскольку виниловый альбом — 40 минут) — 4 рубля, но в фирменную магнитолау ставить не рекомендовалось.

Непозорный (по тем временам) автомобиль «Жигули», — ухудшенный вариант «Fiat» — 6 тысяч рублей — в дефиците (позорный автомобиль — «Запорожец», анекдот: «Что общего между “Запорожцем” и беременной восьмиклассницей?» — «И то, и другое является позором семьи»). Автомобиль «Волга» — самый престижный, из поступавших в продажу — 12 тысяч рублей, правительственная «Чайка» в продажу не поступала.

Итак, 35 рублей: хорошо переплетенный ксерокопированный с парижского издания первый том «Архипелага ГУЛАГ» — вершина и содержания и исполнения.

Двадцатка имелась, пятнашку нужно было срочно добыть. Добыл косвенным образом — предложил в качестве нее непереpletенную одностороннюю ксерокопию аксеновского «Ожога» (с издания «Ardis»; собственная подпольная ксероксная точка у меня тогда уже была). По рукам!

Но мало получить в собственность святыню. Хочется участвовать в процессе изготовления ее близнецов. Ясно, что это тираж и что делает его группа людей. Хочу работать в этой команде! Мой «Ожог» был принят как опознавательный знак в системе «свой-чужой». Хотя что могло помешать иметь его и подосланному провокатору? Но не был я, 18-летний студент, похож на провокатора, мне поверили, и вскоре я пришел на конспиративную квартиру. Съемное жилье, по тем временам — большая редкость. Раз в несколько месяцев адрес меняли. Молодая супружеская пара — Галкановы, двое маленьких сыновей. Вдоль всех стен, до потолка — книжные стеллажи. Голова пошла кругом. Держать тамиздат в руках к тому времени приходилось, и, в общем, немало, но чтобы такая коллекция?! Как же все это прочитать-то сразу? Прочитал за три года, в среднем, в зависимости от жанра произведения, по сто страниц в день. Художественная проза, естественно, прочитывалась быстрее, чем мемуары, а они — быстрее, чем монографии, тем более что монографии я, как правило, конспектировал. Здесь была проза, поэзия и беллетристика литераторов, лишенных или не принявших советского гражданства, воспоминания царских министров, депутатов царской же Думы, министров Временного правительства, активистов политических партий от меньшевиков, эсеров, кадетов до черносотенцев, мемуары депутатов Учредительного собрания, белых генералов, офицеров и солдат, деятелей искусства и философов Серебряного века, по-

литических эмигрантов и советских диссидентов, труды советологов из крупнейших университетов Западной Европы и США.

«Надо тебя с Кушковым познакомить», — сказали Галкановы.

Встреча с Юрием Николаевичем Кушковым состоялась в метро; с ним была очаровательная девушка — Люда Вдовина, примерно моего возраста, чуть-чуть постарше. Ей, комплектователю фонда Московской независимой общественной библиотеки (МНОБ), так называлось дело, он тут же передал заранее приготовленный мной список — какими тамиздатскими книгами располагаю, в свою очередь, я.

Моих новых друзей в первую очередь интересовала художественная литература, в увиденной же мной у Галкановых коллекции преобладала общественно-политическая. С Василия Аксенова и начали: «Ожог», «Остров Крым», «Бумажный пейзаж», «Скажи изюм», все — в исполнении «Ardis». Моя ксероксная точка имела мощность пять книг по десять копий с каждой в неделю. Она находилась на Пречистенке в здании дореволюционной постройки, мне особенно нравилось, что на нем была огромная мемориальная доска, свидетельствующая о том, что здесь в 1917 г. был белогвардейский штаб (доска была водружена, естественно, не для того, чтобы увековечить память о штабе, а о его разгроме Красной гвардией).

Ксерокс в СССР. В отличие от дня сегодняшнего, он не находился на каждом углу, а как копировально-множительная техника стоял на особом контроле. Не каждое предприятие имело право его иметь. А кто имел, то в специальном помещении — с обитой железом дверью, решетками на окнах, журналом учета копируемых бумаг и проверенным ответственным товарищем, обслуживающим этот ксерокс. Но среди проверенных и ответственных, как водится, встречались недопроверенные и безответственные, которые брали «левые» заказы. Односторонний оттиск формата А4 (в советское время его называли по

размерам — 210×297) стоил 5 копеек. В случае обнаружения левого заказа следовали санкции³, но их масштаб зависел от того, что тиражировалось, так что «политику» брали люди, надо полагать, идейные. Ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда») и ст. 190¹ («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»). По первой из них в брежневско-андроповские времена люди получали до семи лет строгого режима (при рецидиве — до 10) и пяти лет ссылки и шли в особые политзоны, где держали ООГП («особо опасных государственных преступников»). По 190¹ давали до трех лет и отправляли на общий режим в «бытовые» зоны.

Позже у меня появилась еще одна точка — Лёша Ксе (Ксе — подпольная кличка от слова «ксерокс»). Этот агрегат был мощнее, второй том «ГУЛАГа» делали на нем — первый завод — 400 копий. Данный копировальный аппарат был закреплен за председателем Совета Министров СССР Николаем Ивановичем Рыжковым. Место, где он находился, тоже было интересным — на улице Петровка; рядом с главным зданием ГУВД Москвы (дом № 38). Оригинал, подлежащий тиражированию, передавался Лёше в кафе «Бублики» (сейчас там магазин швейцарских часов), а отпечатанный тираж вывозили после окончания рабочего дня в багажнике автомобиля.

Помещения МНОБ на съемных квартирах в 1989–1991 гг. последовательно находились в Новых Черемушках, на Рижской, на улице Маркса-Энгельса (за Домом Пашкова). Постоянный круг читателей — тысяча человек. Читатель вносил денежный залог и брал книгу. Как правило, он потом менял ее на другую, редко кто возвращал залог и покидал нас. Велась картотека читателей, при этом

³ Например, хорошо известен скандал с ИНИОН: сотрудники брали «левые» заказы на ксерокс, немалого объема, тиражи передавали заказчику через окно и, в итоге, были пойманы с поличным. Анализ изготовленных копий показал, что это политические тексты.

паспорт, разумеется, никто не спрашивал, человек мог попросить записать его под любым именем.

Были разработаны и логотипы: сначала — перо («как у Пушкина»), разрывающее цепь; потом — древнеегипетская кошка.

Книгу можно было просто купить. Как правило, делалось десять экземпляров: три на полку, семь в продажу. Такой тираж делался на более примитивном ксероксе, где лист можно было прокатывать только с одной стороны (если перевернуть и прокатить еще раз, изображение, сделанное прежде, портилось). Односторонние оттиски вальцевались — перегибались пополам по линии шивки пустым пространством внутрь — и так переплетались. До того, как появилось тиснение, с нами работал художник, который с большим вкусом оформлял обложки вручную, красками.

Для одностороннего ксерокопирования лучше подходили книги до 350 страниц (после вальцовки их становилось, соответственно, 700). Более толстые книги было трудно и переплести, и читать.

Избранные книги делались на двустороннем ксероксе и принципиально большим тиражом, для чего первоначально требовалось сделать макет. Среди таковых книг был упомянутый «Архипелаг ГУЛАГ», избранные труды Николая Бердяева, «История русской философии» о. Василия Зеньковского (с парижского издания УМСА-Press 1948 г.), сборник «Из-под глыб», монография Джона Баррона «КГБ сегодня», «Аквариум» Виктора Суворова; с уверенностью назову «От Андропова к Горбачеву» Авторханова, причем вряд ли только эта его книга, вполне допускаю, что так были изданы и «Технология власти», и «Происхождение партократии», и «Загадка смерти Сталина», и что-нибудь еще; белогвардейская литература: «Врангель в Крыму» Николая Росса, «Последние юнкера» Виктора Ларионова. Конечно, не только это.

Пользовалась успехом и периодика: журналы «Посев», «Грани», «Континент», «Время и мы», «Страна и мир», «Синтаксис», «22» и др., газета «Русская мысль».

Потом мы стали продавать свои изделия со столика на улице, основное место — у станции метро «Октябрьская».

Дело пошло существенно быстрее, когда издательство «Посев», тогда еще находившееся во Франкфурте-на-Майне, подарило нам роскошный копировальный аппарат, который даже сам раскладывал копии по экземплярам.

Нам порой говорили: «Зачем? Ведь все это сейчас и так издается или вот-вот будет издано». Но, во-первых, мы работали на опережение. А во-вторых, и это главное, были люди, которые хотели читать книги именно в таком издании. Не правительство позволило, наконец, опубликовать, например, «Котлован» Андрея Платонова в московском журнале «Знамя» (хотя это, безусловно, хорошо), а кто-то когда-то вывез рукопись за рубеж, другие люди ее издали (в данном случае — Карл и Эллендея Проффер, создатели издательства «Ардис», хотя они могли посвятить жизнь чему угодно вместо русских книг). Потом редкий советский визитер на Запад, отбившись от туристической группы и вызвав неудовольствие сопровождающих с Лубянки, нашел соответствующий магазин или распространителя. Один (и мы не осуждаем) прочитывал за ночь, но в СССР через таможенную КГБ не вез. А другой вез. Потом эти книги соединяли в библиотеку и тиражировали. За всем этим стояли риск и труд большого количества людей.

В двадцатых числах августа 1991 г. в нашей стране произошли действительно грандиозные перемены, началась новая жизнь, в том числе и у Московской независимой общественной библиотеки. Но это уже другая история.

Библиографический список

1. Восленский М. С. Номенклатура = Nomenklatura: Господствующий класс Советского Союза. L.: Overseas publ. interchange, 1984.
2. Цензура в Советском Союзе, 1917–1991. Документы / сост. Блюм А.В., коммент. Воловников В.Г. М.: РОССПЭН, 2004.

Неофициальная периодика в Таллинне в эпоху Перестройки

*Поселягин Николай Владимирович / Poselyagin Nikolay
к. ф. н., редактор отдела «Теория»
журнала «Новое литературное обозрение» /
PhD.; editor (section of theory) in the NLO journal
poselyagin@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления неэстонязычной неофициальной периодики, выходившей в Таллинне во второй половине Перестройки (в основном в 1989–1991 гг.), то есть во время расцвета альтернативной печати в СССР. Таковых можно выделить несколько. Прежде всего это газеты политических объединений — как оппозиционных, так и поддерживавших официальную политику эстонских и союзных властей. Во-вторых, это издания таких форматов, каких до Перестройки почти не было в публичном пространстве позднего СССР (деловая пресса, рок-пресса, инфобюллетени кооперативов и т.д.). В-третьих, это издания культурных обществ различных национальных диаспор, проживающих в Эстонии.

Summary: In article is devoted to the main directions of the informal periodical press not in Estonian language, published in Tallinn in the second half of Perestroika (generally in 1989-1991), that is during blossoming of the alternative press in the USSR. Few of these can be pointed out. First of all it is newspapers of political associations — both the oppositional, and supporting official policy of Estonian and Soviet authorities. Secondly, these are editions of formats which before Perestroika were almost out of public space of the late USSR (the business press, the rock press, information leaflets of cooperatives, etc.). Thirdly, these are editions of cultural societies of various national communities living in Estonia.

Ключевые слова / Key words: альтернативная печать, публичное пространство, политическая публицистика, перестройка, Эстония, Таллинн: alternative press, public space, political journalism, perestroika, Estonia, Tallinn.

В этой статье я бы хотел вкратце рассмотреть основные направления неэстоноязычной неофициальной периодики, выходявшей в Таллинне во второй половине Перестройки (в основном в 1989–1991 гг.), то есть во время расцвета альтернативной печати в СССР. Таковых можно выделить несколько. Прежде всего это газеты политических объединений — как оппозиционных, так и поддерживавших официальную политику эстонских и союзных властей. Во-вторых, это пресса таких форматов, каких до Перестройки не было в публичном пространстве позднего СССР и какие формировались в Таллинне, можно сказать, практически на пустом месте, в основном с ориентацией на зарубежные образцы. Я имею в виду независимую деловую прессу и рок-периодику. В других городах Советского Союза (в первую очередь в Москве и Ленинграде) в этот период возникали аналогичные издания, причем некоторые из них оказались гораздо успешнее прибалтийских (например, «Коммерсантъ»), но таллиннская периодика редко наследовала им, а чаще возникала практически одновременно с ними и независимо. Наконец, в-третьих, это издания культурных обществ различных национальных диаспор, проживающих в Эстонии — азербайджанского, армянского, белорусского, еврейского, русского и т. д. Эти издания выходили как по-русски, так и на языках соответствующих народов.

Моя работа основана на материалах Фонда нетрадиционной печати ГПИБ России. Объем статьи не позволяет дать исчерпывающий обзор таллиннской периодики рубежа 1980–1990-х гг., поэтому часто я вынужден быть схематичным.

1

Начну с политических партий и движений. В целом неофициальная политическая печать в Балтии начиная с 1988 г. развивалась стремительно. Оппозиционные народные фронты трех прибалтийских республик смогли

организовать регулярный выпуск периодических изданий, которые освещали их идеологию и политическую программу: неприятие руководства внутренними делами Прибалтики из Москвы, требование широкой национальной автономии, а примерно с середины 1989 г. — курс на государственную независимость¹. Газета Народного фронта Латвии «Атмода» (по-латышски «Пробуждение») и газеты литовского «Саюдиса» — «Согласие» и приложение к нему «Возрождение» — вплоть до распада СССР издавались многотысячными тиражами на двух языках, национальном и русском, причем русскоязычные версии пользовались большой популярностью за пределами балтийских республик. Их страницы активно использовали политические группы других республик Советского Союза, включая Москву и Ленинград, для относительно свободного (хотя и не полностью избавленного от редакционной цензуры) публичного высказывания собственных взглядов на политику, социальное и национальное устройство перестроенного СССР. Причина проста: оппозиционные движения в Эстонии, Латвии и Литве были поддержаны реформаторскими группами местных отделений КПСС, которые солидаризовались с их установкой на национальное освобождение и государственный суверенитет, предоставили им достаточно ресурсов и оборудования для качественной и бесперебойной работы прессы². В других регионах СССР подобная ситуация была маловероятна, и газеты балтийских народных фронтов стали регулярно отводить место на своих страницах практически любым несогласным с политикой Кремля, какой бы ни была их идеология — от

¹ Я на этом останавливался подробнее в статьях, опубликованных в двух предыдущих выпусках альманаха «Acta Samizdatica» — пилотном (2012; на материале рижской газеты «Атмода») и первом (2013; на материале русскоязычных неофициальных изданий города Тарту). Фактически эта работа — прямое продолжение тех двух публикаций.

² См. об этом: Струкова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005. С. 25–26.

леволиберальной до национально-освободительной (в том числе с уклоном в местный национализм). Исключением являлись только русские националисты (например, общество «Память») и консерваторы, провозглашавшие курс на единство СССР и доминирование советской власти в регионах (то есть интердвижения и неофициально поддерживавшие их радикальные части компартии); они оставались постоянными оппонентами народных фронтов и издавали собственную периодику.

Ситуация в Эстонии, однако, несколько отличалась от латвийской и литовской. Народный фронт Эстонии (НФЭ), возникший раньше других аналогичных балтийских движений, в первую очередь использовал уже имевшиеся в республике официальные публичные площадки. Издание независимой многотиражной газеты, аффилированной с политическим движением, было организовано только в декабре 1989 г. — то есть на год позже, чем в Латвии и Литве. Для широкой аудитории вне Эстонии манифесты НФЭ и дискуссии вокруг них публиковались, в частности, в журнале «Радуга» — новообразованном органе республиканского Союза писателей (выходил ежемесячно на эстонском — «Vikerkaag» — и русском языках). Здесь обсуждались в том числе такие программные документы НФЭ, как «Закон Эстонской Советской Социалистической республики о языке» (1989, № 4) и «Конституция Эстонской Республики» (в течение почти всего 1990 г.).

Тем не менее в какой-то момент формально нейтральной «Радуги» оказалось недостаточно; потребовались иные информационные издания, которые бы выходили чаще и в которых политическая повестка дня проговаривалась бы более детально и регулярно. Сначала возник «Вестник Народного фронта Эстонии» на двух языках, хорошего полиграфического качества, в котором стали публиковаться ключевые документы движения. Так, например, в № 20 за 1989 г. (июнь) были опубликованы «Декларация об экономической самостоятельности Эстонии, Лат-

вии и Литвы», «Резолюция Балтийской ассамблеи о продолжающейся оккупации Советским Союзом балтийских государств», «Соглашение об общих целях и намерениях по сотрудничеству» между народными фронтами трех республик Балтии и ряд других манифестов, принятых на Балтийской ассамблее 13–14 мая того же года, а также статья «Балтийский путь» — о европейском самоопределении Литвы, Латвии и Эстонии. По номерам этого журнала можно проследить эволюцию НФЭ: от гражданской инициативы по охране окружающей среды и народной культуры, демилитаризации Эстонии и поддержке Перестройки в 1988 г. — к борьбе за национальную независимость и суверенитет от Советского Союза в 1990-м.

Однако такого пристального внимания к другим республикам СССР и их внутренней политической жизни, как, скажем, «Атмода», «Вестник Народного фронта Эстонии» не проявлял, сосредоточиваясь в первую очередь на внутренних проблемах Балтии. Если основные издания народных фронтов Латвии и Литвы ставили перед собой двойную задачу: сформировать идеологию национального самоопределения внутри своих республик и одновременно изменить внешнее общественное мнение в СССР в целом (в том числе поддерживая народные фронты и общественные движения от Армении до Ленинграда) — то главная газета НФЭ ориентировалась в основном на внутриреспубликанскую аудиторию. В дополнение к «Вестнику Народного фронта» НФЭ также издавал региональную периодику, которая была не такого хорошего полиграфического качества, выходила от случая к случаю и реагировала на текущие политические запросы жителей того или иного конкретного района. В качестве примера приведу русскоязычный непронумерованный и недатированный «Инфобюллетень НФ Октябрьского района г. Таллинна» под названием «Рабочий» (подзаголовок — «О проблемах сегодняшнего дня», опубликовано не ранее конца августа 1989 г.), хранящийся в Фонде нетрадиционной печати. В нем опубликовано два

материала: интервью рабочего Савина Сулева (члена инфо-группы Народного фронта Октябрьского района Таллинна) с академиком-экономистом Энделем Липпмаа о переходе республики на хозрасчет (ИМЕ) и материал о выводах комиссии Верховного Совета Литовской ССР по поводу пакта Молотова–Риббентропа.

Видимо, подобная относительно узкая ориентированность перестала удовлетворять ряд близких к НФЭ общественных и политических деятелей, которые учредили газету «Республика» (№ 1 вышел в декабре 1989 г.). Явно ориентируясь на опыт Латвии и Литвы, а также на первые издания либеральной направленности в РСФСР, редакционный совет «Республики» провозглашал в «Обращении к читателям»:

*Газета «Республика» возникла, как одно из проявлений общественного протеста [против] системы политической, социальной и экономической дискриминации, утвердившейся в Советском Союзе. ... «Республика» готова предоставить слово людям различных мировоззрений, политических ориентаций и религиозных убеждений, которых объединяет протест против несправедливости, злоупотреблений власти, против монополизации права на истину. ... Мы способны не только на протест. Мы стремимся к созданию демократической эстонской республики. Мы разделяем идеи свободы и государственной самостоятельности Эстонии, **поддерживаем действия, направленные на укрепление ее национального и государственного суверенитета. Мы считаем, что национальная самобытность Эстонии должна быть сохранена в полной мере**³.*

«Республика» и правда оказалась во многом близка «Атмоде», «Возрождению» и «Согласию» не только

³ Редакционный совет «Республики». Обращение к читателям // Республика. 1989. № 1. С. 1.

по идеологии и политической направленности, но также по формату, принципам отбора материала, фокусировке на аналогичных темах, отчетливой установке на общесоюзную целевую аудиторию. Ее редакция готова была предоставлять страницы своего издания достаточно широкому спектру неофициальных политических движений (в первую очередь из числа существовавших на территории Эстонии): социал-демократам⁴, с которыми вообще довольно тесно сотрудничала⁵; «зеленым»⁶, христианским демократам⁷, либеральным демократам⁸ и даже полупартийной партии эстонских роялистов⁹. Многие из этих публикаций были перепечатками собственных манифестов этих политических групп, переведенными на русский язык. Кроме того, «Республика» печатала новости из горячих точек СССР, следила за национальными движениями и за борьбой с ними в разных местах Советского Союза; давала слово оппозиционным аналитикам — экономистам, социологам, политологам; интересовалась жизнью за ру-

⁴ Саатпалу В. Возрождение социал-демократии // Республика 1989. № 1. С. 4; Резолюция Исполкома Социал-Демократической ассоциации: О ситуации в связи с восстановлением Литовского государства // Там же. 1990. № 4/5. С. 2; Алескер М., Воронов Б. Почему мы выбрали социал-демократов, а не коммунистов // Там же. 1990. № 4/5. С. 9; Шеринёв А. Социал-демократия в системе лжесоциализма // Там же. 1990. № 4/5. С. 12; Каллас Р. Чтобы русский человек узнал всю правду: [Интервью с помощником спикера Верховного Совета Эстонской республики Марью Лауристин и председателем Верховного Совета Эстонской республики Арпoldem Рюйтеlem] // Там же. 1990. № 8/9. С. 2–3; и др.

⁵ Социал-демократической ассоциации посвящен отдельный спецвыпуск «Республики» — приложение к № 3 за 1990 г., где опубликованы ее устав, декларация принципов, сообщение об учредительном съезде ассоциации с резолюциями и т. д.

⁶ Кивистик М. Зачем Эстонии партия зеленых? // Республика. 1990. № 1. С. 4.

⁷ Христианско-демократическая партия // Республика. 1989. № 1. С. 4.

⁸ Либерально-демократическая партия Эстонии // Республика. 1990. № 4/5. С. 9.

⁹ Эстонская роялистская партия. Создана 27 сентября 1989 года в городе Тарту // Республика. 1990. № 3. С. 2.

бежом, в том числе отношением капиталистических государств к смене политической модели в странах Варшавского договора; публиковала запрещенную в советское время антибольшевистскую публицистику начала XX в. Ее тираж в 1990 г. практически сравнялся с «Атмодой», самой массовой неофициальной газетой Перестройки: 50 тысяч экземпляров (у «Атмоды» — 65 тысяч), такой же была и регулярность — номер раз в две недели. Это свидетельствовало о том, что «Республика» тоже была нацелена в первую очередь на читателя за пределами Прибалтики¹⁰, на изменение политического горизонта во всем Советском Союзе и на бескомпромиссную идеологическую альтернативу КПСС. В целом, эта газета обратилась к той же целевой аудитории и заняла ту же нишу, что и издания народных фронтов Латвии и Литвы, хоть и опоздав по сравнению с ними на целый год.

Более радикальные общественные группы также издавали свою периодику, в том числе и по-русски. Особенно красноречиво выглядела газета «Трибуна» (1990), подзаголовок первого номера которой выглядел достаточно курьезно:

Независимая газета, симпатизирующая ПАРТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ЭСТОНИИ и другим политическим организациям без примеси «красенького».

ЦЕНА: на территории оккупированной Эстонской Республики — пол «сушеного» рубля, в остальной части тюрьмы народов (в том числе — русского) — две трети «сушеного» рубля¹¹.

¹⁰ Хотя как минимум две трети всего объема материалов «Республики» оставались посвящены Эстонии. Объем публикаций по внутрилатвийским проблемам в «Атмоде» с середины 1989 г. был несколько меньше — приблизительно половина материалов каждого выпуска.

¹¹ Трибуна. 1990. № 1. С. 1. Орфография, пунктуация и выделение главными буквами оригинала.

Уже в следующем выпуске «Трибуны» «тюрьма народов» сменилась «империей», а рубль перестал быть «сушеным»¹², однако риторика газеты оказалась малоинтересна основным политическим силам республики. Хотя она и публиковала основные постановления Партии за национальную независимость Эстонии (вопрос, насколько эксклюзивно), но распространялась в Таллинне, по ее собственному комментарию, только «в специализированном киоске у кинотеатра “Космос”»¹³; при этом часть тиража распространялась с рук в Москве и Ленинграде. В целом же эстонские оппозиционные движения стремились публично репрезентировать себя в более сдержанном тоне независимо от того, насколько в действительности радикальными на тот момент могли выглядеть их программные тезисы.

2

Кроме прессы, отражавшей оппозиционную идентичность и идеологию государственного суверенитета, в Таллинне также выпускались издания регионального отделения так называемых интерфронтов — распространенных по республикам СССР организаций в поддержку существующего строя, противостоящих движениям за независимость¹⁴. Эти издания начали выходить почти на год раньше изданий НФЭ и политической оппозиции. Эстонский интерфронт (полное название которого — «Интернациональное движение трудящихся ЭССР, или Интердвижение»), поддержанный пророссийским крылом компартии Эстонии, в Таллинне наиболее активно функционировал

¹² Трибуна. 1990. № 2. С. 1.

¹³ См.: Трибуна. 1990. № 2. С. 12. Информации о распространении первого номера в самой газете нет. В Фонде нетрадиционной печати есть только №№ 1 и 2, они же представлены в библиотеках Эстонии. Вероятно, после второго номера «Трибуна» прекратила существование.

¹⁴ О периодике интерфронтв см., в частности: Струкова Е.Н. Указ. соч. С. 60–67.

на промышленных предприятиях общесоюзного значения, где было велико количество мигрантов из РСФСР и других союзных республик, и в расчете на эту аудиторию в 1989–1990 гг. выпускал газеты «Вестник ИД» и «Интердвижение Эстонии». Обе имели статус органов координационного совета движения. Идеология этих изданий более однородна и традиционна для позднего СССР, чем изданий НФЭ: это консервативная установка на сохранение в неизменном виде политического порядка, существовавшего до 1985 г., неприятие реформистского курса Перестройки (который членам интерфронтв представлялся предательством идей коммунизма) и требование неделимой целостности Советского Союза (другими словами, отрицание права республик на самоопределение). «Вестник ИД» и «Интердвижение Эстонии» также не признавали стремление Эстонии, Латвии и Литвы ввести свои национальные языки в публичную и официальную сферу, считая это проявлением национализма и дискриминации русскоязычного населения этих республик. За свою основную целевую аудиторию — промышленных и портовых рабочих — они боролись с НФЭ и социал-демократами, которые тоже активно стремились привлечь представитель этой социальной группы в свои ряды.

Впрочем, на официальном уровне члены Интердвижения (как и интерфронтв в других республиках) безоговорочно одобряли решения съездов и партконференций, в которых провозглашался курс на Перестройку. Их риторика строилась по принципу простой дихотомии: из идеологии того лагеря, который они поддерживали, они отбирали только приемлемые для себя постулаты и маркировали их однозначно положительно; те же идеи, которые противоречили их собственным взглядам, они передавали оппонентам, после чего «разоблачали» их. В этом риторика интерфронтв мало отличалась от риторики официальных советских газет. При этом, чтобы не бороться с региональными комитетами компартии, их роль в формирова-

нии и функционировании балтийских народных фронтов на страницах «Вестника ИД» и «Интердвижения Эстонии» особо не афишировалась¹⁵ (это любопытным образом роднит риторику интерфронтов с риторикой оппонентов: НФЭ тоже отнюдь не стремился подчеркивать свою связь с местными отделениями КПСС, пусть и только их реформистского крыла). Факт возникновения острой политической и медийной борьбы объяснялся тем, что *«широко активизировалась общественность»* и *«наряду со здоровыми социалистическими силами на поверхность вышли различные, в том числе и антисоветские и антисоциалистические течения»* буржуазной направленности¹⁶, — то есть фактически выстраивалась весьма традиционная по своей внутренней логике и аргументации теория заговора.

Хотя интерфронты называли себя «интернациональными» движениями, однако содружество между всеми остальными нациями Советского Союза в их представлении могло существовать только под эгидой русских. Любые попытки лишить русскую нацию политического, экономического и общественного доминирования расценивались ими как уступка сепаратизму национальных окраин. Фактически их идеологическая программа, выражавшаяся и в издаваемой ими прессе, представляла собой такой же национализм, как и программы наиболее радикальных балтийских партий, требовавших национальной независимости (и позднее составивших правое крыло парламентов и правительств Эстонии, Литвы и Латвии). Только если эти партии для обоснования собственного национализма использовали национально-освободительную риторику, то интердвижения были ориентированы скорее на более сложный по своей структуре и слабо отрефлексированный

¹⁵ В отличие от изданий интерфронтов Латвии и Литвы, на страницах которых вопрос размежевания внутри КПСС обозначался открыто и весьма остро.

¹⁶ Рудяк Ю.Я. Доклад о политической обстановке в Эстонии // Вестник ИД. 1989. № 3. С. 2.

ими самими идеологический комплекс «имперского национализма». В нем «имперская» тематика воплощалась в идее союза множества наций в едином социуме (отсюда прилагательное «интернациональный» в названиях), но только под протекторатом какой-либо одной, выделенной из всех, «титულной» нации — в данном случае русской. После 1991 г. интерфронты, в том числе и Интердвижение Эстонии, распались, их издания перестали выходить. В 1993 г. некоторые бывшие деятели Интердвижения сами были обвинены в сепаратизме новым руководством Эстонии.

3

Помимо политической прессы в Таллинне в этот период начали выходить неофициальные издания и иного рода, в частности — деловая пресса. Таллиннские издатели не были первопроходцами в этом жанре: «Коммерсантъ» в Москве существовал уже с декабря 1989 г., в то время как первый номер аналогичной по содержанию и стилистике «Новой ганзейской газеты» вышел в июне 1990-го. 16-полосная газета издавалась на коммерческой основе с двойным способом финансирования: за счет продаж тиража, а также размещения рекламы — причем под нее в первых номерах отводилось по 3–4 последних полосы (впрочем, позже рекламный блок сократился до одной страницы). Сам факт размещения рекламы подавался как знак новой эпохи, символ престижа и респектабельности; особенно это касалось рекламы иномарок в первых номерах, которая имела вид большой (на целую полосу в № 1, на полполосы в № 2) аналитической статьи под названием «Покупаем иностранный автомобиль: Из компетентных источников и на основании опыта эксплуатации и ремонта иномарок в СССР»¹⁷. Основное содержание «Новой ганзейской газеты» по выбору тем и способу

¹⁷ См.: Новая ганзейская газета. 1990. № 1. С. 14; Там же. № 2. С. 14.

их освещения было близко к «Республике», хотя такой открытой принадлежности к НФЭ, как у «Республики», у нее не было. Впрочем, ее основной читатель находился внутри Эстонии, был в контексте политических новостей и расклада сил в Таллинне и знал, что, скажем, мэра Таллинна Хардо Аасмяэ, приветствие которого открывало первый номер «Новой ганзейской газеты»¹⁸, — тоже член Народного фронта. Изначальная ориентация на ту же целевую аудиторию, что и у «Республики», заметна и по тиражу первого номера газеты (30 тысяч экземпляров, то есть ее распространение тоже предполагало территорию не только Эстонии, но и других интеллектуальных и деловых центров Советского Союза); впрочем, начиная уже со второго номера тираж «Новой ганзейской газеты» перестал указываться. В целом же можно сказать, что это издание было жанрово непоследовательным: заявив о себе как о деловой периодике, на деле оно скорее добавляло весу политическому спектру таллиннской неофициальной печати. Новости экономического сотрудничества и развития бизнеса отходили на второй план (во вторую половину номера), а основной акцент делался, как и в «Республике», на политической ситуации в Эстонии и СССР.

То, что деловая пресса, как и политическая, с самого начала ориентировалась не только на Таллинн и Эстонию, еще нагляднее видно на примере другой газеты, выходившей в 1990 г. — «Морской экспресс». Ее жанр был выдержан строже. Она позиционировала себя как независимое издание Клуба капитанов Эстонии и действительно была почти полностью ориентирована на морскую тематику; немало места на ее страницах занимали статьи, посвященные тем или иным аспектам жизни Таллиннского порта (нала-

¹⁸ Аасмяэ Х. Уважаемые читатели! // Новая ганзейская газета. 1990. № 1. С. 9. Хотя колонка с приветствием мэра была опубликована ближе к концу выпуска, но открывался он вместо передовицы цитатой из этого обращения: «Я рад представить Вам «Новую ганзейскую газету», продолжающую давние традиции» (с. 1).

живание морского бизнеса, партнерство с финской паромной компанией «Viking Line» и т.д.). Однако список распространения «Морского экспресса», указанный на последней странице каждого номера, включал в себя практически все крупные морские порты Советского Союза: Архангельск, Владивосток, Калининград, Керчь, Ленинград, Махачкалу, Мурманск, Одессу и ряд других, а также Москву.

Среди других неофициальных неполитических изданий Таллинна хотелось бы отметить «толстую» (24 полосы) газету «ЗЗЗ» («За зеленым забором»), которая определяла себя как «дайджест советской официальной и неофициальной рок-прессы» — частично оригинального содержания, а частично републикации значимых статей прошлых лет, посвященных русскому року. «ЗЗЗ» — далеко не первый пример российской рок-прессы, но один из первых полулегальных, имевший возможность распространять информацию о русском роке относительно большому числу потенциальных читателей (тираж — 7 тысяч экземпляров, первый номер вышел в декабре 1988 г., всего было издано три выпуска). Кроме того, это пример неофициальной периодики эпохи Перестройки, которая использовала Таллинн (как и любой другой большой город Прибалтики) почти исключительно в качестве публикационной базы, а содержательно была рассчитана в основном на Россию.

На самом деле, к неофициальной таллиннской периодике относится довольно большое количество наименований: это инфолистки различных кооперативов, газеты общественных организаций (например, «Мастерская» — «информационно-пропагандистский листок Таллиннского центра молодежной инициативы»), религиозных движений и т. д. Не все из них представляли собой информационные бюллетени или программные выступления тех или иных общественных групп; были и вовсе «необязательные» печатные выступления и казусные, на первый взгляд, случаи:

А теперь обрисую круг тем, которые могут нас интересовать, как это делают все приличные издания. Так сделал и Карамзин в своем «Московском журнале», и другие. Конечно же, филология (потому что я филолог), теология (потому что увлекает), этнография (потому что этим я на самом деле мечтаю заниматься), философия (хотя при чем тут я?), психология (в конце концов, ее можно на ком-нибудь применить), сексология (хватит думать только о себе, я не одна на свете живу!), самогоноварение (передача опыта, естественно, все останется между нами), демагогия (короли демагогии и личности, обладающие магнетизмом! Только в нашей и никакой другой газете вы найдете достойное применение своему таланту!) и т.д. и т.п.¹⁹

Это можно назвать примером гласности ради самой гласности, реализации собственной свободы слова в самом непосредственном смысле. Фактически подобные издания формировали пространство самоценной независимой мысли и тестировали границы неофициального публичного общения, их социальная функция была схожа с той, что в начале XXI в. стали выполнять интернет-форумы, блоги и социальные сети.

На 1989–1990 гг. пришелся пик публикационной активности в Таллинне (как и в других республиках Балтии): здесь было проще выпустить независимую прессу в достаточно качественном и относительно многотиражном варианте, даже если сама эта пресса существовала не более одного-двух номеров и при выходе из типографии плохо реализовалась.

4

Мне осталось сказать несколько слов об изданиях эстонских культурных обществ. Это газеты диаспор, про-

¹⁹ Алеходжина И. Любезный читатель! // Лоонела: Инфолисток кооператива «Лоонела». 1990. № 1/2. С. 1.

живающих в Таллинне и других эстонских городах, как правило, выходявшие на русском языке, но иногда и на родных языках данных этнических сообществ. Их тоже было относительно много, особенно в те же 1989–1990 гг. Так, Общество еврейской культуры с 1988 г. начало регулярно печатать газету «Хашахар» («Рассвет»); судя по онлайн-данным эстонских библиотек, «Хашахар» в Таллинне выходит до сих пор, однако это скорее исключение для изданий такого рода. Газеты Армянского культурного общества «Ваагн» (по-русски) и Белорусского культурного товарищества «Грунвальд» (на белорусском языке) существовали на протяжении 1990–1991 гг., но печатались нерегулярно; «Грунвальд» вышел всего в трех выпусках, «Ваагн» — в десяти. «Очаг» — «орган Азербайджанского общества культуры “Оджаг”» — просуществовал дольше, с декабря 1989 по 1994 г.²⁰ А православное издание Центра русской культуры Эстонского фонда культуры «Воскресение» смогло выйти всего один раз, в июне 1990-го.

Четкой границы между ними и политической пресой не существовало — одни и те же издания могли уделять внимание как проблемам диаспор, так и общим вопросам балтийских республик и СССР, сближаясь с газетами политических партий и движений. Так, например, первый же номер «Грунвальда» в январе 1990 г. открылся большой статьей-манифестом Белорусского народного фронта²¹, а «соседями» по развороту стали две русскоязычные публикации — поздравления с основанием нового журнала от «Радуги» / «Vikerkaar», «Vaba maa» и «Вестника Народного фронта Эстонии» и текст закона

²⁰ Сколько точно вышло номеров «Очага», мне на данный момент выяснить не удалось. В Фонде нетрадиционной печати представлены №№ 1–5 (1989–1990), в Академической библиотеке Таллиннского университета (TÜAL) подборка доведена до №№ 6–7 (1991), а последний из номеров, хранящихся в Эстонской национальной библиотеке — № 8 (1992).

²¹ Галасую за Беларусь! Выбарчая платформа Беларускага народнага фронту за перабудову «адраджэньне» да выбараў 1990 года // Грунвальд: Навіны беларускага адраджэньня. 1990. № 1. С. 2.

«О национальных правах граждан Эстонской ССР»²². По сути, это издание нельзя считать просто «информационным бюллетенем белорусского культурного товарищества “Грунвальд”», как оно само себя именовало, — это полноценное политическое издание, аналогичное «Республике», «Возрождению» / «Согласию» и «Атмоде»; однако издавала ее белорусская диаспора в Эстонии, и газета даже специально оговаривала, что не является официальным органом Белорусского народного фронта (равно как и НФЭ).

Обобщая, можно сказать, что диаспоральные издания Таллинна начали выходить тогда, когда соответствующие этнические группы осознали себя как диаспоры и почувствовали необходимость публично переопределить свою культурную и социальную идентичность. Когда же эта задача оказалась выполнена — в основном к моменту обретения Эстонией государственного суверенитета, — эти газеты исчерпали свою миссию и закрылись либо, как «Хашахар», переориентировались на другие стоящие перед своими диаспорами задачи.

Библиографический список

1. Аасмяэ Х. Уважаемые читатели! // Новая ганзейская газета. 1990. № 1. С. 1, 9.
2. Алескер М., Воронов Б. Почему мы выбрали социал-демократов, а не коммунистов // Республика. 1990. № 4/5. С. 9.
3. Алеходжина И. Любезный читатель! // Лоонела: Инфолисток кооператива «Лоонела». 1990. № 1/2. С. 1.
4. Галасую за Беларусь! Выбарчая платформа Беларускага народнага фронту за перабудову «адраджэньне» да выбараў 1990 года // Грунвальд: Навіны беларускага адраджэньня. 1990. № 1. С. 2.
5. Каллас Р. Чтобы русский человек узнал всю правду: [Интервью с помощником спикера Верховного Совета Эстон-

²² См.: Грунвальд: Навіны беларускага адраджэньня. 1990. № 1. С. 3.

- ской республики Марью Лауристин и председателем Верховного Совета Эстонской республики Арнольдом Рюйте-лем] // Республика. 1990. № 8/9. С. 2–3.
6. Кивистик М. Зачем Эстонии партия зеленых? // Республика. 1990. № 1. С. 4.
 7. Либерально-демократическая партия Эстонии // Республика. 1990. № 4/5. С. 9.
 8. Редакционный совет «Республики». Обращение к читателям // Республика. 1989. № 1. С. 1.
 9. Резолюция Исполкома Социал-Демократической ассоциации: О ситуации в связи с восстановлением Литовского государства // Республика. 1990. № 4/5. С. 2.
 10. Рудяк Ю.Я. Доклад о политической обстановке в Эстонии // Вестник ИД. 1989. № 3. С. 2.
 11. Саатпалу В. Возрождение социал-демократии // Республика. 1989. № 1. С. 4.
 12. Струкова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005.
 13. Христианско-демократическая партия // Республика. 1989. № 1. С. 4.
 14. Шершнёв А. Социал-демократия в системе лжесоциализма // Республика. 1990. № 4/5. С. 12.
 15. Эстонская роялистская партия. Создана 27 сентября 1989 года в городе Тарту // Республика. 1990. № 3. С. 2.

**На пути к власти:
трансформация неформальной печати
в партийную прессу на примере изданий ЛДПР¹**

Висенс Льума Лая / Vicens Lluma Laia
аспирант Автономного университета
Барселоны (УАБ) /
PhD candidate at Universitat Autònoma
de Barcelona (UAB)
laiavicens@hotmail.com

Аннотация: Становление первых изданий ЛДПР состоялось в конце Перестройки в контексте существенного возрастания числа неформальных организаций, которые стремились к созданию собственных печатных органов для распространения своих взглядов. Финансовые и технические трудности, небольшие тиражи и неустойчивость издания сближают газеты ЛДПР раннего периода с другими появившимися в то же время неформальными изданиями. Рассмотрение раннего периода развития изданий ЛДПР позволяет проследить трансформацию партии Жириновского от карликовой организации до одной из ведущих политических сил страны, а также более точно определить ее роль в постсоветской истории России.

Summary: The first publications of the Liberal-Democratic Party of Russia (LDPR) appeared at the end of Perestroika, when a significant growth was observed in “unofficial” organizations, each creating its own print media in order to spread its views. Publishing, financial and technical difficulties as well as short and unstable print run challenges encountered by LDPR at its early stage were also peculiar to other “unofficial” publications which appeared at that time. Inspection of the early period of LDPR publications allows us to trace the transformation of the Liberal Democratic Party of V.V. Zhirinovskii, from a small organization into one of Russia’s

¹ Статья написана в рамках стипендии Министерства образования Испании для подготовки университетских преподавателей (FPU grant) № AP2009-3671.

leading political forces and, to define more precisely its role in early Russian post-Soviet history.

Ключевые слова / Key words: ЛДПР, партийная пресса, неформальная печать, политические взгляды, Перестройка, постсоветская Россия / Liberal Democratic Party of Russia, party press, "unofficial organizations" press, political views, Perestroika, post-soviet Russia.

Знакомясь с событиями новейшей истории России в последние десятилетия XX в., трудно не обратить внимания на фигуру Владимира Вольфовича Жириновского, отталкивающую и привлекательную одновременно, человека, который на рубеже 1990-х гг. столь неожиданно для многих политических обозревателей появился в политической жизни трансформирующейся России. Политические успехи его до того малоизвестной партии быстро привлекали мировое внимание и вынудили задаться вопросами о том, кто этот человек и какое будущее ожидает его партию в постсоветской России. С помощью материалов Исторической библиотеки можно проследить трансформацию этого воодушевленного посетителя собраний московских неформалов (как признавался сам Владимир Вольфович, *«я бывал везде; поскольку обладаю политическим темпераментом, и в те годы это всё было новое, я старался побывать, посмотреть, увидеть все новые формы политической активности»*²) и основателя карликовой¹ партии в бурные последние годы Перестройки до лидера одной из ведущих политических сил страны. Помимо специфических условий развития страны в те годы, росту популярности ЛДПР способствовали распространение

² Плеханов С.Н. Жириновский: кто он? М.: БИМПА, 1994. С. 29–30.

³ См.: Прибыловский В.В. Словарь оппозиции. Новые политические партии и организации России. М.: Информационное агентство Постфактум, 1991. С. 17; Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль церкви. М: Панорама, 1999. С. 26.

дискурса партии и культивирование собственного стиля в политике, которые велись через митинги и выступления, появления лидера в государственных СМИ и через становление собственной партийной прессы. В данной статье мы намереваемся проследить путь, который прошла партийная печать ЛДПР в конце 1980-х — начале 1990-х гг., акцентируя внимание на ее отличительном профиле.

Перед тем, как рассмотреть эволюцию партийной прессы ЛДПР, необходимо остановиться на характерных чертах самой партии и ее бессменного вождя В. В. Жириновского. С самого начала своего существования ЛДПР (ЛДПСС) считали своеобразной партией. По мнению исследователей Станислава Радкевича, Антона Шеховцова и Андреаса Умланда⁴, есть предположения, что она была создана искусственно, в качестве проекта для предотвращения прямого столкновения КПСС с так называемыми демократами, и что она не полностью отвечала требованиям для регистрации в качестве политической партии как на союзном уровне (апрель 1991 г.), так и на уровне Российской Федерации (декабрь 1992 г.).

Существуют также сомнения в прозрачности финансирования партии Жириновского как со стороны ряда банкиров и предпринимателей (тогда их называли «малиновыми пиджаками»), так и со стороны зарубежных капиталов (бывшей Социалистической единой партии Германии, радикально-националистического Немецкого народного союза Герхарда Фрая и др.)⁵. Критики обращают внимание и на то, что имущество ЛДПР, многочисленные квартиры и машины оформлены на Жириновского и членов его семьи и используются ими не по назначению. Покинувший ЛДПР в 1996 году Александр

⁴ См.: Радкевич С.Б. Вождь, деньги, массовка. Краткий курс истории ЛДПР // Открытая политика. 1997. № 10. 1997. С. 70–79; Shekhovtsov A., Umland A. Vladimir Zhirinovskiy and the LDPR // Russian Analytical Digest. 2011. № 102. P. 14–16.

⁵ Радкевич С.Б. Указ. соч. С. 77.

Венгеровский также обвиняет лидера в продаже мест в партийных списках⁶.

Высказывается мнение, что у Владимира Вольфовича нет никакой идеологической сущности и что он просто играет роль клоуна на политической арене. Однако анализ документов и работ экспертов позволяет прийти к выводу, что у партии и у ее лидера есть устойчивые черты — правый популизм и имперско-патриотическая позиция⁷.

Между тем либерал-демократы достаточно часто меняли свои взгляды, а также уровень скандальности и радикальности выдвигаемых требований в зависимости от политической конъюнктуры. Так, мы видим, что хотя программа ЛДПСС была заполнена установками классического либерализма⁸, партия сначала выступала как популистско-демократическая группа, затем (к середине 1990 г.) — как центристское объединение, а уже в 1991 г. отличалась праворадикальной, имперско-патриотической риторикой с элементами русского национализма.

Несмотря на то, что после прохождения в Государственную Думу первого созыва отмечается последовательное сдерживание главных черт радикальности и постановка более популистских и расплывчатых целей⁹, партия

⁶ См. запись спецвыпуска телепрограммы «Момент истины» от 19 ноября 2009 г (Доступно по адресу: http://imoment-istini.com/program_archiv/?vid=148 [дата обращения 21.09.2014]).

⁷ Прибыловский В.В. 43 линии спектра. М: Панорама, 1995. С. 22; Верховский А.М.; Прибыловский В.В.; Михайловская Е.В. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М: изд-во Института экспериментальной социологии, 1998. С. 71; Shenfield, S.D. Russian Fascism. Traditions, tendencies, movements. Armond. N.Y./L.: M.E. Sharpe, 2001. P. 98; Shekhovtsov A., Umland A. Vladimir Zhirinovsky... P. 14.

⁸ Прибыловский В.В. Словарь новых политических партий. М: Панорама, 1992. С. 42.

⁹ Уmland А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультра национализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. № 2. С. 17–19.

закреплялась в этой нише как самая крупная организация подобного толка¹⁰.

С другой стороны, уровень скандальности партии и поддержка власти тоже колебались: если в 1990 г. культивировался либерально-умеренный и центристский стиль, то в начале 1990-х гг. для ЛДПР были характерны радикализация партийного дискурса и культивирование ударного имиджа, а затем происходит постепенное сглаживание профиля. Например, критика прозападного курса Бориса Ельцина сопровождалась активной поддержкой введения федеральных войск в Чечню в 1994 г. и одобрением мер, направленных на укрепление государственного аппарата и военно-промышленного комплекса (ВПК).

Хотя на федеральных выборах второй половины 1990-х гг. происходит заметное снижение результатов ЛДПР¹¹ вследствие распыления голосов национал-патриотического избирателя и перемещения протестного электората к другим партиям (к КПРФ в 1995 г. и к «Единству» в 1999 г.), либерал-демократам всегда удавалось преодолеть заградительный барьер и иметь свою фракцию в парламенте. С приходом к власти Владимира Путина ЛДПР перестает быть антиправительственной партией и превращается в лояльно-партнерский «правый» фланг пропрезидентского блока в Думе. На протяжении 2000-х гг. партия в целом продолжает придерживаться этой линии¹²

¹⁰ Верховский А.М., Папп А.А., Прибыловский В.В. Политический экстремизм в России. М.: Панорама, 1996. С. 159; Верховский А.М., Прибыловский В.В., Михайловская Е.В. Национализм и ксенофобия... С. 71.

¹¹ В некоторых регионах (например, Дальний Восток и Псковская область) ЛДПР продолжала удерживать сильные позиции и во второй половине 1990-х гг. Так, в Псковской области в 1996 г. на первых губернаторских выборах победил представитель ЛДПР Е.Э. Михайлов (подробнее см.: Кучанов И.С. Псковский выбор: возрождение демократических традиций. М.: РОССПЭН, 2008. С. 38–73).

¹² Бирюлин И.В. Динамика кризисного дискурса ЛДПР (1998–2011 гг.) // Правящая элита и системная оппозиция в современной России и за рубежом: альтернативные проекты социально-политического развития. Саратов: Изд-во Поволжского института управления им. П. А. Столыпина, 2012. С. 166–170.

В отличие от множества организаций, которые появлялись в те же времена на политической арене, а потом исчезали, политическая карьера ЛДПР успешно продолжается до сих пор. Поэтому можно согласиться с мнением Валерия Соловья, что за последние 20 лет партия стала *«фирменным знаком российской партийной политики»*¹³.

На данный момент ЛДПР является наиболее влиятельной национал-патриотической (правопопулистской) организацией в стране: представлена в Государственной Думе и в большинстве региональных законодательных собраний, имеет отделения во всех субъектах РФ. Необходимо упомянуть и разветвленную сеть партийной прессы ЛДПР. Регулярно выходят федеральные газета «ЛДПР» (1 раз в месяц) и журнал «За Русский Народ» (несколько раз в год); газеты «ЛДПР на Енисее» «ЛДПР-Вологда», «ЛДПР-Зауралье», «ЛДПР в Псковской области», «ЛДПР в Югре» и многие другие региональные издания.

Остановимся сейчас подробнее на начальном этапе развития партийной прессы ЛДПР. В этом помогут работы немецкого политолога А. Умланда¹⁴, которые содержательно рассматривают партию и «феномен» Жириновского в контексте современной российской политики.

Выход либерал-демократов в медиапространство состоялся в контексте существенного возрастания роли неформальных организаций в общественной жизни вследствие роста политической активности населения и постепенной либерализации советской власти в рамках политики гласности. Новые политические образования тех лет

¹³ Соловей В.Д. Однозначная близость. Почему партии власти уходят, сменяя друг друга, а ЛДПР остается // Политический журнал. 2005. №. 34.

¹⁴ Umland A. Vladimir Zhirinovskii in Russian Politics: Three Approaches to the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia 1990–1993. Dissertation. Berlin: Free University of Berlin. 1997. P. 362–413; Umland A. The fascist threat in Post-Soviet Russia. An investigation into the LDPR-Ideology 1990–1993, and Some Tentative Suggestion on the Appropriateness of the “Weimar Russia” Metaphor P. 41–75 (доступно по адресу: <http://www.nato.int/acad/fellow/96-98/umland.pdf> [дата обращения 21.09.2014]).

стремились к созданию печатных органов для распространения своих взглядов, хотя многие из этих изданий быстро прекращали свое существование из-за экономических или материально-технических причин. Как отмечает Рафаил Овсепян, в течение четырех лет (1987–1990) численность альтернативных изданий возросла почти в 100 раз и к 1991 г. составила не менее двух тысяч наименований, однако только за 1989 г. перестало выходить до 30 % изданий¹⁵.

Итак, 20 июня 1990 г. (вскоре после принятия законов «О печати и других средствах массовой информации» и «Об общественных организациях») в первый раз вышла газета «Либерал» тиражом 15 тысяч экземпляров¹⁶. Запуску издания предшествовало учреждение партии 31 марта 1990 г. Волна публикаций об этом событии, прошедшая по всей центральной печати, навела ряд исследователей и журналистов на мысль о «первоапрельской шутке КГБ»¹⁷.

В то время деятельность Жириновского и его коллег сосредоточилась на создании первичных структур партии и внедрении своих идей в массовое сознание граждан.

Главным редактором первого номера газеты был Ахмет Халитов, а последующие номера редактировал Станислав Жебровский. Состоявшая из 32 страниц газета считалась классическим неформальным изданием: в 1990 г. вышли два номера (1 и 2–3), затем наступил перерыв до 1992 г. (когда издаются № 4–5, 6–7, 8–9 и 10), а в 1993 г. увидели свет последние три номера — 1(11), 2(12) и 3(13). Как и у многих других появившихся тогда газет, причиной годового перерыва в издании «Либерала» (в 1991 г.) явля-

¹⁵ Овсепян Р.П. Средства массовой информации второй половины 80-х — начала 90-х гг. // История новейшей отечественной журналистики. М.: Изд-во МГУ, 1999.

¹⁶ По данным официального сайта ЛДПР (раздел «История ЛДПР»).

¹⁷ Например, см.: Орлов С., Прохоров В. Первоапрельская партия // Панорама. 1990. № 7; Березовский В. Владимир Жириновский как феномен русской политики // Свободная мысль. 1994. № 4. С. 96–109.

лись финансовые трудности. Пока проблемы не решились, партия арендовала пару колонок у правоориентированной «Юридической газеты», где публиковала новости, заявления и документы.

Анализ идеологии «Либерала», сделанный А. Умландом, показывает, что, несмотря на противоречивую тональность ряда публикаций, можно отметить постепенную радикализацию содержания газеты на протяжении трех лет ее издания¹⁸. Эта радикализация отражает параллельную динамику в эволюции линии партии. Как мы уже упоминали, именно в 1992–1993 гг. ЛДПР встает на праворадикальные, имперские и русско-националистические позиции.

Так, во время участия ЛДПСС в Центристском блоке в первых двух номерах «Либерала» за 1990 г. преобладают умеренные позиции. В издании 1992 г. либерально-центристская ориентация все больше уступает место имперской и антилиберальной риторике. Например, в № 4–5 газеты печатается декларация Высшего совета ЛДПР, в которой требуется решение проблемы государственных границ и вопроса о положении российских соотечественников в странах СНГ и Прибалтики, а лидер партии откровенно высказывается за авторитарный режим¹⁹.

Требования восстановления российского государства в его «исторических границах»²⁰ и упразднения автономных национальных республик в составе РФ повторяются и во всех последующих номерах «Либерала» за 1992 г.

Показательными в этом отношении становятся факты избрания председателем московской организации ЛДПР лидера правоэкстремистской группы Национал-

¹⁸ Umland A. Vladimir Zhirinovskii in Russian Politics... С. 362–363.

¹⁹ См.: Либерал. 1992. № 4–5.

²⁰ Под этим термином либерал-демократы понимали границы бывшего СССР в соответствии с Конституцией 1977 г., однако на первой странице № 4–5 газеты «Либерал» появляется карта, в которой Аляска и Финляндия также были включены в состав Российского государства.

социальный союз Виктора Якушева, а также создания «теневое кабинета» в середине 1992 г. В состав этого «теневое кабинета» вошли такие радикальные деятели, как писатель Эдуард Лимонов (Савенко), лидер панк-группы «ДК» Сергей Жариков, санкт-петербургский борец с сионизмом Михаил Иванов, продюсер Алексей Митрофанов.

Радикализация газеты «Либерал» достигает самой высокой степени в первых двух номерах 1993 г. Тогда в ней печатаются статьи, в которых Жириновский призывает к возрождению России через «завоевание Юга» и восстановлению России в качестве унитарного государства, чтобы «*избежать порабощения Западом и США*»²¹. На основе определения политолога Роджера Гриффина А. Умланд охарактеризует риторику этих выпусков газеты как «фашистскую»²².

К лету 1993 г. издание «Либерала» прекращается, а печатным органом партии становится «Правда Жириновского». Новая газета, состоящая из четырех страниц, выходит в первый раз в феврале 1993 г. тиражом 150 тысяч экземпляров. В отличие от публикаций «Либерала», в «Правде Жириновского» статьи написаны в большей степени для массового потребления, о чем также свидетельствует уменьшение объема издания. С 21 июня 1995 г. на смену «Правде Жириновского» приходит газета «ЛДПР» под редакцией Виктора Кулыбина. До сегодняшнего дня она является официальным печатным органом партии с тиражом 1 миллион 200 тысяч экземпляров в месяц²³.

На начальном этапе развития партийной прессы ЛДПР параллельно с газетой «Либерал» выпускались газеты «Сокол Жириновского» (в Москве) и «Слово Жириновского» (в Санкт-Петербурге). Необходимо отметить, что эти издания не полностью следовали общей тенден-

²¹ См. статьи: Декларация ЛДПР // Либерал. 1993 № 1. С. 30–31; О внешней политике России // Либерал. 1993. № 2. С. 3–5.

²² См.: Umland A. Vladimir Zhirinovskii in Russian Politics... P. 384–385, 400–404.

²³ По данным официального сайта ЛДПР (раздел «История ЛДПР»).

ции в линии партии, а скорее характеризовались пропагандой неонацистских и этнонационалистических идей. Во многом такая редакционная политика газет связана с личностями их редакторов, которые отличались достаточно радикальными взглядами.

Петербургское «Слово Жириновского» было зарегистрировано 13 ноября 1992 г. Главным редактором газеты до января 1994 г. был Юрий Кузнецов, который позже стал руководителем городской организации партии и депутатом Государственной Думы РФ первого и второго созывов (1993–1999).

В марте 1992 г. выходит первый номер молодежной газеты московского отделения ЛДПР «Сокол Жириновского». Тогдашний пресс-секретарь партии Андрей Архипов вместе с С. Жариковым подготовили первые четыре номера газеты. По свидетельству самого Жарикова, название «Сокол Жириновского» придумал Владимир Степанов (в то время — редактор националистической газеты Тушинского района Москвы «Пульс Тушина», против которого впоследствии было возбуждено уголовное дело за разжигание межнациональной розни), хотя вначале он предлагал назвать ее «Соколом» в честь московского района Сокольники, где тогда жил Жириновский²⁴.

По словам Жарикова, газета «Сокол Жириновского» печаталась в бывшей типографии МГК КПСС «Московская правда» тиражом в 50 тысяч экземпляров каждого номера. Особенно скандальным получился второй номер газеты, в котором текст Валерии Новодворской «красовался» рядом со статьей «Теоретические основы национализма» Игоря Минина, где обсуждалось создание штурмовых отрядов для срыва «антинациональных мероприятий» и декларировалось, что главный враг России — сионизм, а «все евреи — его проводники».

²⁴ См.: Жариков С. К Топору // «Живой журнал». Страница группы «ДК» (доступно по адресу: <http://soz-data-ccount.livejournal.com/475422.html> [дата обращения 21.09.2014]).

По мнению экспертов группы «Панорама», «Сокол Жириновского» образца 1992 г. стал прообразом праворадикальных изданий Жарикова («К Топору», «Атака») и во многом предвосхитил стилистику других («Лимонки», «Штурмовика»)»²⁵. Именно по этой причине содержание газеты не устраивало Жириновского, в связи с чем в момент выпуска № 4 «Сокол» был закрыт.

Конфликт из-за «Сокола» закончился тем, что в ноябре 1992 г. группа членов «теневого кабинета» (Э. Лимонов, С. Жариков, А. Архипов, А. Митрофанов и ряд других радикальных деятелей) решили выйти из ЛДПР и создать Национально-радикальную партию (НРП), которую возглавил Лимонов. Позже она раскололась на Праворадикальную партию Архипова–Жарикова и Национал-большевистскую партию Лимонова. Газета «Сокол Жириновского» восстанавливается в 1993 г. под редакцией А. Халитова (затем его сменил Владимир Пчелкин), но тогда она уже перестает быть молодежной и не противоречит общей линии ЛДПР.

Как уже говорилось, рассмотрение раннего периода развития печатных изданий ЛДПР позволяет проследить трансформацию партии Жириновского от карликовой организации до одной из ведущих политических сил страны. В бурной атмосфере последних лет Перестройки, когда нарастающая политическая активность населения сопровождалась постепенной либерализацией советской власти, выпуск первого номера газеты «Либерал» можно рассматривать как способ распространения взглядов партии и проникновения в массовое сознание. Финансовые трудности, небольшие тиражи и неустойчивость издания являлись общими характерными чертами прессы либерал-демократов и других неформальных изданий, появившихся в начале 1990-х гг.

²⁵ Верховский А.М., Папп А.А., Прибыловский В.В. Политический экстремизм в России... С. 162.

Содержание партийной печати ЛДПР того времени показывает эволюцию редакционной политики в соответствии с корректировкой линии партии. Эти идейные сдвиги были напрямую связаны с одновременными изменениями в руководстве ЛДПР и влиянием соратников Жириновского на печатные органы партии. Первые либерал-демократы, с которыми Владимир Вольфович основал партию (Владимир Богачев и др.), достаточно быстро стали высказывать несогласие с курсом Жириновского, а после неудачной попытки его сместить сами вышли из ЛДПР. Влияние В. М. Якушева и, особенно, группы Лимонова–Архипова–Жарикова сказалось на появлении экстремистских и близких к фашизму статей в либерал-демократической прессе конца 1992 – начала 1993 г. Корректировка профиля изданий и провозглашение партией более популистских и имперско-националистических задач происходит лишь после того, как в конце 1992 г. «группа молодых радикалов» покидает ЛДПР.

Разумеется, политические успехи ЛДПР в начале 1990-х гг. нельзя объяснить только способностью продвигать идеи в массовое сознание через партийную печать (тем более что некоторые упомянутые выше издания носили откровенно экстремистский характер). Постоянные яркие выступления в эфире федеральных телеканалов и на митингах наряду с теми кризисными явлениями, которые переживала Россия в «лихие 90-е», способствовали становлению ЛДПР в качестве одной из самых влиятельных политических сил страны.

В заключение следует отметить, что рассмотрение начального периода развития прессы ЛДПР позволяет не только проследить процесс образования партийной печати, но и проанализировать эволюцию отражаемых в ней взглядов либерал-демократов. К тому же оно помогает историкам и политологам более точно определить роль партии Жириновского в постсоветской истории России.

Библиографический список

1. Березовский В. Владимир Жириновский как феномен русской политики // Свободная мысль. 1994. № 4. С. 96–109.
2. Бирюлин И.В. Динамика кризисного дискурса ЛДПР (1998–2011 гг.) // Правящая элита и системная оппозиция в современной России и за рубежом: альтернативные проекты социально-политического развития. Саратов: Изд-во Поволжского института управления им. П. А. Столыпина, 2012. С. 166–170.
3. Верховский А.М., Папп А.А., Прибыловский В.В. Политический экстремизм в России. М.: Панорама, 1996.
4. Верховский А.М., Прибыловский В.В., Михайловская Е.В. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М.: Институт экспериментальной социологии, 1998.
5. Верховский А.М., Михайловский Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль церкви. М.: Панорама, 1999.
6. Жариков С. К Топору // «Живой журнал». Страница группы «ДК» (доступно по адресу: <http://soz-data-ccount.livejournal.com/475422.html> [дата обращения 30.04.2015]).
7. История ЛДПР // Официальный сайт ЛДПР (доступно по адресу: http://ldpr.ru/party/History_of_the_Liberal_Democratic_Party/ [дата обращения 30.04.2015]).
8. Кучанов И.С. Псковский выбор: возрождение демократических традиций. М.: РОССПЭН, 2008.
9. Овсепян Р.П. Средства массовой информации второй половины 80-х – начала 90-х гг. // История новейшей отечественной журналистики. М.: Изд-во МГУ, 1999.
10. Орлов С., Прохоров В. Первоапрельская партия // Панорама. 1990. № 7.
11. Плеханов С.Н. Жириновский: кто он? М.: БИМПА, 1994.
12. Прибыловский В.В. Словарь оппозиции. Новые политические партии и организации России. М.: Информационное агентство Постфактум, 1991.
13. Прибыловский В.В. Словарь новых политических партий. М.: Панорама, 1992.

14. Прибыловский В.В. 43 линии спектра. М.: Панорама, 1995.
15. Радкевич С.Б. Вождь, деньги, массовка. Краткий курс истории ЛДПР // Открытая политика. 1997. № 10. С. 70–79.
16. Соловей В.Д. Однозначная близость. Почему партии власти уходят, сменяя друг друга, а ЛДПР остается // Политический журнал. 2005. № 34 (доступно по адресу: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=69&tek=4336&issue=124> [дата обращения 30.04.2015]).
17. Shekhovtsov A., Umland A. Vladimir Zhirinovskiy and the LDPR // Russian Analytical Digest. 2011. № 102. P. 14–16.
18. Shenfield S.D. Russian Fascism. Traditions, tendencies, movements. Armond. N.Y./L.: M.E. Sharpe, 2001.
19. Umland A. Vladimir Zhirinovskii in Russian Politics: Three Approaches to the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia 1990–1993. Dissertation. Berlin: Free University of Berlin. 1997.
20. Umland A. The fascist threat in Post-Soviet Russia. An investigation into the LDPR-Ideology 1990-1993, and Some Tentative Suggestion on the Appropriateness of the “Weimar Russia” Metaphor. 1997 (доступно по адресу: <http://www.nato.int/acad/fellow/96-98/umland.pdf> [дата обращения 30.04.2015]).
21. Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. № 2. С. 1–34 (доступно по адресу: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Umland6.pdf> [дата обращения 30.04.2015]).

Часть 5. «На запад» от Союза: хроники оппозиции

Неподцензурная печать в странах Восточной Европы: становление самиздата и тамиздата

*Заславская Ольга / Zaslavskaya Olga
Центрально-Европейский университет, Будапешт /
Central European University, Budapest
zslavsk@ceu.edu*

Аннотация: Статья посвящена вопросам становления неподцензурной печати в странах Восточной Европы, которая рассматривается во взаимодействии двух важнейших феноменов инакомыслия периода позднего социализма — самиздата и тамиздата.

Summary: The article is devoted to the development of unofficial press in Eastern Europe during the late socialism with main focus on early stages of such phenomena as samizdat and tamizdat.

Ключевые слова / Key words: самиздат, тамиздат, неподцензурная печать, Восточная Европа, samizdat, tamizdat, uncensored press, Eastern Europe.

Советская модель модернизации и инакомыслие

В послевоенный период страны Восточной Европы, являясь объектами геополитического влияния крупных держав и сверхдержав, оказались заложниками противостояния двух блоков, возглавляемых Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Однако в этот период баланс сил оказался на стороне СССР, который обеспечил вхождение восточноевропейских стран в свою зону

влияния¹. Причины, по которым Сталину было выгодно превратить восточноевропейские страны в «подобие» Советского Союза, были очевидны. Как отмечал Тони Джудт, хотя стремление населения, только что пережившего ужасы войны, к мирной жизни облегчило установление прокоммунистических режимов; не было гарантий, что эти режимы и в дальнейшем останутся в сфере влияния советского государства и поддержат его политику². Единственно возможным решением в этом случае было установление контроля над всеми сферами жизни общества — от политического руководства и развития экономики до культурной политики и настроений масс. С другой стороны, для этих стран по-прежнему оставались актуальными задачи модернизации, доставшиеся в наследство с начала XX в.; к тому же они были усугублены в ходе двух войн³. Как следствие, проект преодоления отсталости через социалистическую перспективу стал одним из возможных вариантов развития, и задачи модернизации решались тем способом, который был предложен советским руководством при поддержке коммунистических партий, пришедших к власти после короткого «коалиционного периода» в конце 1940-х гг.

¹ Rees, Laurence. *World War Two: Behind Closed Doors: Stalin, The Nazis and The West*. London: Ebury Publishing, 2008; Ramet, Sabrina P. (Ed.). *Eastern Europe: Politics, Culture and Society since 1939*. Bloomington — Indianapolis: Indiana University Press, 1998.

² Judt, Tony. *Postwar: A History of Europe Since 1945*. New York: The Penguin Press, 2005. P. 167–169. Важно отметить, что Венгрия, Польша и Чехословакия только в начале XX в. получили политическую независимость, на протяжении столетий являясь частями империй. Это обусловило их экономическую и политическую отсталость от ведущих европейских государств, которая не могла быть преодолена в короткий срок. См.: Mason, John W. *The Dissolution of the Austro-Hungarian Empire, 1867–1918*. [1. Edition]. Longman, 1997.

³ Подробнее о последствиях Второй мировой войны см.: Berend, Ivan T. *Central and Eastern Europe 1944–1993. Detour from the periphery to the periphery*. Cambridge University Press, 2005; Judt, T. *Postwar...; Snyder, T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. Basic Books, 2010.

Отношение населения к «советской модели» общественного устройства было различным; тем не менее, на фоне симпатий к Советскому Союзу как освободителю от нацизма новые режимы получили поддержку со стороны большинства населения⁴. Принятая за основу модель советского общества образца 30-х гг. предполагала государственную монополию в области экономики, политическое единообразие и идеологический контроль во всех сферах общества. Начавшийся «сталинский период» сопровождался показательными процессами, репрессиями и созданием системы тоталитарного контроля, одним из орудий которого была цензура⁵. Однако включенность стран Восточной Европы в европейскую культуру и распространение традиций гражданского общества в довоенный период способствовало критическому отношению к деятельности партий и государства. Но так как критический дискурс, за редким исключением, не мог осуществляться в публичном пространстве, он нашел выход в различных формах инакомыслия, неофициальном искусстве и в практике неподцензурной печати.

В первые послевоенные годы культурная жизнь в этих странах переживала настоящий бум. Несмотря на трагедию войны и послевоенную разруху, писатели и художники

⁴ Часть населения в своих политических симпатиях отдавала предпочтение западным моделям общественного устройства. Так, в Венгрии на относительно свободных выборах в Государственное собрание в ноябре 1945 г. абсолютную победу одержала не скрывавшая своей прозападной ориентации Партия мелких сельских хозяев. В Польше массовая социальная база Польской народной партии (*Polskie Stronnictwo Ludowe*) С. Миколайчика и участие тысяч поляков в не прекращавшемся до конца 1940-х гг. вооруженном сопротивлении новому режиму также свидетельствовала о поддержке населением некоммунистической альтернативы. Abrams, Bradley. *Hope Died Last: The Czechoslovak Road to Socialism* // Tismaneanu, Vladimir. (Ed.). *Stalinism Revisited: The Establishment of Communist Regimes in East-Central Europe*. Central European University Press, 2009. P. 345–366; Prazmowska, Anita J. *Civil War in Poland, 1942–1948*. Palgrave Macmillan, 2004.

⁵ Hodos, George H. *Show Trials: Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948–1954*. Greenwood, 1987.

старались в меру своих сил восстановить довоенное культурное пространство, и важнейшая роль в этом процессе принадлежала печати. В эти годы печать Венгрии была разнообразна и неоднородна, и интерес публики к прессе был особенно велик. Буквально в первые часы после освобождения Будапешта вышел номер газеты «Szabadság» («Свобода»), а 25 марта 1944 г. читатели смогли увидеть и первый номер газеты «Szabad Nép» («Свободный народ») с подзаголовком «Третий год издания»⁶. Наибольшей поддержкой среди населения пользовалась Партия мелких сельских хозяев; изданием, отстаивающим ее позиции, была газета «Kis Újság» («Малая газета»), с которой часто полемизировала «Szabad Nép». Органом еще одной популярной партии — социал-демократической — была газета «Népszava» («Голос народа»), выходявшая тиражом в 100 тысяч экземпляров, а национально-крестьянской партии помогала газета «Szabad Szy» («Свободное слово»). Был восстановлен орган популистских писателей «Válasz» («Ответ»); молодые авторы, чьи взгляды сформировались под влиянием «Nyugat» («Запад»)⁷, объединились вокруг «Újhold» («Новая луна», 1946–1948)⁸, пытаясь осмыслить опыт недавних трагических событий; марксистски настроенные авторы печатались в «Fugum» (1946–1950). Созданный в 1945 г. журнал «Magyarok» («Венгры») предоставлял свои страницы практически всем желающим и только позже стал органом литераторов из среды «среднего класса». Вернувшийся из эмиграции видный представитель

⁶ Газета начала свое существование еще в 1942 г. как подпольное издание. В 1945 г. она состояла из 4–6 полос и печаталась тиражом около 140–150 тысяч экземпляров.

⁷ Страницы одного журнала. In memoriam Nyugat. 1908–1919 / Стихи. Публицистика. Составила и перевела с венгерского Майя Цесарская. М.: Водолей Publishers, 2009. Полное собрание публикаций журнала см.: Nyugat (доступно по адресу: <http://epa.oszk.hu/00000/00022/nyugat.htm> [дата обращения 3.05.2015.]

⁸ Gluck, Mary. Georg Lukács and His Generation, 1900–1918. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.

литературного андеграунда начала века Лайош Кашшак основал журнал «Kortárs» («Современность»)⁹. Однако вскоре ситуация кардинальным образом изменилась.

Существует две точки зрения на послевоенный период в Венгрии; в первом случае считается, что в эти несколько лет у страны была реальная возможность демократического развития, которое, однако, было прервано приходом к власти компартии; вторая точка зрения предполагает, что судьба Венгрии была предрешена еще в 1945 г. Косвенно об этом свидетельствует активность венгерских коммунистов в эмиграции, так называемых москвичей, которые, еще находясь в Москве, работали над планом развития страны по советскому образцу¹⁰. В этот план (основы которого были разработаны еще в середине 30-х гг. представителями Коминтерна в рамках стратегии «народного фронта») входили и меры по установлению контроля над культурой. Одним из основных идеологов новой культурной политики стал Йозеф Реваи. Опубликованная в Будапеште в 1946 г. его книга «Marxizmus és népiesség» («Марксизм и популизм») стала своеобразным руковод-

⁹ В Венгрию также вернулись такие видные представители интеллигентской элиты как кинорежиссер Бела Балаж и философ Дьёрдь Лукач. Zsuffa, J. Béla Balázs: The Man and the Artist. University of California Press, 1987; Омри Ронен. Balázs. Из города Энн // Звезда. 2011. № 3; Стыкалин А. Дёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. № 1 (доступно по адресу: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/1/st7-pr.html> [дата обращения 3.05.2015]).

¹⁰ «Московская фракция», или «москвичи» — группа венгерских коммунистов, которые вынуждены были эмигрировать в Москву в начале войны. После освобождения Будапешта они вернулись на родину, заняв ведущие посты в государстве. Учитывая уроки поражения «коммуны» в 1919 г., венгерские коммунисты взяли на вооружение идею народного фронта для обеспечения поддержки во время переходного периода; расширенная социальная база включала представителей мелкой буржуазии и крестьянства, а также интеллигенции. Следует отметить, что такая стратегия имела свои результаты: так, Венгерская партия рабочих (Magyar Dolgozók Pártja) всего за два года (1945–1947) выросла с 150 тысяч до 864 тысяч человек.

ством к действию¹¹. В качестве примера подобной политики можно рассматривать отношение к ряду представителей венгерской интеллектуальной элиты, в частности, к Дьюле Ильешу и Дьёрдю Лукачу. Как представитель так называемого народного направления Ильеш поддержал те перемены, которые обещал новый режим, и Реваи выбрал его в качестве одного из возможных союзников, публично сравнивая его с такими историческими деятелями, как Лайош Кошут и Ференц Ракоци. Ильеш дважды был удостоен премии Кошута (в 1948 и 1953 г.), и имел возможность печататься; однако вскоре, поняв истинную природу сталинизма, отказался от официальной публичной жизни, но одновременно и от активного участия в оппозиции, хотя именно ему принадлежало стихотворение «Одно предложение о тирании»¹², ставшее одним из символов венгерского восстания. Не удалось «приручить» и Лукача, о котором советский посол Е. Д. Киселев докладывал в июне 1952 г., что *«неразоружившийся Лукач, бесспорно, мешает и тормозит развитие современной венгерской литературы по правильному пути»*¹³.

Первыми, кто описал тоталитарное государство, были Карл Поппер и Ханна Арендт, которые показали, что тоталитарный режим, как более последовательная тирания, стремится установить контроль над всеми сторонами жизни.

¹¹ Йозеф Реваи, один из создателей компартии Венгрии в 1918 г., начал свою карьеру литературного деятеля в авангардистском журнале «Ма» («Сегодня») под редакцией Л. Кашшака, но вскоре покинул его, чтобы принять активное участие в коммунистическом движении. Его раннее неприятие авангарда позже сделало его убежденным сторонником социалистического реализма.

¹² Написанная еще в 1950 г., она была опубликована только в 1956 г. Русский перевод см.: Стихи.ру (доступно по адресам: <http://www.stihi.ru/2000/08/31-14>; <http://www.stihi.ru/2011/06/13/6848> [дата обращения 3.05.2015]).

¹³ Цит. по: Стыкалин А. Дёрдь Лукач как литературовед, философ и политик (доступно по адресу: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/1/st7-pr.html> [дата обращения 3.05.2015]).

ни не только общества, но и индивидуума¹⁴. В соответствии с этой логикой развивались события после прихода к власти компартий. В первую очередь было принято новое законодательство, которое поставило вне закона любую деятельность, которая могла бы расцениваться как антипартийная, антигосударственная¹⁵. В соответствии с «советской моделью» был введен институт цензуры. Издательское дело и пресса были поставлены под контроль государственных органов; книга, печатное слово в целом рассматривались компартиями как мощное орудие идеологической борьбы, как одно из важнейших средств пропаганды.

С введением цензуры большинство периодических изданий было закрыто, а издательства национализированы; число общественно-политических и культурных изданий сократилось до минимума. В Венгрии становление партийной печати началось с закрытия оппозиционных изданий: была закрыта газета «Reggel» («Утро») ежедневной же вечерней газете «Mai Nap» («Сегодняшний день») разрешили выходить только раз в неделю. 15 июня 1948 г. «Szabad Nép» впервые вышла как центральный орган компартии; «Népszava» стала органом Венгерского Совета профсоюзов. Один за другим были закрыты неправительственные журналы, частные издательства национализированы, и, естественно, были резко ограничены возможности изда-

¹⁴ См. любое издание книги Карла Поппера «Открытое общество и его враги» (Popper, Karl. The Open Society and Its Enemies, 1945), а также работу Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» (Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft, 1951).

¹⁵ В Югославии за критику в любой форме — даже в форме слухов, которые «неправильно описывают государство», — можно было получить до 17 лет тюрьмы; в Румынии наказанию подлежали те, кто не донес об имевшемся заговоре (или даже подозрении), при этом не делалось исключения для супругов и ближайших родственников. Польское уголовное право устанавливало наказание за любые попытки «ослабления народной власти путем распространения недовольства существующим строем» — до 5 лет, а в случае нанесения ущерба (поломка машин и проч.) — вплоть до расстрела (см.: Berend, Ivan T. Central and Eastern Europe 1944–1993).

тельства для тех, кто придерживался других, отличных от партийных, взглядов.

Похожие процессы шли и в других социалистических странах. В январе 1951 г. «рабочий президент» Чехословакии Клемент Готвальд в своем новогоднем выступлении говорил: *«Я бы хотел сказать еще об одном показателе роста уровня жизни нашего народа. Это — увеличение тиражей книг, цены на которые нам удалось в среднем снизить на 20 % за предыдущий год. Сегодня средний тираж книжной продукции в шесть раз больше, чем при капитализме. В настоящее время только нехватка бумаги не позволяет нам увеличивать тиражи. И речь идет не о какой-то дешевой, на потребу дня литературе, но о действительно ценных произведениях художественной и публицистической литературы. Нет сомнения, что это вполне убедительное свидетельство о росте материального и культурного уровня жизни наших людей, потому что это показывает, что люди могут не только хотеть читать книги, они могут позволить себе их приобрести»*¹⁶. Однако реальность, которая стоит за этой риторикой, далека от изображенной выше картины. В действительности, при увеличении тиража шло планомерное сокращение списка издаваемых книг; из него удалялись те произведения, которые, по мнению партийного руководства, не соответствовали идеологическим нормам¹⁷. Таким образом, под прикрытием борьбы с «дешевой литературой» и недопоставками бумаги была введена неявная цензура. Подобный же процесс сокращения выпуска продукции проходил в киноиндустрии и периодической печати¹⁸.

Вопросы культуры стали предметом обсуждения на IX съезде компартии Чехословакии, состоявшемся

¹⁶ Šmejkalová, Jiřina. Cold War Books in the “Other” Europe and What Came After. Leiden-Boston: Brill, 2011. P. 115.

¹⁷ Ibid. P. 116–118.

¹⁸ Периодика сократилась с 1 479 изданий в 1948 г. до 1 121 в 1956 г., а в 1980 г. в стране выходило всего 759, то есть вдвое меньше. Ibid. P. 120.

в мае 1949 г., где основной упор был сделан на борьбу с буржуазной идеологией и усилением роли научного социализма. Провозглашение «строительства основ социализма» в области культуры означало установление контроля над печатным словом; с этой целью был создан полностью подчиненный партийным органам Союз писателей, в приказном порядке был введен и метод социалистического реализма. Как отмечает С. А. Шерлаимова, «... после февраля 1948 года была предпринята попытка провести «социалистическую унификацию» литературы, что ознаменовалось появлением многочисленных декларативных, схематических, однотипных по форме произведений, восхвалявших «новую действительность и нового человека, социалистическую Чехословакию, Советский Союз, “великих вождей” Клемента Готвальда и Иосифа Сталина. Именно такие произведения удостоивались премий и наград, их превозносила официальная критика»¹⁹.

Цензура была призвана регулировать, что население Чехословакии могло читать, какие картины видеть, по каким учебникам учиться. В запрещенные списки книг вошли практически все зарубежные авторы (например, Альбер Камю и Уильям Фолкнер). Были закрыты многие издания, в том числе литературные журналы: в частности, журналы либеральной направленности «Kritický měsíčník» («Критический ежемесячник»), «Listy» («Страницы»), католическое издание «Akord» («Аккорд») и другие. Все это нашло отражение в самой тематике литературных произведений. Если сначала послевоенная проза и поэзия отражали трагические переживания войны, то позже к ним присоединяется обеспокоенность судьбами страны после смены власти, как, например, в поэме «Atlantis» («Атлантида») Владимира Воколека²⁰ или в произведениях Ир-

¹⁹ Шерлаимова С. А. Литература «Пражской весны»: до и после. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. С. 7.

²⁰ Фигура Воколека интересна еще тем, что он совместно со своими братьями еще до войны организовал небольшое издательство, в кото-

жины Гауковой, название книги которой — «Holomgrazu» («Черный мороз») — как нельзя лучше отражало настроение, преобладавшее в это время в среде писателей²¹.

Необходимо отметить, что именно в Чехословакии были наиболее сильны симпатии к Советскому Союзу как освободителю от нацизма, что, в сочетании с коммунистическим настроением, способствовало иллюзиям в отношении СССР. Хотя еще до начала Второй мировой войны некоторые чешские интеллектуалы, поняв природу советского режима (особенно после того, как начались массовые аресты), отошли от своих увлечений идеями коммунизма, общее настроение, на фоне которого население поддержало трансформации 40-х гг., можно описать словами героя Милана Кундеры — Людвига:

«Мы действительно принимали решения, от которых зависели судьбы людей ... такое опьянение сродни с опьянением власти, но в действительности, мы были испорчены историей, тем, что, вспрыгнув на спину истории, оседлали ее; разумеется, со временем это превратилось по большей части в отвратительное желание власти, но (так как все людские страсти неоднозначны) в этом таилась (а для нас, молодых, пожалуй, особенно) и довольно идеальная иллюзия, что именно мы открываем ту эпоху человечества, когда человек (каждый человек) не окажется ни вне истории, ни под пятой истории, а будет вершить и творить ее»²².

ром опубликовал, в частности, свои военные стихи («Обнищавый народ», «Путь к полудню»). Однако последний сборник — «Распроданное время» (1949) — уже не удалось представить читателям, так как весь тираж был уничтожен, а издательство закрыто. Только в 1967 г. ему удалось издать свои избранные послевоенные стихи под названием «Между рыбой и птицей». Написанная в 1947 г. поэма «Атлантида» была напечатана в 1972 г. частным образом как коллекционное издание.

²¹ Holý, Jiří. Writers Under Siege: Czech Literature since 1945. Thornhill: Sussex Academy Press, 2010. P. 20.

²² Kundera, Milan. Žert. Prague, 1969. P. 70–71. На русском языке: Кундера Милан. Шутка. СПб.: Амфора, 2001.

В 1945–1948 гг., когда плюрализм мнений и критика еще были обычным явлением, среди писателей широко обсуждались вопросы будущего устройства страны, в частности, принадлежит ли Чехословакия Востоку или Западу: в коммунистической прессе («Rudý Pravo») говорилось о «восточной цивилизации», в то время как Вацлав Черны писал, что *«если наша культура хочет оставаться чешской и воистину народной, то должно сохраняться и право рассматривать все политические возможности, существующие на Западе и Востоке»*²³.

Но уже в резолюциях Съезда писателей 1946 г. наметилась тенденция ставить национальные интересы выше свободы творчества; о чем писал Милош Дворжак, предупреждая, что *«сегодня дух свободы открыто подавляется, унижается, уничтожается. Вместо него устанавливается контроль над мыслью»*²⁴. В ответ на новости о сталинских репрессиях в отношении советских писателей среди чешских писателей нашлись те, кто открыто и без колебаний поддержали право художника на свободу творчества и самовыражения. Первыми, кто почувствовали на себе последствия смены власти, стали католические писатели. Якуб Демл, Ян Чеп, Ян Заградничек и ряд других писателей были обвинены в сотрудничестве с нацистским режимом.

К началу 1950-х гг. «советизация» в области культуры в восточноевропейских странах, находящихся под контролем Советского Союза, была в основном закончена. Об этом, по мнению Дьёрдя Гомори, свидетельствовали и Союз писателей в Щецине (1949), и первый Конгресс Союза венгерских писателей (1950), где безраздельно господствовал дух «ждановского» единогласия²⁵.

²³ Holý, Jiří. Writers Under Siege... P. 12.

²⁴ Там же. P. 13.

²⁵ Gömöri, György. Cultural and Literary Developments: Poland and Hungary // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1958. Vol. 317. The Satellites in Eastern Europe. P. 71–78. Тем не менее, еще до смерти Сталина и «оттепели» даже для наиболее рьяных последователей «жда-

Репрессии, начавшиеся практически сразу после прихода компартии Чехословакии к власти, не обошли и деятелей культуры. Целый ряд писателей был осужден; им предъявлялся стандартный набор обвинений в пособничестве Западу, в сотрудничестве с оккупантами или просто в недостаточной лояльности новому строю. На Конгрессе национальной культуры (1948) и Поэтической конференции (1950) враждебными новому строю называли и тех литераторов, которые поддержали смену власти в 1948 г.²⁶ В ходе «показательных процессов» в тюрьмах оказались многие замечательные поэты и писатели, а некоторые из них были казнены (Завиш Каландра, Милада Горакова). Точно так же, как в Польше и Венгрии, писатели вынуждены были уходить в эмиграцию — либо в прямом смысле этого слова (страну покинули такие писатели и культурные деятели, как Фердинанд Пероутка, Эгон Гостовский и другие), либо выбирая путь «внутренней эмиграции», единственным выходом из которой был самиздат. От дальнейших расправ чешскую литературу спасла смерть Сталина.

В Венгрии, созданный в 1950 г. Союз писателей руководствовался в своей политике практикой «закрытых дверей»: не члены союза не могли претендовать на звание писателя. Перед многими писателями встал выбор: либо уезжать из страны, либо писать «в стол», то есть выбрать путь *самиздата*²⁷. Более того, многие писатели и культур-

новщины» стала ясна ограниченность и внутренняя противоречивость доктрины соцреализма, по поводу которой один из венгерских писателей сказал: «*Что такое соцреализм знал только один человек — Жданов, но он забрал этот секрет с собой в могилу*». Цит. по: Ignotus, Paul. The Revolution of the Word // Encounter, April 1957. С. 10.

²⁶ Среди них оказались такие видные представители чешского авангарда, как Витезслав Незвал, Карел Тейге, Константин Библ, и даже те, кто придерживался левых взглядов, — Франтишек Галас, Иржи Коларж, Иван Блатны.

²⁷ Традиционно, слово «самиздат» связывают с именем Николая Глазкова, который использовал слово «Сам-себя-издат» для подписи своих книжек поэзии, позже сократив его до формы «самиздат». Тем не менее, Ирина Колчинская (Винокурова) отмечает, что в одном из стихотворений

ные деятели были арестованы и оказались в заключении, и многие из них так и не смогли оправиться от пережитых страданий, умерев в неизвестности.

Случай Тибора Дери, талантливого писателя и члена компартии Венгрии с 1918 г., может служить типичным примером судьбы писателя в условиях тоталитаризма²⁸. В начале 1950-х гг. его роман «Felelet» («Ответ») стал предметом критики: основное обвинение заключалось в неправильном изображении рабочего класса и остатков буржуазной морали. В 1954 г. Дери поддержал Имре Надя в его попытках реформ, о чем он заявил в «Открытом письме». Он также принял участие в написании известного обращения венгерских интеллектуалов осенью 1955 г. с критикой сталинской культурной политики. Как член партии, он немедленно подвергся дисциплинарным взысканиям; а через год был исключен за участие в дискуссии о прессе и свободе информации, организованной кружком Шандора Петефи, где он говорил о необходимости проведения более широкого общественного обсуждения по этим вопросам²⁹. Вскоре последовал арест и суд: Дери был приговорен к девяти годам тюрьмы, но благодаря международной поддержке и «новой политике» Кадара был освобожден в 1961 г.

середины 1940-х гг. он использовал прилагательное «самиздатный» как производное от слова «самиздат»: *«Утверждаю одно и то же я / самиздатным стихом не стихая...»*. Это больше соответствует и словам и самого Глазкова о том, что *«Самиздат ... Придумал это слово я еще в сороковом году»*. Kolchinsky, I. Last Futurists: 'Nebyvalists' and Their Leader Nikolai Glazkov // Slavic and East European Journal. 1999. Vol. 43. № 1. P. 191 (см. также: Винокурова И. «Всего лишь гений...»: судьба Николая Глазкова. М.: Время, 2008). Тем не менее, многие оспаривают авторство Глазкова в отношении сокращенного слова; см.: Савицкий С. А. Из подполья в андеграунд: история синонимических названий позднесоветской неофициальной культуры // Обсерватория культуры. 2012. № 5. С. 108.

²⁸ Tibor Dery. Back in Print // Background Report. 20 September 1962. HU OSA 300-8 -3-3404 Records of the RFE/RL Research Institute (доступно по адресу: <http://www.osaarchivum.org/greenfield/repository/osa:db60ed81-50d9-4351-ab53-f110545a1cd5> [дата обращения 3.05.2015]).

²⁹ См.: Gottlieb, Erika. Dystopian Fiction East and West: Universe of Terror and Trial. McGill-Queen's University Press, 2001.

Другой участник венгерских событий Д. Гомори описывает три возможных пути, которые писатель или художник мог выбрать в своем творчестве. Первый путь — это сотрудничество с правящей партией с «пылом неопита» показным или истинным; на вторую стезю вставляли «псевдоколлаборационисты», и, наконец, существовал путь «духовной эмиграции». Каждый из выбранных путей имел свои последствия для вступивших на него. Официально признанные писатели и художники пользовались всеми привилегиями, которые предоставляла им власть, но одновременно они становились заложниками своих идеологических предпочтений и амбиций и зачастую в действительности были изолированы от реальных событий³⁰.

Следуя советской модели, логическим дополнением стала политика изоляции населения от внешних контактов и влияния «буржуазного Запада»; как следствие, были закрыты границы и введен запрет на путешествия не только в западные, но и соседние «братские» страны. Черчилль не мог предположить, что его метафора о «железном занавесе» станет реальностью: социалистический лагерь был окружен рядами железной проволоки, вышками и минными полями³¹. Но не только физические границы были объектом заботы государства; не меньшее внимание уделялось предотвращению коммуникации поверх «железного занавеса» при помощи литературы, музыки, изобразительного искусства, а также радио³². Самой мощной сетью защиты обладал

³⁰ Gömöri, György. Cultural and Literary Developments...

³¹ Многие участники Венгерского восстания были убиты или ранены при переходе австрийской и югославской границ; та же судьба постигла пытавшихся преодолеть Берлинскую стену. Harrison, H. M. *Driving the Soviets Up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961*. Princeton University Press, 2003; Taylor, F. *The Berlin Wall: 13 August 1961 – 9 November 1989*. Bloomsbury, 2006.

³² Вопрос о глушении «враждебных радиостанций» рассматривался на заседании Политбюро венгерской компартии. В документе, в частности, указывалось, что «пропагандистские программы капиталистических стран передаются более мощными передатчиками на нескольких часто-

Советский Союз, но уже в 1953 г. свои объекты местного и дальнего глушения начали строить Чехословакия, Болгария, Польша, Венгрия и ГДР. Более того, соцстраны вели координированный обмен по дальнему радиоподавлению, который в основном применялся для глушения радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа»³³.

Таким образом, культурный подъем «коалиционного» периода, издательский бум и оживление в других сферах культуры сменился периодом репрессий и внедрения цензуры во все сферы жизнедеятельности общества. Цензура может включать в себя ограничения в отношении тематики, способов и характера интерпретации, может быть применена как до публикации, так и после, распространяясь как на художественные, так и научные тексты. Кроме того, цензура не сводится только к официальному прямому запрету: существовали многочисленные не прямые формы (например, замалчивание, «запрет на профессию», маргинализация), а также самоцензура. Эффективность этих методов отличалась от страны к стране, как и сопротивление им, которое проявлялось начиная с недовольства и заканчивая открытыми протестами в форме демонстраций, митингов и забастовок. Другим выходом были эмиграция на Запад, «внутренняя эмиграция» и самиздат, который в этот период еще не стал массовым явлением.

тах», в то время как в Венгрии практически отсутствовала собственная система глушения. Report to the Politburo on jamming hostile radio stations. 1 October 1963 // Békés, Csaba, ed. Selected Hungarian Documents on Radio Free Europe, 1963–1979 (доступно по адресу: http://www.coldwar.hu/html/en/doc_collection/rfe/rfe_pdf/rfe_02.pdf [дата обращения 3.05.2015]).

³³ Часто дальнейшее глушение было более эффективно, что было связано с разным уровнем технического обеспечения. Москва, Варшава, София, Будапешт и Бухарест глушили передачи западных радиостанций, направленные на Чехословакию, которая, в свою очередь, вела глушение передач на СССР, Польшу и Болгарию, а до 1962 г. — и на Венгрию, Румынию. См. Плейкис, Римаптас. Радиоцензура: статья на основе книги «Радио-глушение» (R. Pleikys, Jamming, 1998) и новых материалов, поступивших в 1998–2002 г. Вильнюс: UAB Baltijos kopija, 2002. См. также: <http://www.radiojamming.info> [дата обращения 3.05.2015].

Исследование сопротивления включает в себя, с одной стороны, анализ государственного дискурса, языка и ментальности доминирующего класса, а с другой — изучение культуры сопротивления, которая существует в подчиненном положении по отношению к господствующей культуре. Как показала Линн Виола, голоса крестьянского сопротивления было трудно услышать в доминирующей риторике государства³⁴. Однако культура сопротивления, сложившаяся в среде научной и художественной интеллигенции, давала больше возможностей быть услышанными за счет прямых и непрямых форм сопротивления (производство и распространение нелегальной литературы, организация семинаров и лекций, нелегальные выставки и т. д.).

Короткая «оттепель» 1950-х гг. и культурный плюрализм

Сталинизм (в отличие от нацизма, целью которого было биологическое истребление) стремился в первую очередь трансформировать сознание и в короткий период заставить порвать с тысячелетними традициями христианской культуры. Однако модель сталинского социализма, установленная в Восточной Европе, с неизбежностью вела к кризису: милитаризация и слишком быстрая индустриализация сопровождалась падением уровня жизни; жесткая политика коллективизации спровоцировала проблемы с поставками продовольствия и общее недовольство населения. Реалии повседневности не соответствовали тону

³⁴ Так, Л. Виола в своей работе о крестьянском бунте во времена Сталина подробно описывает крестьянскую культуру сопротивления, для которой характерен особый стиль коммуникации, поведения и взаимодействия с государственными структурами и правящей элитой: *«В этом стиле стремление диктовать свою волю власти, протестовать против ее шагов сочетается с попытками приспособиться к установленному ею режиму посредством обхода законов, организаций восстаний, и других пассивных и активных форм народного сопротивления, вызванных необходимостью защищать свое существование и свою самобытность»*. См.: Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. С. 11–12.

официальных газет об успехах и достижениях, а террор чисток парализовал общество. Политизация всех сфер, включая культуру и частную жизнь, отталкивала людей, а «интернационализм» ассоциировался с доминированием Советского Союза. Первая попытка открытого сопротивления произошла в 1948 г., когда Югославия встала на путь построения социализма по собственной модели³⁵, а затем последовали события в Восточной Германии (1953)³⁶, Польше и Венгрии (1956) и Чехословакии (1968).

Считается, что пересмотр сталинской политики начался в августе 1953 г., когда заговорили о новых подходах во внешней и внутренней политике³⁷, а вскоре критика сталинского режима стала общим явлением. Наиболее «слабым звеном» оказалась Венгрия, где дискуссия и противостояние внутри партии привели к власти «реформатора» Имре Надя, выступавшего за «венгерский путь к социализму»³⁸. И хотя это была попытка реформирования без отказа от

³⁵ О политике Й. Б. Тито и дальнейшем развитии Югославии после разрыва со Сталиным см., например: Banac, Ivo. *With Stalin Against Tito: Cominformist Splits in Yugoslav Communism*. Cornell University Press, 1988; Ramet, Sabrina P. *The Three Yugoslavias: State-Building and Legitimation, 1918–2005*. Indiana University Press, 2006.

³⁶ См. подробнее: Ostermann, Christian F. and Byrne, Malcolm. *Uprising in East Germany, 1953*. Budapest: Central European University Press, 2001.

³⁷ Первым, кто заговорил о возможных изменениях, был Председатель Совета Министров СССР Г. Маленков. См.: Зубкова Е. Ю. *После войны: Маленков, Хрущев и «оттенель» // История Отечества: люди идеи, решения. Очерки истории Советского государства*. М.: Политиздат, 1991.

³⁸ Пока Надя находился у власти, в Венгрии был приостановлен процесс ускоренного формирования кооперативов в сельском хозяйстве; мелкие городские производители обрели возможность получить лицензию для занятий своим промыслом; в промышленности была уменьшена доля капиталовложений в тяжелую индустрию. Кроме того, установилось более терпимое отношение к церкви и религии, была объявлена немедленная амнистия, и начался процесс реабилитации политических заключенных. Среди безусловных положительных мер, принятых Надем, было отстранение Реваи от управления делами культуры. Стыкалин А. *Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // Неприкосновенный запас*. 2007. № 6. С. 223–238; Райнер М. Я. *Имре Надя, премьер-министр венгерской революции 1956 года*. М.: Логос, 2006.

идей коммунизма, внутрипартийные разногласия позволили артикулировать критику режима и политики партии и за пределами партийных кругов³⁹.

В стране постепенно складывалась иная атмосфера по сравнению с началом 50-х гг. Репрессии в Венгрии и в других странах не смогли полностью уничтожить элементы публичного пространства. Несмотря на глушение, многие слушали зарубежные радиостанции — «Свободную Европу», «Голос Америки», «ВВС», а также радиостанции Парижа, Монако, Люксембурга, Мадрида, Ватикана, которые были важным источником информации о происходящем в мире. Как подчеркивал Джон Даунинг, *«публичная сфера не была заглушена, она просто ушла в подполье»*⁴⁰. Этому в немалой степени способствовала и деятельность западных издательских программ, которые с начала 50-х приступили к распространению различной литературы западных авторов, включая произведения таких авторов, как Джордж Оруэлл, Эрнст Хемингуэй и т.д. Тогда же появляются «подпольные библиотеки», через систему которых передавались напечатанные на Западе книги.

В Польше эксперименты по перенесению на национальную почву сталинской модели социализма с самого начала потерпели очевидную неудачу. Упорное сопротивление значительной части населения коммунистической альтернативе и советскому влиянию, балансирование общества на грани гражданской войны в течение первых послевоенных лет предопределили более компромиссный,

³⁹ Вполне возможно, что если бы Надь остался у власти надолго, Венгрия двинулась бы по пути построения так называемого рыночного социализма, тем более к этому были внешние предпосылки: в Югославии этот процесс уже шел, а Чехословакия в 50–60-е гг. стала готовить поворот экономики, который, вероятно, смог обеспечить еще более радикальные перемены, чем югославские. Berend, Ivan T. *Central and Eastern Europe 1944–1993*. P. 102–103.

⁴⁰ Downing, John D.H. (Ed.). *Encyclopedia of Social Movement Media*. SAGE, 2010. P. 447.

нежели в других странах Восточной Европы, характер коммунистической диктатуры в Польше. Там так и не удалось провести в полном объеме коллективизацию земельной собственности, ослабить позиции церкви, установить монополию марксизма в образовании, в том числе в университетах. Даже совсем незначительное ослабление советского диктата после смерти Сталина вызвало в стране быстрое восстановление заглушенных, но не уничтоженных, элементов плюрализма⁴¹. Критика в адрес партийных органов получила дополнительные источники в результате побега на Запад в конце 1953 г. офицера польской секретной службы⁴².

В эти же годы появляются неформальные объединения и независимые инициативы, в основном в среде интеллигенции и студенческой молодежи. Все чаще в прессе и на других публичных форумах звучала критика не только высокопоставленных функционеров, несших ответственность за провалы в экономической политике и нарушениях законности, но и некоторых системных пороков. Событием литературной и общественной жизни стала «Поэма для взрослых» Адама Важика (август 1955 г.), показавшая разительное несоответствие идеологии ПОРП реальному положению польского рабочего класса. Симптомы приближавшейся «оттепели» проявились и в усилении западных влияний в культуре. Выставка, организованная осенью 1955 г., стала одним из важнейших событий художественной жизни Польши. Хотя работы, показанные на выставке, были выполнены в большинстве своем в стиле 40-х гг., они привлекли внимание публики и самих ху-

⁴¹ В отличие от И. Нады, у польской коммунистической элиты не было решимости инициировать хотя бы ограниченные реформы. К тому же советское правительство, напуганное июньскими событиями 1953 г. в ГДР, выступило с резкой критикой политики Болеслава Бейрута.

⁴² Документы, которые передал Юзеф Святло на Запад, свидетельствовали о вмешательстве советского руководства во внутренние дела страны. См.: Interviews with Józef Światło // HU OSA 300-50-6 Polish Underground Press, Records of RFE/RL Research Institute.

дожников как некое веяние перемен⁴³. Тогда же возникают несколько независимых периодических изданий, и среди них «Przegląd Artystyczny» («Художественное обозрение»), «Projekt» («Проект»), «Plastyka» («Изобразительное искусство») и журнал «Struktury» («Структуры»)⁴⁴.

Таким образом, исходившие от реформаторов призывы к переменам оказались в определенном созвучии с официальной линией КПСС после смерти Сталина и стали популярными среди населения стран Восточной Европы. Выступление Н. С. Хрущева с разоблачением культа личности Сталина было воспринято в восточноевропейских странах как возможность мирной демократизации режима, а слова о многообразии путей к социализму дали повод для обсуждения проблем суверенитета, что стало одним из оснований для появления национальных вариантов «пути к социализму». Казалось, впервые за много лет стало возможным говорить правду. С таким настроением выступал Ярослав Сейферт на съезде чехословацких писателей в апреле 1956 г.: *«Снова и снова на этом Конгрессе мы слышим о необходимости говорить правду. Это значит, что в предыдущие годы писатели не писали правды ... Теперь с этим покончено. Кошмар закончился»*⁴⁵.

Если в Чехословакии, где коммунисты хранили молчание по поводу недавних репрессий, память о терроре не переросла в политические действия (хотя среди интеллигенции наблюдались «оттепельные» настроения)⁴⁶,

⁴³ Художественная «оттепель» в Польше достигла своего пика в 1957 г., когда возродилась краковская группа под руководством Тадеуша Кантора и была организована Вторая выставка современного искусства в варшавской галерее «Zachęta» («Захента»), а спустя два года – Третья выставка.

⁴⁴ См.: Piotrowski, Piotr. In the Shadow of Yalta: Art and the Avant-garde in Eastern Europe, 1945–1989. University of Chicago Press, 2009.

⁴⁵ Judd, Tony. Postwar... P. 311.

⁴⁶ Так, в своих выступлениях на съезде писатели Ярослав Сейферт и Франтишек Грубин выступили в защиту репрессированных деятелей культуры, за свободу творчества. Их поддержали молодые поэты Йирижи Шотола, Карел Шиктанц, Мирослав Флориан и др., которые выступили

то в Польше и Венгрии полемика о дальнейших путях развития страны вышла за пределы правящей партии. Главным выразителем оппозиционных настроений стало независимое движение творческой интеллигенции, которая выступила с требованием политического и идеологического плюрализма. Председатель Союза польских писателей Антоний Слонимский говорил в апреле на сессии Совета культуры и искусства: *«Дело вовсе не в Сталине, а в социалистическом строе, который неизбежно рождает Сталиных»*⁴⁷. На этом фоне активизировались малые партии, возникли новые формы молодежного движения, в том числе автономное студенческое движение. Хотя в своих требованиях они ограничивались реформами социализма по типу «социализма с человеческим лицом», движение быстро вышло из-под контроля ПОРП, что привело к событиям 28 июня 1956 г. в Познани⁴⁸, которые нашли поддержку в соседней Венгрии. Общим для процессов в Польше и Венгрии была борьба между радикальными и умеренными тенденциями в среде протестующих, а также в той роли, которую сыграли в познаньских волнениях массированная дезинформация, слухи (например, о всеобщем восстании в стране), вносящие в происходящее элементы хаоса. Кроме того, ни у венгерского, ни у польского руководства не было опыта открытых протест-

с программой «поэзии будничного дня». Piotorwski, Piotr. In the Shadow of Yalta. С. 144.

⁴⁷ Цит. по: Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М.: Индрик, 2005. С. 163.

⁴⁸ Познаньские события, неожиданные как для польских, так и для советских лидеров, заметно повлияли на дальнейшую динамику общеполитической ситуации в Польше. См.: Kramer, M. The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings // Journal of Contemporary History. 1998. Vol. 33. № 2. P. 163–214. Показательно, что во время восстания в Познани в июне 1956 г. рабочие разрушили станцию, занимавшуюся глушением западных радиостанций, а в начале декабря — глушительный центр в городе Быдгощ. Другие передатчики, занимавшиеся глушением, прекратили свою деятельность по собственному почину. См.: <http://archive.svoboda.org/50/Files/1957.html> [дата обращения 3.05.2015].

стов и массовых демонстраций, как и отработанных механизмов нейтрализации подобных стихийных проявлений недовольств⁴⁹.

О венгерском восстании написано множество статей и книг — начиная с работ западных ученых и самих участников событий непосредственно после восстания и заканчивая работами, написанными уже после 1989 г. на основе новых архивных материалов. Но одним из первых, кто попытался оценить значение венгерского восстания, был Иштван Бибо. Покинув здание парламента (он был назначен министром культуры 3 ноября), 9 ноября он написал «Tervezet» («Черновик»), который распространялся в форме небольшого памфлета под заголовком «План компромиссного решения венгерской проблемы»⁵⁰. В форме листовок этот документ был расклеен по городу, а Центральный рабочий совет принял его за основу для переговоров с режимом Яноша Кадара⁵¹. Кроме этого и трех других документов, в марте 1957 г. им была написана статья «Magyarország helyzete és a világhelyzet» («Ситуация в Венгрии и в мире»). В ней Бибо характеризует венгерскую революцию как трагедию, как потерянную возможность и как источник надежд. Он обвинял в этой трагедии США и Советский Союз и, в частности, указывая на тот факт, что невмешательство США подорвало веру в американскую политику «освобождения»⁵². Вмешательство же советской стороны было, по его мнению, совершенно лишним, так как никто не планировал восстановление капитализма: *«Экспроприация крупных латифундий, которая*

⁴⁹ Hopf, Ted. Reconstructing the Cold War: The Early Years, 1945–1958. P. 213–214.

⁵⁰ Szilágyi, Sándor. Postscript: István Bibó, Central Europe's Political Therapist // Bibó, István. Democracy, Revolution, Self-Determination. NY: Columbia University Press, 1991. P. 541.

⁵¹ Ibid.

⁵² Bibó, István. The Hungarian Revolution of 1956: Scandal and Hope // Bibó, István. Democracy, Revolution, Self-Determination. P. 333.

была достигнута с помощью коммунистов ... в последнее десятилетие стала настолько завершенным и непреложным фактом, что никто, даже сами революционеры, не имели ни малейшей мысли вернуть их назад»⁵³.

Трагедия заключалась также в том, что с поражением революции была утеряна возможность создания широкого народного фронта, который Бибо рассматривал как наиболее перспективный путь социальных и культурных реформ в Европе. Он верил, что *«история сделала бы большой скачок вперед, если бы могли хотя бы понять, что народный фронт не просто переходный тактический эксперимент»*⁵⁴. Бибо учитывал и те положительные уроки, которые можно было извлечь из поражения революции, в частности, что в революции с требованиями перемен выступили широкие социальные слои, включая молодежь. По его мнению, даже подавленная, революция вселила надежду и дала перспективы для всего мира. Так как вопросы мира и войны волнуют всех, включая и супердержавы, писал Бибо, венгерская ситуация предоставила возможность компромиссного решения и достижения определенных уступок. Венгрия могла стать первым случаем, когда обе мировые державы могли бы *«совместно гарантировать создание социально-политической системы, которая не удовлетворяла полностью обе стороны, но могла бы быть призвана как единственно правильное решение»*⁵⁵.

После событий 1956 г. и последовавших жестоких репрессий и массовой эмиграции, в годы «новой политики» Кадара не появилось сколько-нибудь серьезных попыток публичной критики строя. Тем не менее, все эти годы

⁵³ Schupflin, George and Wood, Nancy (Eds.). In Search of Central Europe. Cambridge. UK: Polity Press, 1989. P. 53.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Bibó, István. The Hungarian Revolution of 1956. P. 350. В самой стране статья распространялась нелегально, на Западе, после того, как ее удалось переправить за границу, была напечатана 8 сентября 1957 г. в венской газете «Die Presse».

представители разных слоев во всех странах Восточной Европы читали те же самые книги — печатавшиеся в типографиях западных стран и распространявшиеся в странах за «железным занавесом», который на поверку оказался не столько железным, сколько нейлоновым⁵⁶.

Самиздат или тамиздат?

Участник самиздатского движения в ГДР Райнхард Вайсхун в передаче на Радио Свобода в 2000 г. вспоминал: *«Мы, когда впервые познакомились с самиздатом, просто обалдели. Эффект производило даже не чтение, а просто осознание, что такое — неподконтрольные властям издания и их распространение — возможно в соцлаге. (“тамиздат”-то мы ведь получали и раньше, из ФРГ). Но русский пример показал, что мы можем делать сами. Для некоторых имело особый смысл и то, что “Эрика”, которая “берет 4 копии”, производилась в ГДР. Шутили: “«Старшему брату» и тут все лучшее...”»*⁵⁷ Показательно, что литература, попадавшая в страну по каналам тамиздата, была для него привычным явлением, как и для многих его коллег из других восточноевропейских стран, хотя часто они его называли «западной публикацией». Миклош Харасты, рассуждая о значении тамиздата, говорил о нем как о необходимом условии возникновения самиздата, обозначая тамиздат как предшествующее явление, необходимое и важное условие, при помощи которого многие идеи западного мира не смогли бы получить должного распространения в интеллектуальной среде⁵⁸.

⁵⁶ Péteri, György. Nylon Curtain – Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State-Socialist Russia and East Central Europe. Trondheim, 2006.

⁵⁷ Разница во времени. Автор и ведущий Владимир Тольц. Радио Свобода. 2000 22 октября (доступно по адресу: <http://archive.svoboda.org/programs/TD/2000/TD.102200.asp> [дата обращения 3.05.2015]).

⁵⁸ Kind-Kovács, F. Written Here, Published There: How Underground Literature Crossed the Iron Curtain. Budapest; N.Y.: Central European Press, 2014. P. 137.

Традиционный подход к самиздату и тамиздату не связывал андеграунд, эмиграцию и «западные издательские» проекты в единый процесс, рассматривая их как автономные сферы общественной жизни. Среди исследователей долгое время преобладало мнение, что по мере расширения аудитории читателей самиздата в процесс распространения этих текстов включились западные и эмигрантские организации, превратив, таким образом, самиздат в тамиздат. Такой подход имеет свои основания, однако документы свидетельствуют о более сложном взаимодействии разных участников этого процесса, ставя под сомнение подход к тамиздату как явлению, производному от самиздата. В действительности, оба явления были сторонами единого процесса. Взаимосвязь, а в некоторых случаях и взаимообусловленность этих явлений, видна уже на примере тех задач и функций, которые самиздат и тамиздат выполняли в данный исторический период. Они не только функционировали как «независимое издательство», но и создали особое сообщество единомышленников, несмотря на идеологические и культурные барьеры, установленные «железным занавесом»⁵⁹.

Существует несколько подходов к определению тамиздата⁶⁰, например, когда в понятие включаются только

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Наиболее известные определения: *«термин тамиздат использовался для обозначения тех книг, которые были опубликованы “там”, то есть за границей, и которые зачастую находили обратный путь ... уже в печатном виде»* (Skilling, H. Gordon. *Samizdat and Independent Society*. Columbus: Ohio State University Press. 1989. P. 66); *«тамиздат — книги, издаваемые за пределами СССР и нелегально распространяющиеся на его территории»* (Pospelovsky D., *From Gosizdat to Samizdat and Tamizdat // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 1978. Vol. 20. P. 44–62). См. также: Kasack, W. *Dictionary of Russian Literature since 1917*. N.Y.: Columbia University Press, 1988. P. 407–408; Ермольцев Д. Тамиздат [доступно по адресу: <http://urokiistorii.ru/history/trad/2009/05/tamizdat> [дата обращения 24.08.2013]]; Cornwell, Neil. *Soviet Literature – Samizdat, Tamizdat and Gosizdat publishing // The Literary Encyclopedia* [доступно по адресу: <http://www.litencyc.com/php/stopics.php?rec=true&UID=1590> [дата обращения 3.05.2015)].

произведения эмигрантских авторов; в другом случае тамиздат рассматривается как печатная продукция, которая, будучи вывезена на Запад, была опубликована западными издательствами и доставлена тем же контрабандным или полуконтрабандным путем обратно в страну, из которой она была вывезена ранее. При этом, вопрос, должен ли классический тамиздат циркулировать в самиздате до того, как он был вывезен из страны, остается открытым; тогда как обязательной характеристикой является неофициальная циркуляция «западного издания» в самиздате после его ввоза в страну⁶¹. Если рассматривать обязательным условием предварительную циркуляцию в самиздате, то «вне тамиздата» остается практически вся эмигрантская литература, а также произведения западных писателей и авторов из других стран советского блока. Кроме того, многим произведениям, напечатанным на Западе с целью распространения их за «железным занавесом», не всегда удавалось преодолеть эту преграду. Таким образом, в отношении тамиздата справедливым кажется замечание о том, что «*рассмотрение истории самиздата в линейном порядке ... было бы грубым упрощением*»⁶². Соответственно, возможны различные подходы к интерпретации тамиздата, когда феномен рассматривается как часть истории эмиграции, как явление культурной диффузии или культурной дипломатии в рамках культуры книгопечатания или теории социальной мобилизации.

Редакторы коллективной монографии «От самиздата к тамиздату» подчеркивают, что текст (письменный или визуальный), одобренный в той или иной форме официальными органами, который не меняет смыслового содержания, достигая своей аудитории, не может рассматриваться как самиздат. Однако тот же самый текст может вы-

⁶¹ Pospelovsky Dmitry. From Gosizdat to Samizdat... P. 44.

⁶² Steiner, Peter. Introduction: On Samizdat, Tamizdat, Magnitizdat, and Other Strange Words That Are Difficult to Pronounce // Poetics Today. 2008. Vol. 29. № 4. P. 615.

полнять функцию самиздата, если происходит изменение обстоятельств, при которых происходило распространение данного текста, то есть при переходе того или иного текста из публичной сферы в частно-публичную. В тамиздат же включаются, по их мнению, все те тексты, которые «отражают мир самиздата на Западе», то есть переизданные за границей произведения самиздата или тексты, которые изначально были изданы на Западе в целях распространения в странах советского блока⁶³. Именно эти книги читали по обе стороны «железного занавеса».

Джозеф Бенатов обращает внимание на еще одну особенность самиздата и тамиздата, отмечая, что среди западной интеллигенции сформировалось особое отношение к неофициальной литературе за «железным занавесом» (tamizdat mentality), которая ассоциировалась с репрессиями и человеческими страданиями; одним из результатов такого отношения стало относительно некритическое восприятие подобной литературы⁶⁴. С другой стороны, произведения самиздата избежали цензуры и самоцензуры (особенно те тексты, которые изначально предназначались для неформального распространения), поэтому они могут считаться коллективными мемуарами неподцензурной художественной и интеллектуальной деятельности этого периода.

В данной статье мы рассмотрим только один из примеров тамиздата, так называемый западный издательский проект, который осуществлялся при поддержке и финансировании со стороны официальных западных структур, преимущественно американских. Несколько десятилетий о дея-

⁶³ Kindl-Kovács, Friederike and Labov, Jessie (Eds.). *Samizdat, Tamizdat, and Beyond Transnational Media During and After Socialism*. New York-Oxford: Berghahn Books, 2013.

⁶⁴ Его статья посвящена попытке Филиппа Рота в своем творчестве преодолеть определенную ограниченность подобного подхода, показав неоднозначность и многообразие практик сопротивления. Benatov, Joseph. *Demystifying the Logic of Tamizdat: Philip Roth's Anti-Spectacular Literary Politics // Poetics Today*. 2009. Vol. 30. № 1. P.107–132.

тельности западных издательств непосредственно для стран Восточной Европы практически ничего не было известно, что было связано с повышенной секретностью, окружавшей эти и подобные организации⁶⁵. Тем не менее, из доступных документов и последних публикаций можно составить предварительную картину деятельности этой программы⁶⁶.

Следует отметить, что результаты этой деятельности, в свою очередь, ставят вопрос о «первичности» самиздата и тамиздата, так как первые издания тамиздата (предназначенные для читателей по ту сторону занавеса) появились уже в начале 50-х гг., задолго до того, как в странах Восточной Европы сложилась система самиздата.

Среди проектов, стоявших у истоков «тамиздата», особая роль принадлежит созданному в 1949 г. «Национальному Комитету за Свободную Европу» (National Committee for a Free Europe; NCFE), который в 1954 г. был переименован в Комитет Свободная Европа (Free Europe Committee, FEC). Одной из важных задач Комитета была работа с перемещенными лицами и национальными диаспорами Восточной Европы⁶⁷. Основное внимание КСЕ уделял созданию каналов распространения информации в восточноевропейские страны, в частности, именно с этой целью в 1949 г. была создана радиостанция «Свободная Европа» (РСЕ). Пробные передачи начались в июле 1950 г. на чеш-

⁶⁵ До сих пор доступ к документам ограничен в силу того, что они относятся к оперативной деятельности ЦРУ США. Из интервью с Т. Блантоном, руководителем Национального архива безопасности. Вашингтон, ноябрь 2011.

⁶⁶ Из публикаций по этой теме следует отметить, прежде всего, вышедшие в последние годы книги: Samizdat, Tamizdat, and Beyond...; Reisch, Alfred. Hot Books in the Cold War: The CIA-Funded Secret Western Book Distribution Program Behind the Iron Curtain. Budapest: CEU Press, 2013; Kind-Kovacs, Friederike. Written Here, Published There...

⁶⁷ См.: Cissie, Dore Hill. Voices of Hope : The Story of Radio Free Europe and Radio Liberty // Hoover Digest. 2001. № 4 (доступно по адресу: <http://www.hoover.org/research/voices-hope-story-radio-free-europe-and-radio-liberty> [дата обращения 3.05.2015]); Puddington, A. Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. Lexington. 2003.

ском языке; регулярные — на других восточноевропейских языках — стали выходить в эфир с мая 1951 г.⁶⁸

Через два года после создания РСЕ было создано подразделение европейской пропаганды (European Propaganda Division), а следом начала свою деятельность издательская секция (Free Europe Press), позже известная как Издательский отдел Свободной Европы (Free Europe Publication Division). Цель перед ними ставилась двоякая: с одной стороны, расширить читательскую аудиторию в социалистических странах, а с другой — продолжить борьбу против распространения идей коммунизма в Европе.

Программа по распространению книг и другой печатной продукции, ставшая известной как «почтовый проект» (Mailing Project), была начата в июле 1956 г.⁶⁹ Сначала речь шла о ежемесячном журнале размером с обычный конверт, экземпляры которого доставлялись при помощи специальных воздушных шаров. Кроме того, дополнительно рассылалось около 10 тысяч писем в месяц, которые отправлялись из Мюнхена и других западноевропейских городов по индивидуальным адресам, найденным в телефонных и других справочниках⁷⁰.

«Почтовый проект» начался с рассылки 83 изданий по 6538 адресам в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польше и Румынии (среди них преобладали материалы о событиях польской «оттепели»⁷¹). В основном это были за-

⁶⁸ В 1951 г. появилась радиостанция «Освобождение» (первая передача состоялась 1 марта 1953 г.), в мае 1959 г. она была переименована в радиостанцию «Свобода» (РС).

⁶⁹ Идея распространения литературы обсуждалась уже в 1954 г. в рамках программы Информационного агентства (ИАСШ). USIA Action Plan «Curtain (USSR)». December 11, 1954. EO-1999-00102. NARA, College Park, MD. В 1957 г. программой руководил Сэмюэл Уолкер.

⁷⁰ Cummings, Richard H. Balloons Over East Europe: The Cold War Leaflet Campaign of Radio Free Europe // The Falling Leaf Magazine. 1999. Vol. 42. № 166.

⁷¹ Mailing Project Activities, Monthly Report № 1, July 1957. P. 1-6 // HU OSA 312-0-4 Copies of Archival Materials, 1956–1990. Alfred Reisch Collection.

падные издания по культурной, экономической и научной тематике, и только несколько книг были на политические темы. Одну треть посылок составляли книги, остальное — статьи из разных журналов (большинство на языке оригинала — английском или французском); несколько небольших статей были переведены на восточноевропейские языки. Отправляемые за «железный занавес» книги, статьи и брошюры ставили своей целью показать возможные перспективы либерализации, но не в «назидательном» тоне открытой пропаганды, а в большей степени через демонстрацию свободного обсуждения самых различных проблем в западной литературе и прессе. Соответственно, посылки содержали книги по истории западных стран, философии; по экономике и современному капитализму, включая книги и статьи по правам рабочих, истории профсоюзного и западного социалистического движения; а также впечатления и мнения западных авторов о России и странах Восточной Европы; запрещенные произведения и публичные выступления коммунистов и бывших членов компартий; критические материалы, написанные восточноевропейскими авторами; книги по истории и политике Советского Союза и стран советского блока. Тем самым отправители стремились спровоцировать читателей на сравнения реалий коммунизма и капитализма.

Через три месяца уже было отправлено 21 488 книг, из них основная масса направлялась в Польшу (книги на польском языке, к примеру, включали в себя произведения Джорджа Оруэлла «1984» и Раймона Арона «Опиум интеллектуалов»). В список из 42 наименований вошли также речь Н. Хрущева на XX съезде КПСС, «Zniewolony umysł» («Порабощенный разум») и «Zdobycie władzy» («Захват власти») Чеслава Милоша, произведения Милована Джиласа, Сидни Хука, Альбера Камю, Олдоса Хаксли; а также статьи газет «Борба» (Югославия), «Avanti» (Италия), «The New York Times» (США), «Times» (Великобритания), «Le Mond» (Франция). Дополнительно

было выслано 200 копий немецкого журнала «Der Monat» с предложением бесплатной подписки, а 124 польским ученым была предложена годовая подписка на журнал «The Virginia Quarterly Review». Кроме того, 15 200 копий каталога издательства «Довер» (Dover Publications) были отправлены в Чехословакию с сопроводительным письмом от издателя о возможности отправки публикаций на основе соответствующего заказа.

Практика бесплатных подписок была продолжена и в последующие годы. За первые полгода 34 % изданий было отправлено в Польшу, 26 % — в Болгарию, 18 % — в Румынию, остальные — в Венгрию и Чехословакию⁷². Отчеты показывают, что программа развивалась успешно: рос объем рассылок и увеличивался список названий. На основе отчетов можно составить предварительное представление об основных географических центрах (в редких случаях упоминаются конкретные организации) и жанровом разнообразии. В качестве отправителей указывались самые разные организации, находившиеся в таких западноевропейских городах как Лондон, Париж, Берлин, Амстердам, Афины, Рим, Вена, Мюнхен. В феврале 1957 г. насчитывалось уже 24 таких центров в 14 странах Западной Европы и Северной Америки; дополнительно были задействованы города в Швейцарии: Берн, Женева, Лозанна, Цюрих, а также Лунд, Стокгольм и Копенгаген для отправки материалов в прибалтийские страны⁷³.

Руководство программы с самого начала большое внимание уделяло перспективам развития проекта. Так, через пять месяцев после начала программы его руководитель, Сэмюэл Уолкер, директор «Free Europe Press», под чьим руководством осуществлялся проект, направил меморан-

⁷² Mailing Project Activities, Monthly Report № 6, December 1956 // HU OSA 312-0-4 Copies of Archival Materials, 1956–1990.

⁷³ Из 23 посылок, отправленных в мае 1964 г. в Эстонию, 14 были отправлены из Стокгольма. Mailing Project Activities, Monthly Report № 94, May 1964. Ibid.

дум, в котором он предлагал внести некоторые изменения. По его мнению, основной упор необходимо было сконцентрировать усилия на оказание влияния на «контролирующие органы» в странах Восточной Европы при помощи «точечных» почтовых рассылок и других способов доставки. Так как «фронтальные атаки на коммунизм» не могли достичь желаемых результатов, *«западная пропаганда должна найти новые области для дискуссий»*, которые могут быть приемлемы как для широких масс населения, так и для партийных лидеров. По его мнению, такие рассылки могли бы способствовать распространению идей свободы как среди управленческого персонала высших эшелонов власти и среднего звена, так и среди представителей интеллигенции, включая студенческую молодежь⁷⁴. Трудно сказать, насколько оправдан был такой подход в целом, но среди государственно-партийной элиты были читатели такой литературы⁷⁵.

Эти и другие предложения были учтены, и в 1959 г. программа была реорганизована в специальный отдел (Free Europe Organization and Publication; FEOP), руководителем которого стал Джордж Минден⁷⁶. На решение о реорганизации программы также повлияли события 1956 г. в Польше и в Венгрии, которые заставили руководство западных организаций пересмотреть эффективность своей

⁷⁴ Memorandum by S. S. Walker to FEC President General W. Crittenberger, February 26, 1957. Ibid.

⁷⁵ В частности, об этом говорил Владимир Толыз в своем выступлении на конференции в Вене: Tamizdat among readings of Soviet elite (1950–1960s). International conference «From Samizdat to Tamizdat», 2006. IWM, Vienna.

⁷⁶ Джордж С. Минден родился в Румынии в 1920 г., там же получил диплом юриста; в 1947 г. эмигрировал сначала в Великобританию, а затем в США, в 1955 г. начав работать на радиостанции «Свободная Европа». В 1963 г. он был назначен директором издательского отдела. Когда в связи со скандалом вокруг финансирования радиостанций издательский отдел был выведен из РСЕ под «прикрытие» Международного консультативного совета, Минден стал его президентом. В 1975 г. этот проект был объединен с другим издательским проектом радиостанции «Свобода» и стал известен как Международный литературный центр (МЛЦ).

деятельности с учетом недопущения каких-либо провокаций и насильственных действий в странах Восточной Европы⁷⁷.

Минден оставался руководителем проекта вплоть до сентября 1991 г., когда было принято решение о закрытии Международного литературного центра. За 35 лет существования проекта (включая программу для Советского Союза), по оценке Миндена, было распространено около 10 миллионов изданий. В последние годы ежегодно распространялось около 300 тысяч книг, из которых 55 % было для Советского Союза и 40 % – для стран Восточной Европы, в 1990 г. общая цифра составила 316 020 изданий. В программе работало 10 человек, общий бюджет составлял на 1990 г. более двух миллионов долларов⁷⁸.

Для успеха программы особую ценность имели персональные контакты⁷⁹; документы подчеркивают необходимость установления доверительных отношений между всеми занятыми в этой цепи, начиная от поставщиков, продавцов, представителей самой программы и заканчивая получателями книг, которые, как подчеркивалось, «*обращаясь к нам, ожидают помощи, подсказки и информации, а не только политической литературы*»⁸⁰. Подобные контакты устанавливались в основном через библиотеки, книжные магазины, издательства, клубы и другие культурные организации. Кроме издательств, которые действовали через своих международных дистрибьюторов, в циркуляции тамиздата участвовали многочисленные посетители (жители восточноевропейских стран, которые находились за рубежом по личным делам или в командировке). Из доку-

⁷⁷ Reisch. Alfred. Hot Books... P. 18.

⁷⁸ Minden, G. S. ILC. A Short Description of Its Structure and Activities. September 1, 1991 // HU OSA 312-0-4 Copies of Archival Materials, 1956–1990.

⁷⁹ В дальнейшем распространение продукции по системе Person-to-Person составляло примерно четверть от всей рассылки.

⁸⁰ Mailing Project Activities, Monthly Report № 6, December 1956 (January 9, 1957). Ibid.

ментов следует, что среди тех, кто участвовал в транспортировке книг на Восток, были, прежде всего, представители творческой интеллигенции, специалисты (в частности, врачи), студенты⁸¹. Кроме того, использовались и другие каналы: к примеру, книги и периодику передавали через моряков и рыбаков, которые служили на судах, приходивших в порты Шотландии⁸².

Работники издательств понимали опасности, связанные с нелегальной транспортировкой печатных изданий, поэтому любые контакты и желание со стороны жителей Восточной Европы нести эти риски высоко ценились. Они уже сами по себе были свидетельством востребованности подобной литературы, о чем сообщали представители издательства, приводя в своих отчетах примеры из переписки с читателями⁸³. Так, в письме от 1959 г. из Брюсселя сообщалось, что наибольшим спросом у посетителей пользуется книга Бориса Пастернака «Доктор Живаго»; из Рима передавали, что интересуются «сильной политической литературой», называя воспоминания генерала Владислава Андерса, книги Милована Джиласа и Бориса Пастернака. Парижский представитель писал о том, какой популярностью пользуется это произведение, все еще не изданное в Советском Союзе: *«Примерно одна треть книг, розданных*

⁸¹ В отличие от советских граждан, жители восточноевропейских стран имели гораздо больше возможностей для путешествий за границу и общения с коллегами и родственниками, которые проживали в странах Запада.

⁸² Интересно отметить, что еще в середине 1970-х гг. одной из основных перевалочных баз для транспортировки книжной продукции и самиздата стала Швеция. Юзеф Лебенбаум, представитель польской эмиграции в Лунде, наладил транспортировку через Треллеборг и Истад; а более крупные посылки отправлялись морским путем на борту частных яхт и лодок. См.: Stöcker, Fredrik Lars. *The Baltic Connection: Transnational Samizdat Networks between Émigrés in Sweden and the Democratic Opposition in Poland // Samizdat, Tamizdat, and Beyond...* P. 51–69.

⁸³ А. Рейш посвятил пять глав своей недавно вышедшей книги (см.: Reisch A. *Hot Books...*) анализу писем из пяти основных восточноевропейских стран, куда отправлялись книги и периодика.

в этом месяце, это экземпляры “Доктора Живаго”. Это подтверждает тот спрос, каким эта книга пользуется среди посетителей и из Польши»⁸⁴. Большинство посетителей, которые по своей инициативе запрашивали это произведение, признавались, что один из мотивов такого интереса связан с историей вокруг книги (то, что она запрещена, и то, что издана за рубежом), хотя многие читатели нашли ее «скучной». В целом это свидетельствовало, как справедливо отметил и автор документа, о том, что польские читатели стремились найти в книге «политическое содержание».

Идея личных обменов, на которой основывалась программа (Person-to-Person Program), то есть передача книг и другой печатной продукции через личные контакты, была не единственным способом распространения. В частности, использовались букинистические магазины, в основном в столичных и крупных городах. Вполне естественно, что подобные книги долго на полках не задерживались⁸⁵. В издательстве знали о такой форме распространения; в 1959 г. сообщалось, что наиболее популярными являются антикварные и букинистические магазины, где на книжных развалах можно найти книги Милоша, Джиласа, Андерса. Среди авторов упоминался и Пастернак. Особо отмечалось, что многие книги покупаются «из-под полы», нелегально. Не был забыт и другой способ распространения книжной продукции — почтовым переводом. Так, в отчете за декабрь 1964 г. указывалось, что всего за год было отправлено 167 474 издания, из них 107 460 адресатов подтвердили получение⁸⁶. Ответы, которые были полу-

⁸⁴ Mailing Project Activities, Monthly Report № 6, December 1956 // HU OSA 312-0-4 Copies of Archival Materials, 1956–1990.

⁸⁵ Подобный случай описывает Р. Шварц, который нашел в букинистическом магазине в Будапеште книгу Оруэлла «1984». Kind-Kovács. Radio Free Europe and Radio Liberty as the 'Echo Chamber' of Tamizdat // Samizdat, Tamizdt and Beyond... P. 76.

⁸⁶ Mailing Project Activities, Monthly Report № 101, December 1964 // HU OSA 312-0-4 Copies of Archival Materials, 1956–1990. В документах программы за период с 1956 по 1959 г. хранятся примерно 40 ежемесяч-

чены на рассылку в адрес ряда европейских издательств, свидетельствовали о том, что какая-то часть книг достигла своих адресатов.

Тематическое разнообразие отправляемой книжной продукции, на необходимость которого указывалось в документах, поддерживалось за счет включения большего количества литературы по вопросам культуры; пропагандировались западные достижения в музыке, изобразительном искусстве, архитектуре, литературе; в списки рассылок включались книги по истории западных идей, философии. Подобного рода литература составляла наибольший объем посылок в последующие годы⁸⁷. Так, в прибалтийские страны отправлялись книги на французском языке по истории и теории культуры⁸⁸; в Польшу и Чехословакию, помимо западной литературы преимущественно на английском языке, отправлялись периодика и публикации на родном

ных отчетов, в которых указываются названия и количество копий книг и других изданий, которые были отправлены (как на языке оригинала, так и в переводе) в восточноевропейские страны. Кроме того, каждая запись сопровождается кратким изложением содержания, данными о предполагаемой целевой аудитории, с указанием, какая цель преследуется тем или иным произведением, журналом, статьей, каталогом и т.д. Отчеты за период 1973–1991 гг. по-прежнему находятся под грифом «секретно». Matthews, J. P.C. *The West's Secret Marshall for the Mind* // *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence*. 2003. Vol. 16, № 3. Дж. Мэтьюс — бывший директор издательского отдела в Мюнхене издательства «Свободная Европа».

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Так, 6 экземпляров книги: Scuphor, Michel. *Dictionnaire de la peinture abstraite: précédé d'une histoire de la peinture abstraite* (1957) были отправлены из Парижа в библиотеки и университеты в Эстонии (в электронных каталогах эстонских библиотек зафиксированы 4 экземпляра), а копии: Ragon Michel. *Où vivrons-nous demain?* (1953) были адресованы архитекторам в Литве и Латвии; а также 100 экземпляров книги Citron Pierre. *Bartok* (1963) получили редакции журналов, культурные и музыкальные центры. Среди других книг, отправленных в 1964 г. — Delaunay, Robert. *Du cubisme à l'Art abstrait* (1958); Corvin, Michel. *Le Théâtre Nouveau en France* (1963); Freedman, Leonard. *Looking at Modern Painting* (1963); и др. Mailing Project Activities, Monthly Report № 93; Monthly Report № 94 // HU OSA 312-0-4 Copies of Archival Materials, 1956–1990.

языке, изданные преимущественно эмигрантскими издательствами⁸⁹. Помимо художественной литературы, восточноевропейским читателям предлагался широкий выбор политической, исторической, философской литературы (в основном — переводы западных авторов).

О развитии программы свидетельствовали и те изменения, которые предпринимались для улучшения дистрибутивной сети. Практически с самого начала проекта появились национальные редакции; то есть книги издавались целенаправленно для отдельных восточноевропейских стран — Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии, а также прибалтийских стран⁹⁰. Большое внимание уделялось переводам произведений на другие европейские языки, чтобы дать возможность читателям «порабощенных наций» быть в курсе литературных и политических событий соседних стран⁹¹. Так, представители польской диаспоры в Великобритании основали издательство «Polonia Book Fund», которое издавало литературу, предназначенную, прежде всего, для польского читателя⁹². Помимо переводов, издания и пересылки печатной продукции, участники проекта видели свою миссию в том, чтобы информировать население Польши о своей соли-

⁸⁹ В списке встречаются такие названия, как «Kultura» («Культура»), «Svědectví» («Свидетельство»), а также «Tematy» («Темы»), журнал «Arena» («Арена»), издававшийся в Лондоне ПЕН Центром для писателей в эмиграции, и др.

⁹⁰ До 1975 г. отправкой книг в Советский Союз занимался специальный отдел на радиостанции «Свобода». Reisch, Alfred. *Ideological Warfare During the Cold War // Military Power Revue der Schweizer Armees*. 2008. № 3. P. 44.

⁹¹ В частности, были переведены на польский, чешский, венгерский, румынский и болгарский язык «Новый класс» М. Джиласа и «Скотный двор» Дж. Оруэлла.

⁹² Основателем издательства стал Анджей Стыпулковский (Andrzej Stypułkowski, 1929–1981), участник Варшавского восстания, эмигрировавший в Великобританию в ноябре 1945 г. Помимо руководства издательством «Polonia Book Fund», в 1963–1971 гг. он издавал журнал «Полемика» (1963–1971), а в 1964 г. основал издательство «Overseas Publications Interchange Ltd.», которое печатало книги на русском языке.

дарности и о том, что на Западе существует достаточно большая группа людей, которые готовы принять участие в их усилиях изменить режим. В одном из докладов 1959 г. отмечалось, что «Rocznik Polonii» (Ежегодник «Поляки за рубежом», Лондон) стал сенсацией здесь. Люди в Польше не имели представления, что так много польских организаций, фирм, клубов и т. д. существует на Западе⁹³.

Наиболее сложную категорию для анализа неподцензурной печати представляют читатели подобной литературы. Тем не менее, отчеты, регулярно составлявшиеся на протяжении всей деятельности проекта, дают информацию, на основе которой можно сделать некоторые предварительные выводы о социальном и профессиональном составе читающей публики тамиздата. Так, сводная таблица за 1964 г. «Анализ писем от подтвердивших получение книг» («Analyses of letters acknowledging receipt of books») содержит следующие категории «получателей» (и потенциальных читателей): библиотеки, государственные учреждения, периодические издания, культурные учреждения, другие организации, преподаватели и учителя, писатели, журналисты, социологи и историки, экономисты, медицинские работники, представители технической интеллигенции, юристы, художники, студенты, духовенство, официальные представители партии и правительства, другие. При этом количество копий, отправляемых в разные страны в разные годы, варьировало достаточно сильно; например, в 1964 г. в Польшу было отправлено 40 040 книг, а в Венгрию, Румынию, Болгарию и Литву соответственно — 21 946, 4533, 3256 и 638 книг. Разумеется, что необходимы дальнейшие исследования, чтобы сделать более обоснованные выводы. Важным источником для такого анализа могли бы стать письма, которые поступали в нью-йоркский книжный центр (New York Book Center), но они,

⁹³ Kind-Kovács, Friederike. Radio Free Europe and Radio Liberty as the 'Echo Chamber' of Tamizdat // Samizdat, Tamizdat and Beyond... P. 78.

к сожалению, не уцелели. Однако существуют многочисленные выписки из этих писем, подготовленные редакторами национальных программ и переведены на английский язык⁹⁴.

Анализ, проведенный Альфредом Рейшем, свидетельствует о том, что, несмотря на цензуру, многие книги достигали своих адресатов, которые, по просьбе отправителей, сообщали, какие из книг были доставлены; а некоторые заказывали дополнительные издания. К примеру, из 4344 писем, полученных программой в 1964 г., 1671 содержали заказы⁹⁵. Многие из отправляемых публикаций, особенно на политические темы, носили проблематичный характер с точки зрения советского цензора, и такие издания, действительно, иногда не пропускались цензурой. Тем не менее, большинство книг все-таки было получено⁹⁶. Список организаций и лиц, которые подтвердили получение книг, составленный на основе этой выборки, может дать более детальное представление о читателях тамиздата. Важно отметить, что адресатами и получателями были как отдельные лица, так и организации, в том числе, к примеру, Польский Союз журналистов, Военно-политическая академия в Варшаве, Исследовательский институт по экономическому планированию, библиотека при Школе экономики в Праге. Чехословацкий Институт истории Коммунистической партии прислал благодарность за книгу С. Э. М. Джоада «Путеводитель по философии» (Joad, С. Е. М. Guide To Philosophy), а глава отдела международных отношений чехословацкого радио выра-

⁹⁴ Reisch. Hot Books... P. 309.

⁹⁵ Mailing Project Activities, Monthly Report № 101, December 1964 // HU OSA 312-0-4 Copies of Archival Materials, 1956-1990.

⁹⁶ Среди этих книг, к примеру, были работы Жерара Розенталя о Григории Зиновьеве (*Mémoire pour la réhabilitation de Zinoviev: (L'Affaire Kirov)*, 1962), сборник статей под редакцией Леопольда Лабедза и Уолтера Лакера «Будущее коммунистического общества» (1962), «Советская история Второй мировой войны» М. П. Галлахера (1963), книга «Новое лицо советского тоталитаризма» Адама Улама (1963) и многие другие. Ibid.

зил признательность за книгу «Конгресс и президентство» Нелсона Полсби (Polsby, Nelson Woolf. Congress and the Presidency) и заказал «Современный политический анализ» Роберта Даля⁹⁷. Интересно отметить, что в издательство также обращались специалисты по истории и культуры других стран, чтобы получить необходимые для работы книги и периодики; в частности, Ярослав Валента из Чешской Академии наук попросил прислать журнал польской эмиграции «Polemiki», издаваемый в Лондоне⁹⁸.

Даже небольшой экскурс в историю самиздата и тамиздата свидетельствует о сложности и многоплановости феномена неподцензурной печати позднесоветского периода. Возникнув как западный «издательский проект», система тамиздата стала важным источником культурного влияния, особым информационным каналом, которым пользовались не только инакомыслящие, но более широкие круги населения в Восточной Европе. Разнообразие поступавшей продукции — от медицинских справочников до альбомов сюрреалистов — позволяло быть в курсе последних достижений Запада в этих областях. Разумеется, что политические по характеру и содержащие критику социализма книги передавались более секретными путями.

Таким образом, даже на ранних этапах «холодной войны» страны Восточной Европы не существовали в информационном вакууме, и «железный занавес» не мог остановить культурный обмен, который сначала обеспечивался усилиями западных издательских проектов и продукций тамиздата. Через некоторое время к этому обмену присоединился самиздат, ставший своеобразным «встречным» потоком информации о жизни за «железным занавесом», о «параллельном полисе» и «второй культуре», о существовании которых умалчивали официальные средства информации.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Reisch. Hot Books...

Библиографический список

1. Békés, Csaba. (Ed.) Selected Hungarian Documents on Radio Free Europe, 1963–1979 (доступно по адресу: http://www.coldwar.hu/html/en/doc_collection/rfe/rfe_pdf/rfe_02.pdf [дата обращения 10.05.2015]).
2. HU OSA 300-8-3 Background Reports Collection. Records of the RFE/RL Research Institute.
3. HU OSA 300-50-6 Interviews with Józef Światło. Polish Underground Press. Records of RFE/RL Research Institute.
4. HU OSA 312-0-4 Copies of Archival Materials, 1956-1990. Alfred Reisch Collection.
5. Винокурова И. «Всего лишь гений...»: судьба Николая Глазкова. М.: «Время», 2008.
6. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010.
7. Зубкова Е. Ю. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» // История Отечества: люди идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991.
8. Ермольцев, Д. Тамиздат (доступно по адресу: <http://urokiistorii.ru/history/trad/2009/05/tamizdat> [дата обращения 10.05.2015]).
9. Разница во времени. Автор и ведущий Владимир Толыч. Радио Свобода. 2000. 22 октября (доступно по адресу: <http://archive.svoboda.org/programs/TD/2000/TD.102200.asp> [дата обращения 10.05.2015]).
10. Райнер М. Я. Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. М.: Логос, 2006.
11. Омри Ронен. Balázs. Из города Энн // Звезда. 2011. № 3.
12. Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М.: Индрик, 2005.
13. Савицкий С. А. Из подполья в андеграунд: история синонимических названий позднесоветской неофициальной культуры // Обсерватория культуры. 2012. № 5.

14. Страницы одного журнала. In memoriam Nyugat. 1908–1919 // Стихи. Публицистика. Составила и перевела с венгерского Майя Цесарская. М.: Водолей Publishers, 2009.
15. Стыкалин А. Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // Неприкосновенный запас. 2007. № 6.
16. Стыкалин А. Дёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. № 1.
17. Шерлаимова С. А. Литература «Пражской весны»: до и после. М.: Институт славяноведения РАН, 2002.
18. Abrams, Bradley. Hope Died Last: The Czechoslovak Road to Socialism // Tismaneanu, Vladimir. (Ed.). Stalinism Revisited: The Establishment of Communist Regimes in East-Central Europe. Central European University Press, 2009.
19. Banac, Ivo. With Stalin Against Tito: Cominformist Splits in Yugoslav Communism. Cornell University Press, 1988.
20. Benatov, Joseph. Demystifying the Logic of Tamizdat: Philip Roth's Anti-Spectacular Literary Politics // Poetics Today. 2009. Vol. 30. № 1.
21. Berend, Ivan T. Central and Eastern Europe 1944–1993. Detour from the periphery to the periphery. Cambridge University Press, 2005.
22. Bibó, I. The Hungarian Revolution of 1956: Scandal and Hope // Bibó, István. Democracy, Revolution, Self-Determination. NY: Columbia University Press, 1991.
23. Cissie, Dore Hill. Voices of Hope: The Story of Radio Free Europe and Radio Liberty // Hoover Digest. 2001. № 4 (доступно по адресу: <http://www.hoover.org/research/voices-hope-story-radio-free-europe-and-radio-liberty> [дата обращения 10.05.2015]).
24. Cornwell, Neil. Soviet Literature – Samizdat, Tamizdat and Gosizdat publishing // The Literary Encyclopedia.
25. Cummings, Richard H. Balloons Over East Europe: The Cold War Leaflet Campaign of Radio Free Europe // The Falling Leaf Magazine. 1999. Vol. 42. № 166.

26. Downing, John D. H. (Ed.). *Encyclopedia of Social Movement Media*. SAGE, 2010.
27. Gluck, Mary. *Georg Lukács and His Generation, 1900–1918*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
28. Gottlieb, Erika. *Dystopian Fiction East and West: Universe of Terror and Trial*. McGill-Queen's University Press, 2001.
29. Gömöri, György. *Cultural and Literary Developments: Poland and Hungary // Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1958. Vol. 317. *The Satellites in Eastern Europe*.
30. Harrison, H. M. *Driving the Soviets Up the Wall: Soviet-East German Relations, 1953–1961*. Princeton University Press, 2003.
31. Hodos, George H. *Show Trials: Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948–1954*. Greenwood, 1987.
32. Holý, Jiří. *Writers Under Siege: Czech Literature since 1945*. Thornhill: Sussex Academy Press, 2010.
33. Hopf, Ted. *Reconstructing the Cold War: The Early Years, 1945–1958*. Oxford University Press, 2012.
34. Ignotus, Paul. *The Revolution of the Word // Encounter*, April 1957.
35. Judt, Tony. *Postwar: A History of Europe Since 1945*. New York: The Penguin Press, 2005.
36. Mason, John W. *The Dissolution of the Austro-Hungarian Empire, 1867–1918*. [1. Edition]. Longman, 1997.
37. Matthews, J. P.C. *The West's Secret Marshall for the Mind // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence*. 2003. Vol. 16, № 3.
38. Kasack, W. *Dictionary of Russian Literature since 1917*. N.Y.: Columbia University Press, 1988.
39. Kind-Kovács, Friederike and Labov, Jessie (Eds.). *Samizdat, Tamizdat, and Beyond. Transnational Media During and After Socialism*. New York-Oxford: Berghahn Books, 2013.
40. Kind-Kovács, Friederike. *Radio Free Europe and Radio Liberty as the 'Echo Chamber' of Tamizdat // Samizdat*,

- Tamizdat and Beyond. Transnational Media During and After Socialism. New York-Oxford: Berghahn Books, 2013.
41. Kind-Kovács, F. *Written Here, Published There: How Underground Literature Crossed the Iron Curtain*. Budapest; N.Y.: Central European Press, 2014.
 42. Kolchinsky, I. Last Futurists: 'Nebyvalists' and Their Leader Nikolai Glazkov // *Slavic and East European Journal*. 1999. Vol. 43. № 1.
 43. Kramer, M. The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings // *Journal of Contemporary History*. 1998. Vol. 33. № 2.
 44. Kundera, Milan. *Žert*. Prague, 1969.
 45. Ostermann, Christian F. and Byrne, Malcolm. *Uprising in East Germany, 1953*. Budapest: Central European University Press, 2001.
 46. Péteri, György. *Nylon Curtain – Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State-Socialist Russia and East Central Europe*. Trondheim, 2006.
 47. Piotrowski, Piotr. *In the Shadow of Yalta: Art and the Avant-garde in Eastern Europe, 1945–1989*. University of Chicago Press, 2009.
 48. Pospelovsky, Dmitry. From Gosizdat to Samizdat and Tamizdat // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 1978. Vol. 20. №
 49. Prazmowska, Anita J. *Civil War in Poland, 1942–1948*. Palgrave Macmillan, 2004.
 50. Puddington, A. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. Lexington, 2003.
 51. Ramet, Sabrina P. (Ed.). *Eastern Europe: Politics, Culture and Society since 1939*. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 1998.
 52. Rees, Laurence. *World War Two: Behind Closed Doors: Stalin, The Nazis and The West*. London: Ebury Publishing, 2008.
 53. Reisch, Alfred. *Ideological Warfare During the Cold War // Military Power Revue der Schweizer Armee*. 2008. № 3.

54. Reisch, Alfred. *Hot Books in the Cold War: The CIA-Funded Secret Western Book Distribution Program Behind the Iron Curtain*. Budapest: CEU Press, 2013.
55. Schöpfli, George. and Wood, N. (Eds.). *In Search of Central Europe*. Cambridge. UK: Polity Press, 1989.
56. Skilling, H. Gordon. *Samizdat and Independent Society*. Columbus: Ohio State University Press, 1989.
57. Snyder, T. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. Basic Books, 2010.
58. Steiner, Peter. Introduction: On Samizdat, Tamizdat, Magnitizdat, and Other Strange Words That Are Difficult to Pronounce // *Poetics Today*. 2008. Vol. 29 № 4.
59. Stöcker, Fredrik Lars. *The Baltic Connection: Transnational Samizdat Networks between Émigrés in Sweden and the Democratic Opposition in Poland // Samizdat, Tamizdat, and Beyond. Transnational Media During and After Socialism*. New York-Oxford: Berghahn Books, 2013.
60. Szilágyi, Sándor. *Postscript: István Bibó, Central Europe's Political Therapist // István Bibó. Democracy, Revolution, Self-Determination*. NY: Columbia University Press, 1991.
61. Šmejkalová, Jiřina. *Cold War Books in the "Other" Europe and What Came After*. Leiden-Boston: Brill, 2011.
62. Taylor, F. *The Berlin Wall: 13 August 1961 – 9 November 1989*. Bloomsbury, 2006.
63. Zsuffa, J. Béla Balázs: *The Man and the Artist*. University of California Press, 1987.

Венгерский самиздат 1950-х — 1980-х гг. в широком общественно-историческом контексте

*Стыкалин Александр Сергеевич /
Stykalin Alexandr
к. и. н., ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН /
PhD, coordinating research fellow, Institute of Slavonic
Studies, Russian Academy of Sciences
zhurslav@gmail.com*

Аннотация: В статье предпринята попытка показать на широком общественно-историческом фоне эволюцию венгерского самиздата эпохи коммунизма начиная от его возникновения в условиях анти-totalитарной революции осени 1956 г. и вплоть до конца 1980-х гг., когда режим Яноша Кадара в Венгрии со всей закономерностью разделил судьбу других коммунистических режимов Восточной Европы, а сеть нелегальных печатных изданий, возникших под влиянием чехословацкой Хартии-77 и особенно польских событий 1980–1981 гг., плавно интегрируется в систему СМИ посткоммунистической Венгрии.

Summary: The article exposes in a broader historical context the evolution of the Hungarian Samizdat since the antitotalitarian revolt of Autumn 1956 till the end of 1980-es when the regime of János Kádár in Hungary failed giving its place (as well as the communist regimes in other Eastern-European countries) to pluralist models. The network of illegal editions in Hungary arose under the influence of the Charter-77 in Czechoslovakia and especially of the Polish events of 1980-1981 in late 1980-es integrated fluently into Mass-Media system of the post-communist Hungary.

Ключевые слова / Key words: Венгрия, социализм в Восточной Европе, Янош Кадар, венгерские события 1956 г., революции конца 1980-х годов в Восточной Европе, Hungary, Socialism in Central-Eastern Europe, János Kádár, the Hungarian revolt of 1956, the revolutions of the late 1980-es in Central-Eastern Europe.

С установлением в Венгрии в 1948 г. коммунистической диктатуры сталинского типа власть всецело берет под контроль средства массовой информации. С вытеснением с политической арены оппозиционных партий ликвидируется их пресса. После ареста в конце 1948 г. харизматичного главы венгерской католической церкви кардинала Йозефа Миндсенти резко ограничивается, ставится в жесткие рамки цензуры любая издательская деятельность церквей (не только католической, но и протестантских)¹. В 1949–1950 гг. закрываются последние независимые общественно-политические и литературно-художественные «толстые» журналы, выступавшие в качестве трибуны гуманитарной и творческой интеллигенции левого и леволиберального толка — программные представления о социализме, отстаивавшиеся со страниц этих журналов, вступали во все более видимое противоречие с той концепцией тоталитаризма левой окраски, которая восторжествовала в Венгрии на рубеже 1940-х — 1950-х гг. Перестали выходить среди прочего журнал «Форум», который де-факто редактировал всемирно известный философ-марксист Дьёрдь Лукач, подвергнутый в 1949–1950 гг. жесткой идеологической проработке, а также влиятельный журнал левых писателей-народников «Валас» (“Válasz”, «Ответ»).

Некоторые цензурные послабления произошли после смерти Сталина, что было отчасти связано с приходом на пост премьер-министра (с разрешения Москвы) известного своим «правоуклонизмом» коммуниста, экономиста-аграрника Имре Надя. Однако его реформаторская программа, нацеленная на рационализацию экономического механизма и придание более человеческого лица коммунистической диктатуре, слишком опережала свое время, что привело к отстранению И. Надя со своих постов

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории». Подробнее о его судьбе см.: Стыкалин А.С. Кардинал Миндсенти // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 38–58.

весной 1955 г. и его опале, продолжавшейся вплоть до драматических октябрьских событий 1956 г.² Даже в бытность И. Надя премьер-министром в 1953–1955 гг. и речи не было об освобождении венгерской прессы из-под контроля правящей партии. С другой стороны, после отстранения И. Надя и приостановки реформ именно журналистское сообщество (Союз журналистов, редакции ряда центральных, в том числе партийных газет, журналистские парторганизации) особенно активно выступило за сохранение и продолжение реформаторского курса, вступив в острый конфликт с лидером правящей партии М. Ракоши и его контрреформаторским окружением³. XX съезд КПСС 14–25 февраля 1956 г.), его программные декларации о многообразии форм перехода к социализму и т.д. и особенно резкая критика Н.С. Хрущевым сталинской политической практики придали новые импульсы сторонникам обновления социализма в Венгрии, как и в других странах советского блока. В условиях общественного подъема весны-лета 1956 г. в центре читательского внимания находился еженедельник Союза венгерских писателей «Иродалми уйшаг» (“Irodalmi Újság”, «Литературная газета»), предоставивший трибуну целому ряду ярких публицистов, поднимавших животрепещущие общественные проблемы⁴.

² См. о его деятельности: Райнер Янош М. Имре Надь — премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М.: Логос, 2006.

³ См. подробно: Стыкалин А.С. Венгерский кризис 1956: к вопросу о роли журналистского сообщества // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 3. История и сообщества. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 113–139.

⁴ О месте этого издания в литературной жизни Венгрии 1953–1956 гг. см.: Rainer M. János. Az író helye. Viták a Magyar irodalmi sajtóban 1953–1956. Budapest (далее — Вр.), 1990. См. также: Серeda В.Т., Стыкалин А.С. Из истории одного противостояния: союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 50-х годов // Политические кризисы и конфликты 50-60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 93–145. После подавления революции 1956 г. выпуск «Иродалми уйшаг» был возобновлен

Жаркие общественные дискуссии не ограничивались страницами прессы, перекидывались на публичные форумы. Наиболее значительным из них был молодежный дискуссионный клуб Кружок Петёфи. Многочасовая дискуссия по проблемам свободы печати 27 июня с участием одного из крупнейших венгерских писателей Тибора Дери явилась одним из наиболее значительных событий общественной жизни Венгрии летом 1956 г., привлекая широкое внимание⁵.

Мощное народное восстание 23 октября 1956 г., потрясшее сами основы коммунистического режима⁶, создало принципиально новую ситуацию в стране. С крушением однопартийной диктатуры в считанные дни возникает не только множество политических партий и организаций, но и свободная, неподцензурная пресса совершенно разной политической направленности, при этом поддерживавшая основные требования восставших о выводе советских войск, проведении новым правительством независимой внешней политики, введении многопартийности, проведении свободных выборов, осуществлении экономических и политических реформ (как правило, при сохранении государственной собственности на основные средства производства и финансы)⁷.

в эмиграции силами, отстаивавшими идеалы демократического социализма. См. библиографическую редкость, англоязычное издание текстов венгерской «Литературной газеты»: Paloczi-Horváth G. (Ed.) *One Sentence on Tyranny. Hungarian Literary Gazette Anthology*. L., 1957.

⁵ См. материалы этой дискуссии на русском языке: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 100–118. Об отсылке тогдашнего посла СССР в Венгрии Ю.В. Андропова и его подчиненного, дипломата В.А. Крючкова (также будущего председателя КГБ СССР) на эту, по их мнению, «вражескую вылазку» свидетельствуют их донесения из Будапешта за конец июня 1956 г. См.: там же. С. 118–128.

⁶ См.: Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М.: Новый хронограф, 2003.

⁷ См. антологию неподцензурной венгерской прессы (а также радиовыступлений) периода революции 1956 г.: 1956 sajtója. Október 23 – November 4. Válogatás. Bp., 1989. См. также более новые антологии

Сформированное в дни драматических октябрьских событий новое правительство Имре Надя 1 ноября в ответ на ввод дополнительных войск из СССР заявило, апеллируя ко всему мировому сообществу, о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора (что поддержали все без исключения венгерские газеты). Но в ночь на 4 ноября правительство было свергнуто в результате советской военной акции⁸. На смену ему пришло другое, сформированное в Москве, во главе с Яношем Кадаром, готовое действовать в соответствии с волей советского руководства. Так Венгрия вступила в новый этап своего развития, когда свободной прессе пришлось уйти в подполье и отстаивать идею национальной независимости в принципиально иных условиях.

Установление контроля над средствами массовой информации с самого начала входило в число первоочередных задач советской военной администрации и правительства Я. Кадара. В соответствии с приказом № 2 главнокомандующего объединенными вооруженными силами стран — участниц Варшавского договора маршала И.С. Конева «О создании и организации работы военных комендатур» устанавливался их контроль за всей издательской деятельностью, без разрешения советской военной администрации не разрешалось печатание каких-либо материалов⁹. Со стороны правительства аналогичные

венгерской прессы того времени, в которых публикации были систематизированы не только хронологически, но и тематически: Politika: a feltámadás reménye. Újságcikkek 1956. október 23. – november 4. Szerk. Szigethy G. Bp., 2006; Mindennapok: A feltámadás hite. Újságcikkek 1956. okt. 23 – nov.4. Szerk. Szigethy G. Bp., 2006. Подробный анализ выступлений венгерской прессы за октябрь – ноябрь 1956 г. дается в работе: Стыкалин А.С. Пресса и журналистское сообщество в венгерских событиях 1956 г. // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь, 2011. С. 125–175.

⁸ Подробнее о принятии решения см.: Стыкалин А.С. Прерванная революция...

⁹ См.: Карпиченко Н., Кыров А. От плана «Волна» к операции «Вихрь» // 1956. Осень в Будапеште. М.: MapT, 1996. С. 128.

функции было призвано выполнять созданное несколько позже Госуправление по делам информации. Кадар просил советское командование оказать помощь венгерскому правительству в налаживании работы радиостанции (как и свободное радио конца октября, она сохраняла в течение некоторого времени имя вождя революции 1848 г. Лайоша Кошута) и типографии для издания газеты. Соответствующие распоряжения были даны¹⁰. 10 ноября Президиум ЦК КПСС принял постановление о командировании в Венгрию наряду с высокопоставленными партийными эмиссарами, а также хозяйственными работниками нескольких специалистов «*по вопросам налаживания газет и радио*»¹¹. Точку зрения правительства, а также нового руководства кадаровской ВСРП¹² была призвана отражать и проводить газета «Непсабадшаг» (“Népszabadság”, «Народная свобода»), созданная в начале ноября. В условиях, созданных советским военным вмешательством, она должна была изменить (хотя поначалу не слишком резко) тональность оценок всего происходившего в Венгрии на-

¹⁰ См. телеграмму посла Ю. В. Андропова в МИД СССР от 9 ноября. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 626–627.

¹¹ Там же. С. 638.

¹² Прежняя государственная партия, Венгерская партия трудящихся (ВПТ), распалась в конце октября. В условиях стихийно формировавшейся многопартийности ряд ее деятелей во главе с Я. Кадаром провозгласил 1 ноября создание на реформ-коммунистической платформе новой партии — Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Из 7 членов избранного 2 ноября Исполкома вновь образованной ВСРП пятеро, включая И. Надя, утром 4 ноября с началом советской военной акции укрылись в югославском посольстве (как и главный редактор газеты ВСРП «Непсабадшаг» Шандор Харасты), еще один был арестован советскими спецслужбами. Оставался лишь один Кадар, который, взяв на себя миссию по восстановлению монополярной власти коммунистов, был вынужден под давлением Москвы превратить новую партию в инструмент осуществления политики, находившейся в резком противоречии с ее первоначальными программными установками (прежде всего — требованием вывода советских войск и обеспечением продвижения Венгрии к социализму при соблюдении национального суверенитета).

чая с 23 октября¹³. Возобновление выпуска газеты после пятидневного перерыва произошло 8 ноября¹⁴.

При всей апологетике действий Кадара и его команды газета «Непсабадшаг» в первой половине ноября во многом отражала ту общую компромиссную линию, которую демонстрировало партийное руководство из-за своей слабости¹⁵. Как бы то ни было, в силу непопулярности поставленной задачи — оправдания действий нового режима, установленного при помощи советских штыков — официальное издание заведомо не могло иметь успеха у читающей публики. Известно множество случаев, когда разъяренные люди разрывали газеты на клочки или сжигали их на ули-

¹³ Первые номера газеты, в которых были опубликованы программные заявления И. Надя и Я. Кадара с признанием достижений «национальной революции», позже попадают в спецхраны венгерских библиотек (во второй половине 1980-х гг. их факсимильное переиздание предпринял в самиздате диссидент Д. Крашшо, основавший издательство «Венгерский октябрь»). Читателю сразу бросилось бы в глаза резкое противоречие между выступлением Кадара от 1 ноября в защиту революции и его последующими, относящимися к периоду консолидации новой власти, речами.

¹⁴ Перед этим, 6 ноября, в Сольноке ряд ветеранов компартии из бывшего окружения Ракоши возобновили газету «Сабад неп» («Szabad Nép», «Свободный народ»), орган распавшейся ВПТ. Вышло всего четыре номера. Дальнейший выпуск был прекращен по настоянию Кадара, резко отмежевавшегося от прежнего руководства партии и отказавшегося брать в свою команду людей Ракоши как сильно скомпрометировавших себя.

¹⁵ *«В Венгрии больше никогда не может вернуться период сталинского произвола и беззакония... В то же время наша партия и правительство... считают священными и защитят достижения, которые были завоеваны начавшимся 23 октября великим национально-демократическим движением»*, — декларировалось в номере от 10 ноября. Выражалась также готовность решить проблему нелегитимности новой власти именно договорным путем — через установление контактов с нашедшим убежище в югославском посольстве главой правительства, действовавшего до 4 ноября: у Имре Надя *«будет возможность договориться с нами... Мы тоже хотим многопартийной системы, подлинных, честных выборов»* (номер от 15 ноября). Показательным было и резкое отмежевание от предыдущего руководства, «клики Ракоши-Герё», подчинившей национальные интересы Венгрии чужим интересам, что, по мнению газеты, в конце концов, и привело к восстанию 23 октября под лозунгом национальной независимости.

цах, опустошив перед этим газетные киоски¹⁶. Срывались также плакаты и листовки, обращавшиеся к населению от имени нового руководства ВСРП и правительства. Забастовки почтальонов и железнодорожников также мешали распространению «Непсабадшаг». Иногда эту газету бесплатно раздавали прохожим советские солдаты.

Аналогичным образом обстояло дело с выпуском и распространением всей печатной продукции, контролируемой новыми властями. Председатель КГБ И.А. Серов, почти безвыездно находившийся в Венгрии в ноябре 1956 г. и собственноручно возглавлявший оказание советскими спецслужбами помощи правительству Кадара в «нормализации» положения в стране, доносил 13 ноября в ЦК КПСС о том, что в Дебрецене типографские рабочие отказались набирать газету, так как им не понравилось содержание нескольких статей. При этом они угрожали сломать типографские машины¹⁷. В северных районах Венгрии за неимением других проправительственных газет некоторое время пришлось распространять венгероязычную прессу, изданную в Чехословакии.

Больше доверия было в обществе к нелегальной прессе. *«В то время, как наши друзья не издают своей газеты, на улицах города широко распространяется повстанческая газета “Igazság” [«Правда». — А. С.], публикующая на своих страницах провокационные материалы против наших друзей и Советской Армии»,* — докладывал Андропов в Москву 9 ноября¹⁸. Издателем ее был журналист Дюла Обершовски. Другая его газета выходила в ноябре под символическим названием «Элюнк» (“Élünk”, «Мы живы»). Широко распространялись также антиправительственные листовки от имени Революционного комитета

¹⁶ См.: Por E. – Cseh G.B. A hatalom és az újságírók, 1956-1958 // História. 1995. № 9–10.

¹⁷ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 648.

¹⁸ Там же. С. 626–627.

студентов и многих других политических инициатив, направленных на сохранение завоеваний национальной революции. В ряде листовок содержались призывы перейти от не имевшего перспективы активного, вооруженного сопротивления внешней силе, многократно превосходящей повстанцев в численности и технике, к пассивному, нравственному сопротивлению.

С самого начала журналистское сообщество играло одну из ключевых ролей в сопротивлении режиму. 7 ноября на заседании Союза венгерских журналистов (и на ряде собраний в последующие дни) звучали призывы к бойкоту официальной прессы¹⁹. Саботировать установления новой власти призывало свободное «радио Райка»²⁰. В день 39-й годовщины Октябрьской революции в России оно вещало о том, что *«советская империя, опрости-турировавшая коммунистическую идею, не имеет с ней ни капли общего... место всех честных коммунистов на баррикадах»*²¹. В отличие от «радио Райка» независимые радиостанции имени Ракоци, Чоконаи и др. не связывали себя приверженностью социалистической идее и прямо призывали Запад к оказанию помощи венграм в отстаи-

¹⁹ 13 ноября по инициативе революционного комитета Союза журналистов прошло совещание с участием 150 литераторов и журналистов, на котором было выражено недоверие правительству Кадара, принято воззвание к работникам типографий и издательств с призывом к проведению забастовки. К числу идейных центров оппозиции относился Союз писателей, распространивший начиная с 8 ноября нутем самиздата ряд воззваний с требованием немедленного вывода советских войск, сохранения демократических завоеваний революции, включая многопартийность. См. подробно: Серeda В.Т., Стыкалин А.С. Из истории одного противостояния...; Standeisky Éva. Az írók és a hatalom. 1956–1963. Bp., 1996.

²⁰ Ласло Райк — деятель компартии, осужденный в 1949 г. на показательном процессе антиюгославской (антититовской) направленности и казненный. Искусственно сфабрикованное «дело Райка» имело международное значение, сыграв немалую роль в дальнейшем разжигании советско-югославского конфликта. Презахоронение останков Л. Райка 6 октября 1956 г. собрало многотысячную политическую манифестацию, явившись своего рода прологом венгерской революции.

²¹ Lomax Bill. Hungary 1956. London, 1976. P. 139–141.

вании суверенитета. О трудностях установления контроля над радиовещанием свидетельствовал тот факт, что даже радиостанция Кошута, теснее связанная с новым правительством, в первые недели неоднократно предоставляла эфир политикам, выдвигавшим требования вывода советских войск, нейтралитета, многопартийности, восстановления полномочий правительства И. Надя, а в середине ноября подтвердила сообщения западных «радиоголосов» о депортации (якобы в Сибирь) венгерской молодежи, участвовавшей в вооруженном сопротивлении или акциях неповиновения²².

Известный в Венгрии журналист Миклош Гимеш предпринял в подполье издание газеты «23 октября» («Oktyber 23»), органа «Венгерского демократического движения за независимость» — одной из политических инициатив оппозиционно настроенной интеллигенции. Программа этого движения, опубликованная 6 декабря (в дни ареста Гимеша), предусматривала проведение свободных выборов на основе многопартийности и вместе с тем делала акцент на сохранение общественной собственности на средства производства. Как Гимеш, так и другой издатель нелегальной прессы, Д. Обершовски, проявляли большой интерес к рабочим советам, после подавления к 10–11 ноября вооруженного сопротивления ставшим главной оппозиционной силой. Выступавший в качестве оплота независимого рабочего движения Центральный Рабочий Совет Большого Будапешта издавал «Рабочую газету» — вышло несколько листков. Правительство не пошло навстречу требованиям Центрального Совета об издании более крупной газеты

²² Об этом доносили И. Серов и Ю. Андронов в Москву 14 ноября (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 652). На самом деле примерно 4–5 тысяч молодых людей было в первой половине ноября задержано советскими и венгерскими спецслужбами и переправлено в Западную Украину, где размещено в нескольких тюрьмах. До конца года арестованные были возвращены в Венгрию, многие отпущены на свободу (часть из них снова арестована и осуждена позже).

в качестве органа этой структуры. Совет в знак протеста призвал рабочих к бойкоту партийной прессы. На улицах загорелись костры из газет. Распространялись листовки с призывами к всеобщей забастовке, передаче всей полноты власти рабочим Советам (фактически до начала декабря в стране было состояние, близкое к двоевластию).

Впрочем, не только нелегальная пресса, но и орган ВСРП газета «Непсабадшаг» доставляла партийному руководству немало хлопот. Даже та часть журналистского сообщества, которая формально выразила готовность сотрудничать с новой властью, саботировала выполнение ее требований²³. Это особенно проявилось в момент возникшей во второй половине ноября советско-югославской полемики вокруг отношения к венгерским событиям. 19 ноября «Правда» подвергла резкой критике выступление Иосипа Броз Тито на партактиве в Пуле, в котором югославский лидер возложил часть ответственности за обострение венгерского кризиса на политику Москвы. Главная газета Союза коммунистов Югославии «Борба» в своем ответе упрекала «Правду» в тенденциозной интерпретации речи Тито. «Непсабадшаг» взяла сторону «Борбы», вступив в полемику с «Правдой». Номер от 22 ноября с полемической публикацией был отпечатан, но по личному распоряжению Кадара распространение тиража удалось задержать. В знак протеста редакция провела однодневную забастовку²⁴. Другим поводом для забастовки явилось нежелание редакции публиковать подготовленное правительством 23 ноября явно лживое официальное сообщение по вопросу об И. Наде — о том, что бывший премьер-министр

²³ Показательно и то, что до середины декабря большинство политически окрашенных статей в «Непсабадшаг» публиковалось анонимно. Общественное мнение в стране было настолько сильно настроено против правительства Кадара, что журналисты, сотрудничающие с ним, предпочитали скрывать свое сотрудничество. Низовая организация ВСРП в Союзе журналистов функционировала секретно.

²⁴ A Népszabadság letiltott cikke 1956 novemberében. Közli: Sipos L. // Múltunk. 1992. № 1.

и его соратники, выманенные накануне обманным путем из югославского посольства и депортированные в Румынию, якобы согласились выехать туда по своей воле²⁵. Номер «Непсабашаг» от 24 ноября вообще не был подготовлен, некоторые журналисты и далее не возобновили работу. За день до этого газета отметила месячный юбилей начала событий призывом венгров к часовому молчанию. Даже те, кто до тех пор бойкотировал партийную газету, охотно откликнулись. В этот день с 2 до 3 часов пополудни улицы венгерской столицы опустели. Прохожие вошли в близлежащие дома и будапештские дворы-колодцы и стояли там до 3 часов дня²⁶. Официальная профсоюзная газета «Непакарат», более популярная в среде рабочего класса (ее тираж в ноябре превышал 80 тысяч экземпляров), в тот же день охарактеризовала октябрьские события как демократическое национальное восстание²⁷.

²⁵ Профсоюзная газета «Непакарат» (“Népakarat”, «Воля народа») пошла еще дальше, сообщив 23 ноября читателю о том, что И. Надь и люди из его окружения оставили посольство, но вопреки заключенному соглашению так и не разъехались по своим домам.

²⁶ Отклонение от линии партии проявилось и в трактовке газетой «Непсабашаг» итогов советско-польских переговоров в Москве 15–18 ноября. Акцент был сделан не на единстве социалистического содружества, а как раз на том, что польской стороне удалось вопреки давлению Москвы добиться выполнения своих требований и настоять на равноправии, в частности в экономических отношениях. А 21 ноября в редакционной статье газеты содержалось требование плюрализма в средствах массовой информации, преодоления того идейного единообразия, которое характеризовало прессу эпохи Ракоши и принесло так много вреда.

²⁷ Эта газета еще более решительно и последовательно отстаивала право Венгрии на свой путь к социализму. При этом она широко апеллировала к национальной традиции, в том числе революции 1848 г., когда идея социального прогресса шла рука об руку с идеей национального освобождения. *«Извне, по воле другого народа, силами другой страны у нас на родине не может быть построен социализм. Вести народ по пути к социализму могут только внутренние венгерские силы и вести теми темпами, которые соответствуют нашим особенностям и воле нашего народа; изоляция марксистской теории от наших отечественных реалий и игнорирование национальных чувств до сих пор превращали в карикатуру все попытки осуществления социалистических планов в Венгрии»*, — отмечалось в статье, опубликованной 30 ноября.

Линия центральных газет вызвала крайнее неудовольствие высокопоставленных советских эмиссаров Г.М. Маленкова, М.А. Суслова и А.Б. Аристова, находившихся в течение трех недель ноября 1956 г. в Будапеште и непосредственно контролировавших процесс становления новой власти в Венгрии. *«Имели разговор с тов. Кадаром о совершенно неотложной необходимости решительно навести порядок по линии печати и радио ... об исключительной важности осуществлять твердость в руководстве, не допускать влияния колеблющихся, в том числе проводящих проюгославскую линию»*, — доносили они в Президиум ЦК КПСС²⁸. По настоянию московских советников Кадар 24 ноября созвал специальное заседание Временного Исполкома ЦК ВСРП, посвященное задаче укрепления партийного влияния на прессу, где не только впервые категорически отрицал правомерность определения октябрьских событий как революции, но и отмежевался от попыток своего печатного органа вступить в полемику с «Правдой». Впервые после подавления революции была со всей четкостью обозначена позиция монопольной коммунистической власти в отношении СМИ: газеты и радио должны писать и вещать *«согласно воле и указаниям партии и не могут говорить по-другому, а если дело пойдет иначе — мы должны употребить по отношению к ним методы диктатуры пролетариата»*²⁹. Линия газеты «Непсабадшаг», воспринятая как неприемлемое отклоне-

²⁸ См. их телефонограммы от 22 и 24 ноября (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 673, 678). Не правилось, что на протяжении ряда недель *«из номера в номер газета протаскивала оценку контрреволюционного мятежа как национально-освободительной революции»*; замалчивая опасность контрреволюции, она сосредоточивала внимание на необходимости усиления борьбы с ракошитами. В телефонограмме от 22 ноября отмечалась и активная деятельность журналистов по установлению контактов с рабочими советами и пропаганде в рабочей среде требований о выводе советских войск, включении И. Надя в правительство, о допущении многопартийности и т.д.

²⁹ Полностью запись заседания см.: A Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei. I. kötet. Bp., 1993.

ние от курса партии, была «выправлена», руководство газеты (как и профсоюзной газеты «Непакарат») сменено, редакция по сути дела разогнана, что с удовлетворением было встречено находившимися в Будапеште высокопоставленными советскими эмиссарами³⁰.

Предпринятое с конца ноября наступление властей на СМИ проявилось и в ряде других мер, таких как ужесточение цензуры, арест издателей и распространителей нелегальной печатной продукции (в том числе редакторов наиболее значительных подпольных газет М. Гимеша и Д. Обершовски), активистов ревкома Союза журналистов, призывавших к новым забастовкам. Газета «23 октября» продолжала выходить и после ареста в начале декабря ее основателя М. Гимеша. Последний ее номер М. Мольнар и П. Кенде выпустили на Рождество, покинув затем страну.

После разгрома независимого рабочего движения в виде Советов на первый план среди форм оппозиционной режиму деятельности выдвигается пассивное сопротивление интеллигенции³¹. Наступление на оппозицию,

³⁰ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 686. Правда, пребывавший в советской эмиграции (и не терявший надежд на возвращение к власти) Ракоши, которого газета продолжала резко критиковать, в своих письмах в ЦК КПСС и дальше выражал крайнее неудовольствие «ревизионистским», по его мнению, характером издания. См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 45. Док. 63, 67. Между тем соответствие газеты линии кадрового руководства проявлялось не только в поддержке действий правительства, но и в сохранявшемся жестком отмежевании от прежних лидеров — Ракоши, Герё и их окружения. Пропаганда продолжала строиться на противопоставлении новой партии, ВСРП — старой (ВПТ) и всему режиму Ракоши. Не были довольны газетой, не оправдывавшей их ожиданий, и не востребованные новой властью партаппаратчики прежнего режима, составлявшие мощное левое крыло ВСРП и оказывавшие на Кадара сильное давление. Их жалобы нашли отражение в записях бесед с советскими дипломатами. См.: Baráth Magdolna (Ed.). Szovjet diplomáciai jelentések Magyarországról a Hruscsov-korszakban. Bp., 2012.

³¹ См. декларацию Союза венгерских писателей, принятую на общем собрании 28 декабря: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 738–740.

предпринятое в начале января под давлением советского и китайского руководств, нанесло удар по творческим союзам. Во второй половине января была приостановлена деятельность Союза журналистов и Союза писателей, арестованы литераторы и публицисты Дюла Хай, Золтан Зелк, Тибор Гардош, Шандор Новобацки, в апреле — Тибор Дери. Эти меры сопровождались массивной пропагандистской подготовкой в прессе, контролируемой партийным руководством³². В результате чисток, происходивших в 1957 г., из СМИ было удалено более тысячи журналистов, симпатизировавших национальной революции и причастных к изданию свободной прессы в 1956 г. Следствием чисток стало снижение профессионального уровня СМИ³³. Это неудивительно: на радио, например, на место уволенных (а их было более 100 человек) по большей части пришли бывшие партийные функционеры, жертвы сокращения партаппарата. Особые трудности возникли с возобновлением теоретического органа партии журнала «Таршалами семле» (“Társadalmi Szemle”, «Общественное обозрение») — многие гуманитарии-марксисты открыто симпатизировали И. Надю и считались неблагонадежными либо сознательно дистанцировались от кадаровского правительства.

Разгром так называемой антипартийной группы в руководстве КПСС в июне 1957 г. ослабил давление на Кадара слева, со стороны собственных, более последовательных, сталинистов, и внушил некоторым журналистам надежды на либерализацию политики в области информа-

³² «Разрушительная идеологическая работа части писателей оказалась органическим элементом подготовки вооруженной контрреволюции независимо от того, принимали ли в этом участие сознательные противники коммунистов или доброжелательные честные люди», — отмечалось в одной из статей (Magyarország, 1957, februar 6).

³³ В начале 1958 г. представитель Совинформбюро докладывал в Москву о своих беседах с редакторами газет, жаловавшимися на то, что стало некому писать. См.: Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 8581. Оп. 1. Д. 1131. Л. 99.

ции. Кадар отреагировал на это однозначно: на совещании с журналистами в августе 1957 г. в ответ на высказанное пожелание политического плюрализма в прессе он прямо заявил: «Так дело не пойдет». Продолжали работать комиссии по проверке деятельности журналистов в дни октябрьских событий. Происходили чистки, совершались новые аресты, в том числе за попытки наладить самиздат. Вместе с тем была несколько ослаблена цензура, больше ответственности возложено на редакторов, повысилась роль самоцензуры как более гибкого механизма контроля над прессой (эти меры предвосхитили более либеральную культурную политику режима Кадара в 1960–1970-е гг.). В противовес отделу пропаганды и агитации ЦК возросло значение управления информации Совмина, основанного, кстати, еще И. Надем в период его первого премьерства (1953–1955). Это соответствовало планам Кадара ограничить влияние партаппарата, которому он в то время не доверял, видя в нем немало выдвинутых Ракоши. Пропаганда стала более дифференцированной, нежели до 1956 г., при разрешении новых печатных изданий или реорганизации старых в большей мере, чем до революции, учитывалась потенциальная аудитория.

Некоторые реформы системы контроля над прессой происходили, однако, на фоне продолжавшихся репрессий. В дни годовщины октябрьских событий состоялся «писательский процесс»: Т. Дери, Д. Хай и другие были приговорены к различным срокам тюремного заключения по обвинению в подстрекательстве к свержению властей. Перед этим многие литераторы пытались выторговать у властей более мягкие приговоры коллегам, согласившись поставить подписи под документом, протестующим против обсуждения венгерского вопроса в ООН. Издатель подпольной прессы Д. Обершовски был приговорен к пожизненному заключению (в 1960-е гг. амнистирован, получив разрешение печататься в легальной прессе под псевдонимом). Журналист М. Гимеш — одна из главных

фигур не только свободной прессы октября и самиздата ноября 1956 г., но, шире, оппозиционного движения интеллигенции после советского военного вмешательства — получил смертный приговор на процессе по делу И. Надя и был казнен в июне 1958 г. Близкий Надю журналист Геза Лошонци также должен был предстать перед судом, но не дожил, скончавшись в заключении в декабре 1957 г.

Расправа над И. Надем и его соратниками в июне 1958 г., которая стала венцом целой серии судебных процессов по делам участников революции 1956 г., вызвала возмущение во всем мире³⁴. Однако это событие в известном смысле поставило точку в истории венгерской революции и подвело черту под определенным периодом развития Венгрии в новейшее время; политическая обстановка в стране к тому времени стабилизировалась, и для дальнейшей консолидации режима была необходима смена тактики — задачи запугивания непокорных отходят на второй план, уступая место поискам путей наведения мостов к венгерской нации; приходилось также задумываться о мерах по повышению респектабельности режима, улучшению его имиджа в международном общественном мнении. Показательно, что казнь Надя совпала по времени с подготовкой первых документов, заложивших основы кадаровской либерально-прагматической модели социализма, отличавшейся, пожалуй, наибольшей гибкостью в сравнении с другими его реально воплощенными моделями. Совпало по времени с процессом по делу И. Надя и восстановление Союза журналистов, который теперь всецело контролировался коммунистической властью — Кадар даже не считал опасным или хлопотным для себя поставить во главе союза когда-то влиятельного политика, президента страны в 1948–1949 гг. социал-демократа Арпада Сакашича, сидевшего при Ракоши в тюрьме, но

³⁴ Райнер Янош М. Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года...

выразившего готовность примириться с кадаровским режимом.

По-разному сложились судьбы представителей журналистского сообщества Венгрии 1956 г. в последующую эпоху. Арестованные литераторы и журналисты были амнистированы в начале 1960-х гг. Фактически все они занимались потом интеллектуальным трудом — в отличие от лидеров Чехословакии периода «нормализации» 1970-х Кадар и его окружение считали зазорным и нецелесообразным использовать интеллектуалов в качестве дворников и истопников, резонно видя в этом признак слабости режима. Всем этим людям, как правило, находилось место на периферии официальной культурной жизни. Когда в 1963 г. на свободу вышел один из крупнейших венгерских мыслителей XX в. Иштван Бибо, арестованный после публикации в 1957 г. на Западе своего яркого эссе о венгерской революции «Положение в Венгрии и мировая обстановка», вопрос о его дальнейшем трудоустройстве решался (как и в ряде других случаев) на Политбюро ЦК ВСРП.

Видные журналисты, эмигрировавшие на Запад, уже в начале 1957 г. возобновили в эмиграции литературную газету «Иродалми уйшаг». Некоторые из них (Миклош Мольнар, Тибор Мераи, Петер Кенде и др.) впоследствии проявили себя как историки, внеся заметный вклад в изучение венгерской революции³⁵. Все эти люди, начинавшие в 1940–1950-е гг. как журналисты коммунистической прессы, соратники коммуниста-реформатора И. Надя, пришли впоследствии к переосмыслению усто-

³⁵ Meray T. *Thirteen Days that shook the Kremlin (Imre Nagy and the Hungarian Revolution)*. London, 1958; Molnár M. *Budapest 1956. A History of the Hungarian revolution*. London, 1968; Molnár M. – Nagy L. *Imre Nagy – reformateur ou révolutionnaire?* Geneve, 1959. На русском языке см.: Мераи Т. 13 дней. Имре Надя и венгерская революция 1956 года. М.: Логос, 2007. См. также первое русскоязычное издание книги: Мераи Т. Тринадцать дней: история венгерской революции. Нью-Йорк: Прегер. 1961.

ев собственного мировоззрения. Уже в 10-летний юбилей революции М. Мольнар приходит к выводу: дискуссия об *«исторической роли Имре Надя и его жизни закончилась, и его идеологические построения и система ценностей не могут далее служить отправной точкой для новой эпохи»*³⁶.

Несколько по-иному складывалась судьба литераторов и публицистов, оставшихся в Венгрии и вынужденных испытывать на себе сильное давление властей.

При всем относительно либеральном характере венгерской модели социализма в том виде, в каком она сложилась к середине 1960-х гг., власти последовательно налагали строгое вето на объективное освещение всего происходившего в стране осенью 1956 г. Суть дела заключалась в том, что историческая оценка тех событий закономерно подводила к постановке вопроса о нелегитимности правления Я. Кадара и его команды: создание адекватной картины «будапештской осени» не могло не поставить под сомнение законность прихода к власти в начале ноября 1956 г. при поддержке СССР нового, «венгерского рабоче-крестьянского правительства».

Монопольное право трактовки событий 1956 г. принадлежало правящей ВСРП — самому Кадару и его идеологам Дюле Каллаи, Дежё Немешу, позже Дьёрдю Ацелу и др. Оценки в исторических трудах и учебных пособиях находились в прямой зависимости от тех оценок, которые давались в партийных документах. И если в трактовке многих других проблем и периодов венгерской истории новейшего времени к 1980-м гг. в исторической науке стал намечаться известный плюрализм (это касалось эпохи Хорти, Второй мировой войны, периода «демократической коалиции» 1945–1947 гг. и даже правления Ракоши с конца 1940-х гг.), то этого никак

³⁶ Molnár M. The Heritage of Imre Nagy // Ten Years After. A Commemoration of the Tenth Anniversary of the Hungarian Revolution. Ed. by T.Aczél. London, 1966, P. 172.

нельзя было сказать применительно к событиям 1956 г. и советско-венгерским отношениям середины — второй половины 1950-х гг. Альтернативные мнения здесь не допускались, любая попытка подвергнуть сомнению официальные позиции воспринималась (и, в общем, не без оснований) как посягательство на основы режима, а потому вызывала жесткий отпор. На основании программных документов ВСРП школа и СМИ формировали в общественном сознании тот комплекс стереотипов и идеологем, в соответствии с которыми надлежало поддерживать историческую память венгерской нации, особенно новых поколений, все в меньшей мере обладавших собственным непосредственным опытом восприятия «будапештской осени». Объективная картина событий замещалась, таким образом, искусственными схемами, препарировавшими историческую реальность в русле навязанных идеологами ВСРП установок.

Согласно установившимся к весне 1957 г. официальным идеологическим канонам события октября 1956 г. считались однозначно контрреволюцией с первых часов многотысячной студенческой демонстрации 23 октября. Массированное давление партаппарата заставило замолчать носителей альтернативных точек зрения внутри партии. Попытки оппозиционно настроенных интеллигентов предложить иное толкование событий 1956 г. не были многочисленными, а те, кто на это отваживался, подвергались серьезным преследованиям. Уже было сказано о судьбе И. Бибо, проведенного шесть лет в заключении. Был арестован и осужден на несколько лет тюремного заключения и литератор Шандор Фекете, которого можно по праву считать родоначальником венгерского самиздата уже в новых исторических условиях, после подавления в ноябре-декабре 1956 г. всех отголосков свободной прессы периода революции. В своем эссе «О причинах и уроках восстания 1956 г.», распространявшемся в машинописных копиях, автор, выступавший под псевдонимом

«Hungarikus», попытался осмыслить опыт октябрьских событий³⁷. Фекете поставил под сомнение официальный пропагандистский тезис о «контрреволюционном заговоре» при участии сил мирового империализма. По его мнению, венгерская народно-демократическая (в его понимании) революция отнюдь не была результатом действий каких-то внешних сил, напротив, на внешние силы опирался венгерский режим сталинского типа при подавлении широкого народного движения. Истоки революции Фекете видел в том, что венгерские национальные интересы начиная с 1949 г. все более вопиющим образом приносились в жертву интересам СССР. Попытки строить социализм по чужим образцам, без учета национальной специфики, вызывали антисоветские настроения, коммунистическая власть лишилась народной поддержки, и этого не могло компенсировать никакое раздувание бюрократии. Таким образом, применительно к октябрю 1956 г. можно говорить, по его мнению, прежде всего о национальном движении, в котором в то же время проявился и социальный протест против невыносимых жизненных условий³⁸.

³⁷ Легально в Венгрии это большое эссе было впервые опубликовано только в 1989 г.: *Hungarikus. Az 1956-os felkelés okairól és tanulságairól*. Bp., 1989. На Западе оно было издано в 1959 г. эмигрантской научно-исследовательской структурой — Институтом Имре Надя в Брюсселе, выходило и в венгерском самиздате 1980-х гг. Анализ содержания работы Ш. Фекете см.: Желицки Б.Й. Венгерские события 1956 г. (в свете новейшей венгероязычной историографии) // Политические кризисы и конфликты 1950–1960-х годов в Восточной Европе. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993.

³⁸ Выступавший с подчеркнuto социалистических позиций Ш. Фекете в то же время признавал, что в разочарованном народе могла найти себе опору действительная реакция («наследники режима Хорти»). Строительство социализма в его понимании предполагало и участие лояльного мелкого собственника, его уничтожение он считал одним из преступлений режима Ракоши, а попытки возрождения ставил в заслугу И. Надю. Главную же заслугу И. Надя Фекете видел в создании демократической (хотя в основном и внутрипартийной) оппозиции, борющейся со сталинизмом не с консервативных позиций, а с платформы обновленного социализма. Отмечая ее позитивную роль, он в то же время ставил ей в упрек недооценку сил народа, а начиная с 23 октября — неготовность действовать в уни-

Венгерская коммунистическая элита смогла извлечь уроки из «национальной трагедии» 1956 г., что предопределило в целом компромиссный характер ее внутренней и внешней политики на протяжении последующих трех десятилетий. В отличие от Польши, где относительный успех национально ориентированных реформаторских сил в октябре 1956 г. не был закреплен сколько-нибудь глубоким преобразованием институциональной системы и в результате произошел довольно быстрый откат к хотя и не слишком тиранической, но все же совершенно неэффективной бюрократической форме государственного социализма, в Венгрии с начала 1960-х гг. происходила неуклонная либерализация, причем процесс этот не был приостановлен и с началом брежневской эпохи в СССР. В 1968 г. в Венгрии была начата системная реформа экономического механизма, направленная на повышение его эффективности. Хотя реформа эта к 1973 г. была свернута (как под давлением Москвы, так и в силу сопротивления антиреформаторского крыла в руководстве ВСРП), во второй половине 1960-х гг. в основном формируется та специфическая венгерская либерально-прагматическая модель, которая на протяжении не менее 10 лет считалась частью общественного мнения на Западе наиболее жизнеспособной, имеющей перспективы моделью реального социализма и привлекала внимание советской и восточноевропейской реформаторски настроенной интеллигенции.

сон широкому народному движению. Стремясь функционировать в рамках правящей партии и опасаясь более широкого общественного подъема, демократическая оппозиция в результате оставила массы без направляющей духовной силы, что в полной мере проявилось в дни октябрьских событий. Она так и не пришла к пониманию основной своей задачи — организации рабочего класса, подготовки его к возможному выступлению. Главный вывод Фекете — о необходимости извлечь уроки из случившегося, чтобы в следующий раз действовать более эффективно. — не мог не вызвать со стороны режима обвинений в контрреволюционной агитации, что привело к немедленному аресту «отца» венгерского самиздата кадаровской эпохи.

Уже в конце 1950-х гг. на смену массивной пропагандистской кампании с осуждением «контрреволюции» приходит установка на замалчивание событий 1956 г., стратегия на постепенное вытеснение их из исторической памяти нации. Пропаганда хотя и продолжала преподносить читателю материал, способный напомнить о зверствах и ужасах «контрреволюции», делала это во все меньших дозах. В 1960-е гг., по мере укрепления режима и успокоения граждан (последнее было связано с широкой амнистией участников событий, а также с повышением жизненного уровня), власти считали все менее целесообразным обращаться к теме, а если все же брались за нее, то главный акцент делали на успехах политики консолидации. Выдвинутый Кадаром лозунг «кто не против нас, тот с нами» предполагал, что в обществе не только следует достичь, но уже в известной степени достигнуто национальное единство на своего рода компромиссной платформе. Компромисс этот был взаимным: власти требовали от граждан отказа от политической активности и соблюдения некоторых табу в обмен не только на определенный уровень гарантированного достатка, но и на создание условий для повышения благосостояния собственным трудом (иными словами, для хорошего дополнительного заработка) — в этом, собственно говоря, и заключалась, в первом приближении, суть сложившейся во второй половине 1960-х гг. кадаровской модели социализма. Остродраматические столкновения «будапештской осени» явно не соответствовали идеалу национального единства, а потому власти о них предпочитали не напоминать. В свою очередь, и общество, заинтересованное в стабильности и спокойствии, склонно было принять правила игры: политическая активность сознательно приносилась гражданами в жертву материальному благополучию (и, более того, праву на обогащение!), что само по себе способствовало забвению. Наступает период, когда в общественном сознании доминировала «коллективная

амнезия». Конечно, утверждение всеми средствами пропаганды официальных догм о победе над «контрреволюцией» придавало партаппарату уверенности в своих силах, однако по мере того, как население вообще заставляли забыть о трагедии 1956 г., режим Кадара еще увереннее чувствовал себя в идеологической сфере. Установка на вытеснение событий осени 1956 г. из исторической памяти нации, попытки отвлечь от них общественное внимание стали, таким образом, важнейшей составной частью общей кадаровской стратегии деполитизации венгерского общества; а надо сказать, что именно в создании деполитизированного общества режим видел главную задачу своей идеологической политики, резонно связывая с любого рода политизацией перспективу формирования оппозиции.

Эффективность этой политики и — в более широком плане — успех кадаровской консолидации особенно отчетливо проявились в политически бурном 1968 г., который как раз в Венгрии оказался на удивление спокойным: гибкая, компромиссная политика, нацеленная на примирение нации с правящим режимом, принесла свои первые серьезные плоды³⁹. Если интерес к идеям пражских реформаторов в среде интеллигенции, безусловно, существовал⁴⁰, то майские беспорядки во Франции оказали скорее сдерживающее влияние, во всяком случае, отнюдь

³⁹ «Среди различных слоев населения ВНР чехословацкие события были восприняты спокойно, не вызвав какого-либо политического брожения. Вопросы, стоящие на повестке дня в ЧССР, считаются венграми либо уже решенными после 1956 г., либо находящимися в стадии решения... Одобрение хода событий в Чехословакии не выливается в критику руководства ВСРП», — отмечалось в записке от 26 апреля 1968 г., подготовленной в самый разгар «пражской весны» в отделе ЦК КПСС по связям с компартиями социалистических стран для высшего партийного руководства («От правды никуда не уйдешь...» Новые документы о событиях в Чехословакии в 1968 г. // Кентавр. 1993. № 4. С. 83).

⁴⁰ В отличие от Чехословакии, в Венгрии кадаровские власти, более твердо державшие в своих руках рычаги управления обществом, прилагали все усилия для того, чтобы намечаемые реформы ограничились экономикой, не распространились на политическую сферу общества.

не способствовали повышению потенциала радикализма в венгерском обществе. «Романтика» битых стекол и перевернутых автомашин могла на какое-то время привлечь юнцов из обеспеченных парижских семей в их потребности к самоутверждению в мире отцовского диктата, но поколения венгров, пережившие (пускай даже подростками) трагедию 1956 г., были вакцинированы от подобных увлечений. Весьма показательно, что и самиздат в это время хотя и существовал (в довольно неразвитых формах), не представлялся властям сколько-нибудь серьезной общественной проблемой⁴¹. Видные литераторы и ученые-гуманитарии, не прибегая к самиздату, стремились по максимуму использовать все имевшиеся (более широкие, чем в большинстве социалистических стран) возможности обсуждать острые проблемы внутреннего развития в легальной прессе⁴².

Первые всерьез обеспокоившие кадаровскую власть симптомы непрочности заключенного на компромиссной основе общественного договора пришлось, пожалуй, на 1973 г.⁴³ В марте происходят уличные волнения сту-

⁴¹ Тем не менее органы безопасности Венгрии зафиксировали в этот период более 2 тысяч случаев изготовления и распространения листовок. См.: Барат М. Венгерские спецслужбы о настроениях интеллигенции в период чехословацкого кризиса // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010. С. 463.

⁴² В легальной прессе на протяжении всей кадаровской эпохи существовало лишь несколько ярко выраженных табу: нельзя было прямо критиковать внешнюю политику СССР и ставить под сомнение легитимность пребывания в Венгрии советских войск, нельзя было также называть события 1956 г. революцией.

⁴³ Проявления диссидентской активности, отчасти обусловленные общественным недовольством несамостоятельной внешней политикой кадаровского режима (в частности, его участием в подавлении «пражской весны»), имели место, конечно, и раньше. Так, всемирно известный философ-марксист Д. Лукач (1885–1971) в последние месяцы жизни вступил в переписку с Я. Кадаром, заступившись за двух молодых интеллектуалов, привлеченных к судебной ответственности. См.: Переписка Дьёрдя Лукача и Япоша Кадара по делу Харасты–Далюша. 1971 г. По материалам венгерских архивов // Звезда. 2011. № 3. С. 143–157. В 1973 г. один из тех,

денческой молодежи. В качестве более серьезного вызова была воспринята деятельность ряда учеников Д. Лукача, таких как Агнеш Хеллер, Ференц Фехер, Дьёрдь Маркуш, Михай Вайда. После принятого в 1973 г. (и четко обозначившего пределы идеологической терпимости партийного руководства) постановления с критикой их ревизионистских взглядов им создавались препятствия в публикации новых трудов и преподавательской деятельности, что, в конце концов, подвигло их к эмиграции⁴⁴. Деятельность этих интеллектуалов, получившая международную известность в гуманитарно-научной среде (А. Хеллер, например, со временем возглавила в США философскую кафедру, основанную Ханной Арендт), имела концептуально-теоретический характер. Но несколько позже зарождается иная, правозащитная и более близкая к политической практике тенденция в венгерском оппозиционном движении, получившем (как и в других странах советского лагеря) оживление после Совещания по безопасности и сотрудничеству 1975 г. в Хельсинки. Декларация этого Совещания обещала гарантировать широкий набор демократических прав, в том числе свободу на выражение альтернативных мнений. Требуя обеспечения этих свобод на практике, восточноевропейские диссиденты (инициаторы «Хартии-77» в Чехословакии и их единомышленники в других странах) могли апеллировать к букве и духу этого документа, подписанного и лидерами социалистических стран.

В 1977 г. 34 представителя венгерской интеллигенции подписали письмо с выражением солидарности с чехословацкими диссидентами, организаторами «Хартии-77»,

за кого заступался Лукач, видный публицист оппозиции Миклош Харати, получил более весомый тюремный срок за распространение произведений антигосударственной направленности; позже был амнистирован.

⁴⁴ Разгром интеллектуальной оппозиции, причем в той или иной мере декларирующей свою приверженность марксизму, резко ограничил реформаторский потенциал в самой правящей партии, возможности критики системы изнутри, перекрыв тем самым воздух именно внутрисистемным тенденциям к обновлению.

подвергнутыми преследованиям. В том же году предпринимается попытка наладить первое периодическое издание венгерского самиздата⁴⁵. Забастовки 1976 г. в Польше и создание там Комитета защиты рабочих привлекли внимание оппозиционно настроенных венгерских интеллектуалов к рабочему движению, но перспективы это не имело: венгерский пролетариат был пока еще в целом удовлетворен своим материальным положением, не требовал радикальных перемен.

Вплоть до конца 1970-х гг. коммунистические власти Венгрии, считая стабильным положение в стране, не воспринимали диссидентство и самиздат в качестве опасного вызова. Это объяснялось и статусом кадаровской Венгрии на международной арене. Я. Кадар, сумевший примирить народ с коммунистическим режимом и превративший свою страну к 1970-м гг. в своего рода «витрину» социалистического содружества, обладал международным авторитетом, и не только в коммунистических кругах. Его с почетом принимают и на Западе (в Париже, Риме и Ватикане, Бонне). Именно к концу 1970-х международное признание кадаровского режима достигает своего пика, что резко контрастировало с той дипломатической изоляцией, через которую этот режим прошел в первые годы своего существования, после подавления революции 1956 г. Западное общественное мнение, не простив Кадару репрессий

⁴⁵ Нерегулярно выходившее издание под названием «Напло» (“Napló”, «Дневник», редактор М. Корниш). В том же 1977 г. зарождается и книжный самиздат. В сборнике «Маркс в четвертом десятилетии» (“Marx a negyedik évtizedben”) были собраны дискуссионные статьи (главным образом, в форме ответов на вопросы) об актуальности марксизма в современном мире, что само по себе представляло вызов официальной идеологии. Сборник получил отклик в венгерской эмигрантской прессе: Hanák T. Mi jön a marxizmus után? // Magyar füzetek, P., 1981. № 8. Другой сборник (Profil, под ред. Я. Кенеди) явился попыткой объединить под одной крышей на общей платформе интеллектуалов разных идейно-политических убеждений и культурных ориентаций — «народников» (почвенников) и «урбанистов» (космополитов), противоречие между которыми пронизывало всю венгерскую культуру XX в.

конца 1950-х гг., вместе с тем готово было признать его как наиболее уважаемого коммунистического политика современной эпохи. Немалая популярность Кадара за пределами своей страны, внешнеполитические успехи Венгрии, готовность разных государств активизировать с ней экономические связи были фактором, сдерживавшим и даже разоружавшим внутреннюю оппозицию.

Между тем по мере нарастания экономических трудностей власти все более тщательно отслеживали любые оппозиционные проявления. Так, в 1979 г. были приняты меры по изъятию из обращения самиздатского сборника, составители которого предприняли попытку беспристрастно оценить экономическое положение в стране⁴⁶.

Понимая, что в Венгрии нарастают проявления системного кризиса, угрожающего власти, руководство ВСРП все более нервно реагировало на любые идеологические манифесты и концепции альтернативной направленности, даже не заявляющие о разрыве с социализмом. Серьезным гонениям подвергаются Иван Селени и Дьёрдь Конрад (будущий президент Международного ПЕН-клуба), в опубликованной на Западе в 1979 г. книге «Интеллигенция на пути к классовому господству» изложившие программу постепенной передачи власти коммунистической партократией интеллигенции и технократии, в принципе принимающей социалистические ценности⁴⁷. Аналогичной была реакция на социальные прогнозы, содержащиеся в работе молодых философов школы Д. Лукача Яноша Киша и Дьёрдя Бенце, также вышедшей под псевдонимом в США⁴⁸. Никакой жизнеспособной реформаторской аль-

⁴⁶ Сборник «С другого берега» (Túlpartról; редакторы P. Farkas и G. Németh) был составлен в форме серии интервью.

⁴⁷ См.: Konrád György – Szelényi Ivan. *The Intellectuals on the Road to Class Power*. N.Y. Harcourt Brace Jovanovics, 1979. В самой Венгрии вышло в самиздате.

⁴⁸ См.: Rakovski M. *Towards an East European Marxism*. N.Y. St. Martin's Press, 1978.

тернативы подобным проектам идеологи ВСРП предложить не могли, и это уже само по себе свидетельствовало о вступлении режима Кадара в полосу стагнации.

В момент, когда руководство ВСРП было всерьез озабочено поиском новых финансовых источников поддержания экономической и социальной стабильности в стране, из Гданьска приходят вести о волне забастовок и создании независимого профсоюза «Солидарность».

Подъем забастовочного движения в Польше в августе 1980 г. пришелся, таким образом, на период, когда режим Кадара, прежде считавшийся западным леволиберальным экспертным сообществом наиболее удачной попыткой надолго примирить общество одной из стран советской сферы влияния с коммунистической властью, преодолел апогей своего развития, начал явно клониться к упадку. Негласный общественный договор, гарантировавший неуклонное повышение уровня жизни в обмен на отказ граждан ВНР от любого рода политической активности (грозившей со всей неизбежностью перерасти в оппозиционные выступления!), выполнять с каждым годом становилось все труднее. Кадаровская модель социализма давала все более заметную трещину⁴⁹. Заботясь о сохранении общественного спокойствия, власть по-прежнему сторонилась вмешательства в частную жизнь граждан, реагируя лишь на немногочисленные откровенно враждебные проявления. Одновременно она разрабатывает новые

⁴⁹ Летом 1979 г. венгерское общество, уже успевшее привыкнуть к определенному уровню потребительских стандартов и поступательному, хотя и медленному росту благосостояния, было шокировано повышением цен на основные продукты питания на 20 %. Поставив перед собой в качестве приоритетной задачу сохранения достигнутого уровня жизни, правительство берет новые кредиты на Западе, что только усиливает зависимость венгерской экономики от конъюнктуры цен на нефть (революция 1979 г. в Иране нарушила выполнение обязательств этой нефтедобывающей страны по поставкам нефти на мировой рынок, что вынудило страны ОПЭК поднять цены на 10 %). Все большая часть бюджета шла на погашение внешних займов.

меры, направленные на повышение социальной мобильности. Но замаячившая на горизонте утрата гражданами привычного гарантированного достатка делала более зыбкой почву под заключенным общественным договором, подрывая венгерскую модель «прагматического социализма» в самих ее основах.

Хотя ситуация в Венгрии была значительно стабильнее положения в Польше (и кадаровская пропаганда активно использовала «польский фон», пытаясь доказать соотечественникам на основе сопоставления двух стран эффективность проводившейся в Венгрии до сих пор политики), в аппарате партии отдавали себе отчет в том, что в стране имеются силы, которые не против перенесения в Венгрию польского сценария давления на власть забастовками. Ситуация требовала от руководства ВСРП принятия превентивных мер в целях недопущения в Венгрию «польской крамолы».

С началом августовских событий 1980 г. в Польше венгерское оппозиционное движение поднимается на более высокую ступень, возникают новые неформальные структуры со своими программами. Первым поистине крупномасштабным проектом венгерского самиздата стала подготовка сборника памяти левoliberalного мыслителя мирового масштаба Иштвана Бибо (1911–1979). В 1956 г. министр в правительстве Имре Надя, испытавший потом и тюремное заключение, в последние годы жизни он поддерживал связи с участниками зарождающегося диссидентского движения, пользуясь в этой среде непререкаемым авторитетом. К работе над проектом, объединившим людей разных политических идеалов, были привлечены видные представители венгерской гуманитарной интеллигенции⁵⁰. В статьях доминировали идея реформ и требова-

⁵⁰ Инициатор проекта, близкий соратник И. Надя экономист Ференц Донат, стремясь подчеркнуть свое стремление к диалогу с властями, вначале предложил книгу в государственное издательство «Gondolat», но поддержки не получил. Среди участников сборника были Я. Киш, Д.

ния политико-идеологического плюрализма. События осени 1956 г. трактовались как революция. Авторы некоторых статей осторожно подводили читателя к мысли о нелегитимности кадаровского правления. Даже в статьях на исторические темы прочитывались аналогии с сегодняшним днем. Выход сборника весной 1981 г. был приурочен к 70-летию со дня рождения Бибо⁵¹.

9 декабря 1980 г., сразу после возвращения Кадара из Москвы с совещания руководителей стран — участниц Варшавского договора по польскому вопросу, Политбюро ЦК ВСРП обсуждало вопрос о собственной оппозиции и приняло по итогам резолюцию, в которой было вынуждено констатировать, что ее активность заметно усилилась, причем имеют место попытки расширить социальную базу за счет рабочего класса. Власти осознавали, что оппозиция угрожает прежде всего монополии партии в области идеологии, а учитывая ее внешние связи (в том числе с польской «Солидарностью»⁵² и венгерской эмиграцией

Бенце, Д. Конрад, М. Харасты, И. Эрши, М. Вайда, выходец из Трансильвании Г.М. Тамаш и др.

⁵¹ Факт издания книги памяти Бибо обсуждался на Политбюро. Коекого из участников проекта уволили с работы, в том числе из академических институтов, но прежде всего лишили права активно заниматься преподавательской деятельностью, чтобы ограничить возможности для распространения оппозиционных взглядов на молодую аудиторию. В самиздате первой половины 1980-х гг. широко публиковались и работы самого Бибо. Чтобы снизить ажиотаж, власти приняли решение начать подготовку собрания его сочинений в государственном издательстве — трехтомник вышел в 1986 г. Правда, туда не вошли его работы, посвященные осмыслению событий 1956 г.

⁵² Принимавшее все более организованные формы венгерское диссидентство не только интересовалось происходившим в Польше, но и пыталось установить непосредственные связи с польскими единомышленниками — его представители выезжали для этого в Варшаву и Гданьск. Но связи пытались установить также и с собственным рабочим классом, взвешивая возможность создания по польскому образцу структур, призванных защищать интересы рабочих. Непокойно было и в студенческой среде: в 1981 г. проводились акции солидарности с польскими оппозиционерами, выдвигалась идея создания независимой студенческой организации со своей газетой, а также (явно по польскому образцу) идея свободных

на Западе), речь идет о явлении международном, что лишь усиливало его политический вес. При этом в руководстве ВСРП не было единства мнений относительно того, как реагировать на оппозицию⁵³.

К началу 1980-х гг., при всей важности самиздата, оппозиционные проявления в интеллигентской среде вовсе не сводились к его распространению. Все более протестные формы приобретают альтернативные течения в художественной культуре (не только в легально выходявших литературных журналах, изобразительном искусстве, легкой музыке, но даже в театре); речь шла уже не об эскапизме и подчеркнутой аполитичности (что власти терпели в соответствии с официальной доктриной культурной политики, сформулированной еще в 1960-е гг. главным идеологом партии Дьёрдем Ацелом), а о том, что успешно деполитизированное в 1960-е — 1970-е гг. венгерское общество вступило на путь новой политизации, причем на явно оппозиционной властям платформе. В октябре 1980 г. в Сентэндре состоялось совещание молодых писателей, на котором звучали требования расширения творческих свобод, активизировал деятельность Кружок молодых писателей имени Аттилы Йожефа, претендовавший на автономное положение в литературной жизни. Все это не могло не вызывать раздражение лидера партии. В ряде публичных выступлений Кадар не преминул заявить, что власти будут защищать социалистические завоевания от любых угроз, откуда бы они ни исходили, и дадут отпор любого рода подстрекателям. Произошедшие в 1980 г. волнения на крупнейшем в Венгрии Чепельском комбинате вызвали особую обеспокоенность руководства ВСРП, живо напо-

университетов как альтернативной формы общественно-политического образования.

⁵³ См. соответствующие документы: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. 1. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов. СПб.: Алетейя, 2012. С. 148–157.

нив ему как о собственном 1956 годе, так и о польской «Солидарности», и заставив отказаться от запланированного нового повышения цен.

В сентябре 1981 г. первый общепольский съезд почти 10-миллионного (!) к тому времени профсоюза принял обращение к рабочим стран Восточной Европы с призывом бороться за независимое профсоюзное движение. Обращение нашло отклик в диссидентских кругах Чехословакии и Венгрии⁵⁴. Хотя в этих странах не было зачатков независимого рабочего движения и политическая оппозиция носила преимущественно интеллигентский характер, интерес к современному польскому опыту был особенно велик именно в интеллигентской среде. К концу 1981 г. в Венгрии складывается довольно развитая периодика самиздата — журналы «Бёселё» («Beszélő», «Говорящий»), позже также «Хирмондо» («Hírnöndy», «Информационный бюллетень»), а также книжные серии подпольных издательств АВ и АВС. Главным менеджером венгерского самиздата был Габор Демски⁵⁵, который изучил опыт польской независимой прессы⁵⁶; к декабрю 1981 г. венгерским самиздатом

⁵⁴ Венгерские власти принимают меры, чтобы воспрепятствовать проникновению обращения «Солидарности» в открытую прессу, что было реально в условиях фактического отсутствия в кадаровской Венгрии предварительной цензуры (в необходимых случаях из обращения изымались уже отпечатанные номера газет и журналов, а редакторы привлекались к ответственности). Любопытный казус произошел, когда партийное издательство «Кошут» по недосмотру аппаратчиков выпустило сборник статей Троцкого о революции, вызвавший огромный ажиотаж среди оппозиционно настроенной молодежи. После изъятия тиража из обращения сборник был (как и ряд других изъятых из официального обращения книг) перепубликован самиздатом.

⁵⁵ Впоследствии Г. Демски стал одним из политических тяжеловесов посткоммунистической Венгрии, был многолетним мэром Буданешта. Среди других периодических изданий венгерского самиздата можно назвать «Восточноевропейское обозрение» (“Kelet-európai Figyelő”), информировавшее читателя об оппозиционных движениях в соседних странах, «Венгерское обозрение» (“Magyar Figyelő”).

⁵⁶ В Польше в 1976–1980 гг. в разных нелегальных сериях вышло более 500 книг, в 1980–1981 гг. под эгидой «Солидарности» выходило

было выпущено не менее 100 изданий журнальной и книжной продукции. Освещение и анализ современных событий в Польше становятся одной из приоритетных тем самиздата Венгрии, чему, естественно, способствовало большое внимание общества к «Солидарности» как феномену независимого рабочего движения⁵⁷. В венгерских подпольных изданиях с учетом польского опыта разворачивается дискуссия о роли и задачах оппозиции, ее тактике. Подчеркивалась необходимость создания новых общественных структур, борьбы за их автономизацию, за отвоёвывание у властей все больших свобод в интересах дальнейшего формирования гражданского общества⁵⁸. В целях более глубокого понимания истоков кризисных явлений (как в Польше, так и в Венгрии) венгерская публика все чаще обращалась к самиздату, где периодически появлялись статьи с анализом тяжелого экономического положения и требованием возвращения к реформам, свернутым в 1972–1973 гг.

около 300 периодических изданий. Польский самиздат, в свою очередь, проявил немалый интерес к истории венгерской революции 1956 г., опубликовав в своих книжных сериях посвященные ей книги Виктора Во рошильского, Петера Гостони, Петера Кенде, мемуары Шандора Копачи и югославского дипломата Велько Мичуновича и многое другое. Среди сюжетов, привлекавших особое внимание, был опыт деятельности в ноябре 1956 г. большого будапештского рабочего совета, претендовавшего на роль альтернативного центра власти. Идеологи польской оппозиции, анализируя последствия скоропалительного решения И. Надя и его правительства о выходе Венгрии из ОВД в ноябре 1956 г., приходили к выводу о том, что восточноевропейская оппозиция должна делать упор на независимое массовое движение с участием рабочего класса и создание альтернативных квазигосударственных структур наподобие «Солидарности», а не на независимость во внешней политике.

⁵⁷ См. библиографию венгерского самиздата: *A Magyarországi Szamizdat bibliográfiája. 1981–1989. Vp.*, 1990.

⁵⁸ Изучение опыта «Солидарности» давало повод для резкой критики самиздатом собственных венгерских профсоюзов во главе с их бессменным лидером Шандором Гашпаром (с 1978 г. — председателем контролируемой Москвой Всемирной федерации профсоюзов), ставших оплотом контрреформаторства — их эгалитаристская позиция явилась тем внутренним фактором, который наряду с внешним фактором (давлением Москвы) повлиял на свертывание в 1972 г. венгерской экономической реформы.

Другой приоритетной темой венгерского самиздата становится собственный 1956 год. Многолетняя установка пропаганды на достижение «коллективной амнезии» должна была рано или поздно показать свою неэффективность. Ведь нелегитимность прихода Я. Кадара к власти в ноябре 1956 г. хорошо осознавалась сотнями тысяч венгров, склонных терпеть существующую власть лишь в той мере, в какой она предоставляла привычный им материальный достаток и возможности дополнительного заработка, довольно широкую свободу в частной жизни, в неполитических проявлениях деятельности. К началу же 1980-х гг., по мере ухудшения перспектив экономического развития, достигнутый компромисс стал давать все более очевидную трещину.

Под непосредственным влиянием польского кризиса кардинально меняется вся государственная концепция сохранения исторической памяти о событиях 1956 г. Прежняя стратегия на забвение венграми тех событий признается недостаточно эффективной. Ведь несмотря на все усилия идеологов режима «будапештская осень» все равно зримо присутствовала в национальном сознании, а еще более — в «национальном подсознании», и не только как предостережение от нарушения заключенного с режимом Кадара общественного договора, но и как напоминание о возможности политических альтернатив. Для поддержания в венгерском обществе воспоминаний о 1956 году немалые усилия прилагала доступная в Венгрии радиостанция «Свободная Европа», особенно в дни очередных годовщин. Не проявляя со своей стороны инициативы в обращении к истории восстания, власть в то же время была вынуждена реагировать на выступления «радиоголосов» и заботиться о пресечении внутри страны любых «вражеских вылазок» в оценке октябрьских событий⁵⁹. К осени 1981 г. приходилось уже реагировать

⁵⁹ Осенью 1976 г. на фоне очередного кризиса в Польше и создания там Комитета защиты рабочих идеологическим структурам ВСРП пришлось принять дополнительные меры для нейтрализации мощной про-

и на собственный довольно развитый самиздат, работавший (как и западные «голоса») в расчете на повышенный интерес молодежи к замалчиваемой истории новейшего времени и требовавший коренного пересмотра концепции контрреволюции. В акциях памяти о событиях 1956 г., состоявшихся в дни их четвертьвекового юбилея и нашедших подробное освещение в самиздате, приняли участие люди разных поколений — от ветеранов тех событий, подвергавшихся преследованиям, до молодежи и студентов. Именно память о 1956 годе была (наряду с положением венгров в соседних странах) платформой, в наибольшей мере способной сплотить людей разных политических убеждений. И хотя тактика замалчивания возымела определенный эффект (к концу 1970-х гг. большинство молодых людей Венгрии мало что знало о событиях 1956 года сверх установленного властями канона), в условиях, когда в деполитизированном обществе «зрелого кадаризма» заметно ослабла коммунистическая индоктринация, она казалась уже недостаточной.

Таким образом, именно осенью 1981 г., в канун 25-летнего юбилея «будапештской осени», на фоне резко обострившегося польского кризиса тактика властей (не желавших упускать инициативу в споре с активизировавшейся оппозицией) решительным образом меняется: на смену прежнему замалчиванию событий 1956 г. приходит мощное идеологическое контрнаступление. Выходит обилие пропагандистской литературы, тема подавления «контрреволюции» не сходит с полос многих газет, по венгерскому телевидению показан документальный сериал о зверствах «контрреволюционеров» в 1956 г. Власть

пагандистской кампании, развернувшейся на Западе в связи с 20-летием венгерской революции. Особенно много головной боли у кадаровских работников идеологического фронта вызывали кадры кинохроники времен «будапештской осени», широко демонстрировавшиеся по западным телеканалам, ставшим к этому времени все более доступными восточноевропейскому зрителю.

ответила на вызов оппозиции, решив, наконец, «скрестить шпаги» с набравшим силу самиздатом⁶⁰.

Введенное в Польше в декабре 1981 г. генералом Войцехом Ярузельским военное положение венгерское общественное мнение, не желавшее хаоса в союзнической стране, в целом восприняло достаточно спокойно, тем более что обошлось без участия советских войск. Более того, на определенные круги оппозиционно настроенной интеллигенции, причастной к распространению самиздата, оно подействовало сдерживающе⁶¹. Как бы то ни было, венгерская оппозиция откликнулась на события 13 декабря 1981 г. новыми программными документами: глубокий анализ истоков кризисных явлений в Восточной Европе сочетался в них с поисками перспектив развития⁶². В начале 1980-х гг. Политбюро ЦК ВСРП не уставало заниматься проблемами собственной оппозиции, с обеспокоенностью констатируя ее растущую активность⁶³. Летом 1982 г. власти инициируют волну полицейских мер против оппозиции (задержания, обыски, изъятие нелегальной литературы)⁶⁴. Все это, однако, не переломило вектор

⁶⁰ В самиздате 1980-х гг. публикуется хронология «будапештской осени», выходят все наиболее значительные к тому времени, опубликованные прежде на Западе работы, посвященные венгерским событиям 1956 г. — книги Т. Мераи, Т. Ацела, М. Мольнара, Билла Ломэкса, Петера Гостони, генерала Белы Кирая, Виктора Ворошильского, отчет венгерской комиссии ООН, мемуары Иштвана Эрши, сборники публицистики 1956 г. и многое другое.

⁶¹ Подачкой Кадара венгерскому пролетариату в целях нейтрализации нежелательных настроений явилось провозглашение субботы нерабочим днем (требование, фигурировавшее в программе «Солидарности»).

⁶² См.: Tamás G.M. *Illegális röpirat*, 1982. Február // *Eszmélet*. 2003. № 57.

⁶³ См. соответствующие материалы: *Анатомия конфликтов*. Т. 2. С. 157–167.

⁶⁴ Министр внутренних дел И. Хорват, выступая в октябре 1982 г. в парламенте, призвал к более строгим мерам против оппозиции, при этом ссылаясь на сложную международную обстановку. Чаще всего, однако, преследуемые отделялись административными мерами либо условными сроками — власти не хотели делать из них мучеников в глазах общественного мнения.

дальнейшей эволюции венгерского диссидентского движения. В журнале «Беселё» публикуются новые программные заявления представителей либеральной оппозиции с требованием экономических реформ, расширения гласности, реформ государственной системы (при ограничении роли правящей партии), создания независимой судебной системы. Сохранялось внимание венгерской оппозиции и широкой общественности к положению большой венгерской диаспоры в соседних странах, ухудшавшемуся в условиях нарастания кризисных явлений в экономике. Акты дискриминации режимом Чаушеску в Румынии более чем полуторамиллионного венгерского населения Трансильвании также становятся в 1980-е гг. одной из приоритетных тем венгерского самиздата⁶⁵. В этой связи стоит заметить, что к национально ориентированной фронде венгерские власти проявляли, как правило, больше терпимости, нежели к формировавшейся либерально-демократической оппозиции, акцентировавшей внимание на фактах ущемления прав человека не в соседней Румынии, а в самой Венгрии. С другой стороны, и либералы несколько не чу-

⁶⁵ В декабре 1981 г., как раз в дни введения военного положения в Польше, в Трансильвании вышел первый номер нелегального журнала «Ellenpontok» («Контрапункты») на венгерском языке. Годом позже, в ноябре 1982 г., редактор этого журнала Г. Сёч и ряд других диссидентов из числа трансильванских венгров были арестованы после того, как обратились с письмом к мадридской конференции по правам человека, в котором ставили вопрос о нарушении прав человека в Румынии, в том числе о положении национальных меньшинств. Хотя румынские власти всячески препятствовали связям собственных очень малочисленных диссидентов с единомышленниками в других странах и запрещали их выезд из страны, это уже не приносило эффекта. Венгерские оппозиционеры не только поддерживали контакты с оппозицией в других социалистических странах (в особенности из венгерской диаспоры Румынии и Чехословакии), но и информировали читателя через нелегальную прессу об их программах. Дело с арестом Сёча и др. вызвало большой отклик в Венгрии, было организовано письмо в высокие инстанции, подписанное многими видными интеллектуалами. Аналогичным был отклик на преследования чехословацкими властями видного венгерского диссидента Словакии М. Дюрая в 1983–1984 гг.

рались подключения к акциям с осуждением дискриминационной политики Чаушеску в отношении этнических венгров (особенно когда во второй половине 1980-х дело дошло до волонтаристских планов сноса «бесперспективных» венгерских деревень Трансильвании).

25-летие казни Имре Надя в июне 1983 г. дало диссидентским кругам повод поразмышлять не только о роли этого политика (оставшегося верным своим убеждениям сторонника венгерского пути к социализму) в 1956 г., но и об актуальности его политического наследия. Перед властями ставился вопрос об изменении отношения к казненному премьеру и его единомышленникам, об их полной реабилитации, а заодно и о пересмотре характера событий 1956 г. (без этого, как отмечалось в некоторых публикациях самиздата, совершенно невозможно было приступить к назревшим системным реформам). Власти отвечали на происходившее преследованиями (обысками, изъятием нелегальной литературы, привлечением людей к административной ответственности за распространение самиздата)⁶⁶. Эффекта это не приносило. В конце 1983 г. венгерские диссиденты принимают участие в международной акции «Amnesty International» с требованием освобождения политзаключенных; устанавливаются все более тесные связи с польской и чешской оппозицией; венгерский самиздат публикует среди прочего произведения Вацлава Гавела, Милана Кундеры, Зденека Млынаржа, Чеслава Милоша, Лешека Колаковского, серию книг о ГУЛАГе, в том числе рассказы Варлама Шаламова. Переход властей к более агрессивной тактике дал повод для новых разочарований на Западе в режиме Кадара. Международ-

⁶⁶ Судебный процесс против Г. Демского и преследования Кружка молодых писателей имени А. Йожефа в конце 1983 г. Автор этих строк, в декабре 1983 г. — студент-пятикурсник МГУ, находившийся на практике в Венгрии, сам был свидетелем студенческой акции в защиту легального журнала “Mozgó világ” («Движущийся мир»), один из номеров которого был запрещен.

ный Хельсинкский комитет подготовил в 1983 г. доклад о нарушениях прав человека в Венгрии, опубликованный и в венгерском самиздате.

Несмотря на ужесточение в самой Венгрии риторики в отношении собственной оппозиции, международные связи страны не стали менее интенсивными, тем более что ухудшавшееся экономическое положение только стимулировало заинтересованность в сотрудничестве с Западом и поиске новых внешнеторговых партнеров. Возникает идея вступления страны в Международный валютный фонд, реализованная вопреки возражениям Москвы уже в 1982 г. Дальнейшее наведение мостов с Западом не ограничивалось экономикой. Уже со второй половины 1970-х гг. расширяются возможности получения фрондирующими венгерскими интеллектуалами западных стипендий — идя в этом плане на послабления, кадровские власти втайне надеялись, что самые «злостные» оппоненты режима, выехав на Запад (например, Д. Конрад, в дни введения военного положения в Польше «осмелившийся» со страниц «New York Times» поставить вопрос о незаконности осуждения И. Надя), останутся невозвращенцами. С 1982 г. такие возможности расширяются. Осенью 1983 г. (в самый пик нового витка «холодной войны») начинаются переговоры с уроженцем Венгрии миллиардером Джорджем Соросом, завершившиеся в 1984 г. соглашением, которое разрешало ему деятельность в Венгрии в сфере культуры и образования.

Уже не за горами был 1985 год, когда приход к власти М. Горбачева и начало Перестройки в СССР поставили коммунистических лидеров Восточной Европы перед совершенно новым вызовом — всех, включая умеренного реформатора и прагматика Я. Кадара, эволюционировавшего в 1980-е гг. под влиянием польских событий (из страха перед утратой власти коммунистами) к более консервативной платформе. Именно внутривосточные изменения в Советском Союзе стали фактором, в решающей мере предопределившим новый вектор развития. Во второй по-

ловине 1980-х гг. не только сохранял свое значение, но расширял масштабы деятельности венгерский самиздат (уже упомянутые журналы Г. Демски, издательства АВ и АВС и др.)⁶⁷. Однако теперь самиздат функционировал в новых условиях. В 1986–1988 гг. на основе прежде малочисленных диссидентских групп конституируются широкие общественные движения оппозиционной направленности со своими печатными изданиями, которые в 1988 г. уже функционируют вполне легально — издание консервативного Венгерского демократического форума «Хител» (“Hitel”, «Доверие»), издание либерального Союза свободных демократов «Хиань» (“Hiány”, «Дефицит»), журнал Союза молодых демократов ФИДЕС во главе с будущим премьер-министром Виктором Орбаном «Мадьяр наранч» (“Magyar napancs”, «Венгерский апельсин»). Попытки властей установить контроль над эмансипирующимся гражданским обществом заканчивались все более очевидной неудачей. С каждым месяцем расширявшая поле своей активности сеть оппозиционных движений, в конце концов, обеспечила плавную смену системы в Венгрии в 1989 — первой половине 1990 гг. Относительно благополучный режим Я. Кадара, в 1970-е гг. игравший роль витрины соцсодружества, должен был неминуемо разделить судьбу других коммунистических режимов Восточной Европы. Реальный социализм не выдержал испытания временем, в новых исторических условиях закономерно уступив место плюралистическим формам правления.

Библиографический список

1. Tőkés R.L. Hungary's Negotiated Revolution. Economic Reform, Social Change and Political Succession, 1957–1990. Cambridge University Press, 1998;

⁶⁷ См. библиографию венгерского самиздата: A Magyarországi Szamizdat bibliográfiája. 1981–1989. Vp., 1990. Среди других проектов венгерского самиздата второй половины 1980-х гг. можно выделить полную публикацию материалов нелегальной конференции к 30-летию событий 1956 г., состоявшейся в декабре 1986 г. в Будапеште.

2. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. 1. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов. СПб., Алетейя, 2012; Т. 2. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов. СПб.: Алетейя, 2013.
3. Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. М., Ин-т славяноведения РАН, 2014.
4. Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. М.: РОССПЭН, 1998.
5. Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. М.: «Новый хронограф», 2003.
6. Стыкалин А.С. От революции 1956 г. к «смене систем» в 1989 г.: метаморфозы исторической памяти венгерской нации // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М. РОССПЭН, 2011.
7. Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5.

Приложение

Деятельность секты АУМ Синрике в России в начале 1990-х гг.: по материалам коллекции листовок ГПИБ России

*Ефимова Полина Юрьевна / Yefimova Polina
стажер Центра социально-политический
истории ГПИБ России
студент 4 курса, РГСУ /
Trainee of the Center the socio-political
history SHPL of Russia, student 4 courses, RSSU*

Аннотация: В статье рассматривается история и деятельность секты АУМ Синрике в России. Привлечение в качестве источников агитационных материалов религиозной общины позволяет раскрыть приемы и методы вовлечения сторонников секты под предводительством Секо Асахары, а также их активную борьбу против закрытия организации на территории РФ.

Статью предваряет краткий экскурс по истории зарождения и деятельности организации до появления общин на территории РФ.

Summary: In article is devoted to the history and activity of sect of AUM Sinriке in Russia. The source are propaganda materials of the religious community. This allows to open methods of involvement of people to the sect under Seko Asakhara's leadership, and also their active fight against closing of the organization in in the territory of the Russian Federation. Article is preceded by short history of origin and activity of the organization before the communities in the territory of the Russian Federation appeared.

Ключевые слова / Key words: АУМ Синрике, листовки, агитация, Секо Асахара, медитация, секта, религия, правосудие,

уголовное преследование, AUM Sinrike, leaflets, propaganda, Seko Asakhara, meditation, sect, religion, justice, criminal prosecution.

Коллекция листовок Фонда нетрадиционной печати Государственной публичной исторической библиотеки России известна, в первую очередь, как собрание материалов политических организаций. Тем не менее, листовки религиозных организаций в составе коллекции Исторической библиотеки являются достаточно интересным и малоизученным массивом.

Наибольшая часть листовок религиозных материалов передана в Фонд нетрадиционной печати ГПИБ России сотрудником библиотеки, известным историком и религиоведом Ниной Пашаевой (1926–2013). Материалы «Собрания Н. М. Пашаевой», а также листовки, которые приносили в библиотеку читатели и сотрудники позволяют воссоздать яркую и самобытную атмосферу середины 90-х гг. В этот период в России действовали зарубежные представители различных религиозных конфессий, объединений, а также сект.

С первых дней своего появления в России АУМ Синрике выделялась своей агрессивной риторикой. Несмотря на забытую, но достаточно яркую историю деятельности секты в России мы попытались проследить, привлекая материалы коллекции листовок Фонда нетрадиционной печати ГПИБ России.

Деятельность АУМ Синрике до появления в России

АУМ Синрике — секта, необудийская организация, созданная в 1986 г. в Японии проповедником и авантюристом Секо Асахарой. Настоящее имя основателя — Тидзуо Мацумото. Он родился в 1955 г. в семье ремесленника, с рождения был слеп на один глаз, а второй видел всего на 20 %. Через несколько лет родители отдают его в школу для слепых, где он приобретает знания по иглоукаливанию. После окончания школы работает

специалистом по иглотерапии, затем женится и устраивается на работу в китайскую аптеку города Фунабаси префектуры Чива¹.

В 1977 г. Тидзуо Мацумото переживает период религиозных исканий, его начинает интересовать йога. В то же время он проводит аферу по продаже фальшивых лекарств, за что он его оштрафовали на 20 тысяч йен и лишили лицензии на работу. Однако средства, вырученные от продажи, позволили Мацумото открыть Центр йоги в Токио, а затем основать религиозную организацию «Учение Истины АУМ» (таково ее название в переводе с японского языка)². С этого времени Тидзуо Мацумото именуется Секо Асахара а полностью — Дух истины, его Святейшество преподобный учитель Секо Асахара.

О нем писали, что имеет опыт *«восьми лет практики буддизма и йоги.... Достижение Окончательного Освобождения в Гималаях в 1986 году»*. Привел к «Освобождению» более 350 учеников, *«защищает мир во всем Мире»*. Говорилось также, что именно Высокие ламы присвоили ему титул «Его Святейшество». На брошюрах печатались фотографии Секо Асахары вместе с представителями разных религий, которые якобы дали свое «благословение» и признали его как «Учителя», — с Далай-Ламой, митрополит Питиримом, Карлом Римпоче и Свами Аканданандой³.

Секта АУМ Синрике в течение всего своего существования строилась по строго централизованному принципу, то есть по принципу абсолютного подчинения нижестоящих адептов вышестоящим. Действовал

¹ АУМ Синрике // Религиозные учения и секты (Apologia: Правда о католической церкви. Доступно по адресу: <http://www.apologia.ru/mddb/393> [дата обращения 12.01.2015].

² Балагушкин Е.Г. Проблемы морфологического анализа религий. М.: Ин-т философии РАН, 2003. С. 155.

³ Секта «АУМ Синрике» (учение истины АУМ) — Творение господина Секо Асахара: [Буклет]. М., 1994. 4 л., 26×17 см. ГПИБ инв. № 1112990.

режим секретности внутри культа и тотальная слежка. Для вступления в секту необходимо было заплатить солидный взнос⁴.

В 1989 г. организация «Учение Истины АУМ» получила официальную регистрацию в Японии. Возникли филиалы в США, Германии, Шри-Ланке, России. Причем российские масштабы распространения новой религии оказались наиболее значительными: даже на своей родине АУМ не имела такой численности верующих и столь широких возможностей для пропаганды своего учения в эфире и на театральной сцене⁵.

АУМ Синрике в России

Секта под предводительством Секо Асахары стала действовать в России с лета 1992 г. и быстро получила широкий резонанс в средствах массовой информации. Только *«в первые несколько месяцев своей деятельности она заплатила около миллиона долларов, обеспечив себе ежедневную часовую программу на радиостанции “Маяк” и получасовую еженедельную передачу на телеканале “2×2”»*⁶.

Помимо рекламы в средствах массовой информации, в начале 1990-х гг. распространялось огромное количество цветных листовок, в которых рассказывалось, что учение АУМ Синрике было образовано в 1987 г. с целью «спасения».

Идея «спасения» основана на трех тезисах:

- 1) избавление людей от страданий, которые приносят болезни;

⁴ АУМ Синрике // Сектовед. Сайт о Сектах, лжеучениях, и деструктивных культах. Доступно по адресу: http://www.sektoved.ru/enciclopedia.php?cat_id=38 [дата обращения: 12.01.2015].

⁵ Балагушкин Е.Г. Указ. соч..

⁶ Секта «АУМ Синрике» (учение истины АУМ) — творение господина Секо Асахара: [Буклет]. М., 1994. 4 л., 26×17 см. ГПИБ инв. № 1112990.

- 2) достижение счастья в этой мирской жизни;
- 3) достижение Освобождения и Просветления⁷.

Совместно с этим пропагандировалось, что учение является высшим синтезом всех мировых религий. Основой считался личный опыт основателя АУМ Синрике Учителя Секо Асахара.

В 1992 г. в России началась пропаганда учения через созданный в Москве оркестр АУМ Синрике «Кирэн». В него вошли творческие коллективы из Москвы, Киева, Минска и других крупных культурных центров. Работали *«известнейшие музыканты, лауреаты международных и всесоюзных конкурсов»*⁸.

Во время путешествий с оркестром по России и миру Секо Асахара говорил, что *«надо музыкой сделать души людей чище, более того, поднять их энергию и привести к пробуждению сознания Четырех Великих Неизмеримостей, в основе которых лежит Святая Любовь»*⁹. Вся музыка была создана на основе мелодий, которые слышал Учитель Асахара во время медитаций. Считалось, что живущие в высших мирах существа имеют меньшее количество желаний, но больше радостей и покоя. Целью последователей провозглашалось принесение спокойствия и счастья в душу человека. Стоимость билета на концерты в России варьировала от тысячи до пяти тысяч рублей, зрителям сообщалось, что *«вырученные деньги будут использованы на оказание помощи нуждающимся»*¹⁰.

⁷ Учитель Секо Асахара и истина помогут Вам обрести счастье: [Листовка]. М., 1994. 2 л., 25×17 см. ГПИБ инв. № 1113898.

⁸ Концерт астральной музыки [18 марта 1994 г.]. Лекция его святейшества преподобного учителя Секо Асахара. Инициация гуру-йога-майтрея: [Буклет]. М., 1994. 2 л., 28×19 см. ГПИБ инв. № 1113917.

⁹ Преподобный учитель Секо Асахара приезжает в Москву! Путешествие в астральный мир. Инициация гуру-йога-майтрея: [Листовка]. М., 1993. 2 л., 28×19 см. ГПИБ инв. № 1112987.

¹⁰ Лекция его святейшества преподобного учителя Секо Асахара. Концерт астральной музыки «Кирэн»: [Буклет]. М., 1994. 4 л., 28×19 см. ГПИБ инв. № 1113912.

Об этой музыке отзывался в своем интервью скрипач и дирижер Максим Федотов: *«религиозная музыка в исполнении “Кирэна” удивительно мелодична, доходчива... мне очень нравится в ней светлый настрой и ее обращенность к самым светлым человеческим качествам»*¹¹.

Таким образом, людям, пришедшим на концерт «астральной музыки», которая исполнялась оркестром «Кирэн», сообщали, что они могут услышать эту музыку только после того, как начнут заниматься духовной практикой, — и тогда, слушая эту музыку, очистится сознание, появится стабильность в душе и исцелятся болезни, а самое важное — может пробудиться Кундалини.

Кундалини — *«это духовная энергия, которая может поднять человеческое сознание в более высокое измерение»*. Сообщалось, что она часто находится в дремлющем состоянии, а познание этой «энергии» было возможным только для вступивших в АУМ Синрике¹².

С распространением движения на станциях московского метро «Тургеневская», «Китай-город», «Библиотека имени Ленина» появились киоски с литературой и кассетами. Образовались центры АУМ Синрике около станций метро «Речной вокзал», «Домодедовская», «Медведково», «Алексеевская» и в ДК «Серп и молот». Ежедневно в пяти филиалах проводились семинары днем и лекции вечером, в выходные дни — семинары по секретным техникам гималайской йоги и интенсивные 60-часовые семинары.

Что же касается системы духовной практики, то она состояла из посещений лекций, тренингов, изучения книг, просмотра видеофильмов (выступлений Секо Асахары), обучения «методам буддийской практики», освоения «тех-

¹¹ Там же.

¹² Дух истины, его святейство учитель Секо Асахара и его лучшие ученики представляют 10 секретных секретных учений эзотерического даосизма: [Листовка]. М., 1994]. 2 л., 28×19 см. ГПИБ инв. № 1113914.

ники йоги», а также раздела «консультации и ответы на вопросы»¹³.

Как уже говорилось выше, для тех, кто стал членом организации, Учитель Секо Асахара проводил инициации, а именно «передачу святой энергии и посвящение в техники медитации».

В АУМ Синрике имелись так называемые секретные техники:

- базовая дыхательная техника Мантра Гаятория;
- Анулома Вилома Пранаяма (омоложение, усиление энергии, очищение легких и носа, душевное спокойствие, укрепление здоровья, пробуждение сверхъестественных сил);
- Сахита-Кумбака Пранаяма (успокоение духа, избавление от аллергии и астмы);
- Хинду Цандали;
- Ваявия-Кумбака Пранаяма (быстрое пробуждение Кундалини, увеличение умственных способностей, уменьшение веса, омоложение, избавление от хронической простуды, способность входить в Самади, приобретение мистического опыта);
- Ваявия-Кумбака Пранаяма с визуализацией;
- Апан-Крия;
- Бастрика Пранаяма (быстрое пробуждение Кундалини, усиление жизненной энергии, открытие канала Сушумна, избавление от ревматизма);
- Маха-Банда Мудра (пробуждение Кундалини, способность входить в Самади, приближение к богам);
- Ваявия-Кумбака Пранаяма высокого уровня¹⁴.

Благодаря всем вышеперечисленным техникам гималайской йоги, люди, состоящие в секте, имеют выбор, чем

¹³ Семинар АУМ Синрике [Приглашение: м. «Медведково», 2 и 3 декабря 1993 г.]: [Листовка]. М., 1993. 1 л., 24×17 см. ГПИБ инв. № 1113915.

¹⁴ Там же.

именно им нужно заниматься, чтобы избавиться от болезней, обрести счастье или же пробудиться духовно, то есть достичь «Освобождения» и «Просветления».

Вот один из типичных отзывов о лекции Секо Асахара: *«После того, как я прослушала лекцию Учителя Асахара, мой взгляд на мир полностью изменился. В учении Учителя Асахара содержится глубокое значение. Я думаю, что смогу изменить свою жизнь с помощью этого учения, и то же самое относится ко всем, кто несчастлив. Я долгое время занималась различными видами духовной практики, но не могла встретить Истину. Теперь, став членом АУМ Синрике, я нашла Истину, и я счастлива»*¹⁵.

В России Секо Асахара проводил инициации «Гуру-Йога-Майтрея»; первая из них произошла 23 ноября 1993 г. в спорткомплексе «Олимпийский»¹⁶. В тот день десять тысяч верующих получили возможность установить связь с высокими измерениями. 19 марта 1994 г. Учитель проводит еще одну масштабную инициацию «Гуру-Йога-Майтрея», и завершает ее концертом астральной музыки для 18 тысяч россиян¹⁷.

Являясь религиозным деятелем «нового типа», Секо Асахара стремился объяснять явления духовного мира, в том числе и научными методами. Для этого Учитель Асахара проводил лекции в МГУ, МИФИ, МГТУ им. Баумана и многих других вузах, выступал с предложениями о совместных научных исследованиях между АУМ

¹⁵ Подарок всей Москве к началу нового года от религиозной организации Аум Синрике! [Приглашение на мероприятия в спорткомплексе «Олимпийский»]: [Листовка]. М., 1993. 2 л., 28×19 см. ГПИБ инв. № 1113914 (об.).

¹⁶ Татхагата, Об учителе Секо Асахара и АУМ Синрике глазами учеников // Биографии и мемуары. Электронная библиотека. Доступно по адресу: http://bungalos.ru/b/asahara_tathagata_ob_uchitele_syoko_asahara_i_aum_sinrikyo_glazami_uchenikov/22 [дата обращения 12.01.2015].

¹⁷ Концерт астральной музыки [18 марта 1994 г.]. Лекция его святейшего преподобного учителя Секо Асахара. Инициация гуру-йога -майтрейя: [Буклет]. М., 1994. 2 л., 28×19 см. ГПИБ инв. № 1113917.

Синрике и университетами. В частности, проводились подготовительные работы по проведению серии исследований совместно с группой из восьми ученых механико-математического факультета МГУ¹⁸.

По некоторым оценкам, численность последователей АУМ Синрике в России составляла до 40 тысяч человек¹⁹.

Закат секты

Успешная деятельность секты в России была прервана сообщением о террористическом акте в токийском метро 20 марта 1995 г., который вошел в историю под названием «зариновой атаки», поскольку был совершен с применением отравляющего вещества зарина.

По подозрению в совершении «зариновой атаки» было задержано несколько участников секты под предводительством Секо Асахары. Вскоре российские правоохранительные органы начали комплексную проверку деятельности секты.

Еще до этих событий в России летом 1994 г. «Комитет по защите молодежи от тоталитарных религий», объединивший родителей, дети которых попали под влияние сект и ушли из дома, прервав всякое общение с родственниками, подал гражданский иск против «Московской организации учения истины АУМ». 18 апреля 1995 г. Останкинский районный суд Москвы удовлетворил иск «Комитета по защите молодежи от тоталитарных сект», требовавшего запретить деятельность московского представительства религиозной секты АУМ Синрике — «Учения истины АУМ». Свое требование истцы мотивировали тем, что члены секты в результате участия в обрядах получали различные психические и физические расстройства, а ру-

¹⁸ Учитель Секо Асахара и истина помогут Вам обрести счастье [АУМ Синрике]: [Листовка]. М., 1994. 2 л., 25×17 см. ГПИБ инв. № 1113898.

¹⁹ Правда в официальном изложении АУМовских летописцев она выглядит несколько иначе // Agentura.ru. Доступно по адресу: <http://studies.agentura.ru/tr/sinrike/official/> [дата обращения 12.01.2015].

ководители АУМ Синрике откровенно вымогали деньги у своих последователей. По данным Генеральной прокуратуры России, от деятельности АУМ Синрике в России пострадало около 24 тысяч человек. Однако официально признанными жертвами секты числились всего 26 человек. В своем иске Комитет требовал выплатить им компенсацию. В итоге суд запретил деятельность секты и обязал ее руководителей выплатить пострадавшим последователям компенсации на общую сумму 2 миллиардов рублей²⁰.

Впоследствии, 21 февраля 1995 г. Генеральная прокуратура России возбудила *«уголовное дело в отношении организаторов Российского филиала религиозной секты “АУМ Синрике” и “Московской организации учения истины АУМ” по признакам преступлений, предусмотренных ст. 113 («Истязание»), 143.1 («Организация объединений, посягающих на личность и права граждан»), 148.3 («Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием») УК РСФСР»*²¹.

В качестве ответной реакции сторонники секты стали выпускать листовки с призывом «НЕ закрывайте Учение истины АУМ». АУМ Синрике отказывалась признавать свою причастность к теракту в токийском метро, приводя следующие аргументы:

- 1) во время теракта были пострадавшие из числа верующих АУМ Синрике;
- 2) теракт — это провокация японских властей с целью очернить АУМ Синрике, так как они тесно

²⁰ Костиков Р., Моргачев С. Жертвам «Аум Синрике» посвящается // Коммерсантъ. 1999. 30 сентября.

²¹ Официальный ответ председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации В.И. Илюхина депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации № 3.14-708 от 3 апреля 1995 г. на поручение от 24 марта 1995 года // Энциклопедия «Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера». 1995. 3 апреля. Доступно по адресу: http://www.stolica.narod.ru/vost_s/aum/003.htm [дата обращения 12.01.2015].

связаны с религиозной организацией «Сокагаккай», которая видит конкурента в учении АУМ;

- 3) в России сторонниками учения являются только граждане этой страны, которые не имеют никакого отношения к событиям в Токио²².

«Комитет по защите религии», находящийся под управлением Д.А. Сапрыкина, активиста АУМ Синрике и личного переводчика Секо Асахары²³, выступил против выдвинутых против движения обвинений и заявил о несправедливости и незаконных действиях суда; по его мнению, это преследование по религиозным мотивам является инсценировкой, за которой стоит японская организация «Сокагаккай»²⁴. После этого секта АУМ Синрике стала обвинять журналистов в некомпетентности и фальсификации информации. Например, последователи «Учения истины АУМ» возмутились действиями корреспондента программы «Времечко», который взял интервью у молодой девушки — участницы движения, рассказавшей о пагубном влиянии АУМ Синрике. Представители секты заявили, что девушку заставили так говорить под воздействием транквилизаторов представители Комитета по защите молодежи от тоталитарных религий²⁵.

Высказывание о том, что учение АУМ Синрике согласуется с учением Иисуса Христа, вызвало возмущение Русской православной церкви. Отдел катехизации и религиозного образования Московского Патриархата (от имени Информационно-консультативного центра священномученика Ириней епископа Лионского) выпустил буклет,

²² Не закрывайте учение АУМ Синрике: [Листовка]: М., 1994. 1 л., 23×19 см. ГПИБ инв. № 1113911.

²³ Мартынихин И. Профессор Ф. Кондратьев против президента НПА Ю. Савенко // Российское общество психиатров. Доступно по адресу: <http://psychiatr.ru/news/242>. [дата обращения 12.01.2015].

²⁴ Бюллетень комитета по защите свободы религии. М., 1994. Выпуск 2. С.1-2. ГПИБ инв. № 1113916.

²⁵ Там же.

в частности содержащий такие слова: «...Секо Асахара провозглашает себя Христом. Именно так: “Провозглашая себя Христом” называется его книга, на обложке изображен он сам, висящий на кресте в терновом венце и набедренной повязке... Сочинение состоит из трех частей: в первой Асахара силится доказать, что он, в отличие от многих лжехристов и лжепророков, является Христом, во второй — раскрывает “истинный смысл” Евангелия, и в третьей сообщает нам, что буддизм и христианство абсолютно тождественны... Вся эта хлестаковщина была бы достаточно смешной, если бы Асахара выдавал себя за испанского короля, алжирского бея или американского президента. Однако в духовной сфере такое самозванство куда более опасно»²⁶.

В итоге АУМ Синрике была отнесена международным сообществом к разряду тоталитарных сект²⁷.

Закат АУМ Синрике

Японская полиция арестовала Секо Асахару 16 мая 1995 г. Кроме того, в течение года было арестовано 30 руководителей секты. Против лидера АУМ Синрике были выдвинуты уголовные обвинения по 17 пунктам, в том числе в связи с зариновой газовой атакой в токийском метро и другой газовой атакой в городе Мацумото префектуры Нагано в центральной Японии.

В декабре 1995 г. по решению суда был наложен арест на все банковские счета и недвижимость этой секты, а весной 1996 г. АУМ Синрике была объявлена банкротом. Штаб-квартира секты в Токио была закрыта, имущество подлежало распродаже, а вырученные средства пошли на выплаты компенсаций жертвам террористического акта 1995 г.²⁸

²⁶ Секта «Аум Синрикс» (учение истины АУМ) — Творение господина Секо Асахара: [Буклет]. М., 1994. 4 л., 26×17 см. ГПИБ инв. № 1112990.

²⁷ Подробнее см.: АУМ Синрике // Портал KATOLIK.ru. Доступно по адресу: <http://katolik.ru/component/k2/item/205-aum-sinriке.html> [дата обращения 12.01.2015].

²⁸ Контора Асахары идет с молотка // Рабочая трибуна. 1996. 6 сентября.

После признания ответственности за террористический акт в токийском метро и принесения извинений за эту акцию секта переименовалась и стала называться «Алеф». Ее возглавил бывший лидер российского филиала Фумихиро Дзеу²⁹, который был арестован в феврале 1995 г. В 2007 году в «Алефе» произошел раскол, от него отделилась организация «Круг Света». Согласно отчетам японской спецслужбы, руководитель новой организации Фумихиро Дзеу очень часто ездит в Россию. Он возобновил визиты в 2009 г. и с тех пор приезжал в РФ как минимум семь раз³⁰.

История деятельности АУМ Синрике в России прекрасно иллюстрирует эпоху 90-х в России — как время идеологических поисков, в том числе и в религиозной сфере. И здесь листовый материал, к которому редко обращаются исследователи, как нельзя лучше позволяет раскрыть события прошлого.

Библиографический список

1. АУМ Синрике // Религиозные учения и секты (Apologia: Правда о католической церкви). Доступно по адресу: <http://www.apologia.ru/mddb/393> [дата обращения 12.01.2015].
2. АУМ Синрике // KATOLIK.ru. Доступно по адресу: <http://katolik.ru/component/k2/item/205-aum-sinriке.html> [дата обращения 12.01.2015].
3. АУМ Синрике // Сектовед. Сайт о Сектах, лжеучениях, и деструктивных культах. Доступно по адресу: http://www.sektoved.ru/enciclopedia.php?cat_id=38 [дата обращения 12.01.2015].
4. Балагушкин Е.Г. Проблемы морфологического анализа религий. М.: Ин-т философии РАН, 2003.

²⁹ Трещанин Д. Сско Асахара и его «священная война» против евреев, масонов и США // Русская планета. 2013. 25 октября. Доступно по адресу: <http://rusplt.ru/world/seko-asahara-i-ego-svyaschennaya-voyna-protiv-evreev-masonov-i-ssha.html> [дата обращения 12.01.2015].

³⁰ Секта «Аум Синрике». Справка // РИА Новости. 2010. 20 марта. Доступно по адресу: <http://ria.ru/spravka/20100320/215144822.html> [дата обращения 12.01.2015].

5. Контора Асахары идет с молотка // Рабочая трибуна. 1996. 6 сентября.
6. Костиков Р., Моргачев С. Жертвам «Аум Синрике» посвящается // Коммерсантъ. 1999. 30 сентября.
7. Мартынихин И. Профессор Ф. Кондратьев против президента НПА Ю. Савенко // Российское общество психиатров. Доступно по адресу: <http://psychiatr.ru/news/242> [дата обращения 12.01.2015].
8. Официальный ответ председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации В.И. Илюхина депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации № 3.14-708 от 3 апреля 1995 г. на поручение от 24 марта 1995 года // Энциклопедия «Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера». 1995. 3 апреля. Доступно по адресу: http://www.stolica.narod.ru/vost_s/aum/003.htm [дата обращения 12.01.2015].
9. Правда в официальном изложении АУМовских летописцев она выглядит несколько иначе // Agentura.ru. Доступно по адресу: <http://studies.agentura.ru/tr/sinrike/official/> [дата обращения 12.01.2015].
10. Секта «Аум Синрике». Справка // РИА Новости. 2010. 20 марта. Доступно по адресу: <http://ria.ru/spravka/20100320/215144822.html> [дата обращения 12.01.2015].
11. Татхагата, Об учителе Секо Асахара и АУМ Синрике глазами учеников // Биографии и мемуары. Электронная библиотека. Доступно по адресу: http://bungalos.ru/b/asahara_tathagata_ob_uchitele_syoko_asahara_i_aum_sinrikyo_glazami_uchenikov/22 [дата обращения 12.01.2015].
12. Трещанин Д. Секо Асахара и его «священная война» против евреев, масонов и США // Русская планета. 2013. 25 октября. Доступно по адресу: <http://rusplt.ru/world/seko-asahara-i-ego-svyaschennaya-voyna-protiv-evreev-masonov-i-ssha.html> [дата обращения 12.01.2015].

Хроника 2011–2015

«Acta samizdatica / Записки о самиздате» и не только

27 сентября 2011 г. Работа секции, посвященной самиздату, проходившей в рамках Первых Чертковских чтений Государственной публичной исторической библиотеки России. Было представлено пять докладов: Бориса Беленкина, Геннадия Кузовкина, Алексея Макарова (Международный Мемориал), Ильи Кучанова и Елены Струковой (ГПИБ России). Именно эти материалы стали основой пилотного номера альманаха «Acta samizdatica» (2012).

1 декабря 2012 г. Презентация пилотного выпуска альманаха «Acta samizdatica / Записки о самиздате» (Международная ярмарка интеллектуальной литературы Non/fiction № XIV, Авторский зал; в рамках программы Международного Мемориала на Non/fiction). Участвовали: Михаил Афанасьев, Борис Беленкин, Александр Даниэль, Борис Равдин, Арсений Рогинский, Елена Струкова, Габриэль Суперфин.

Из репортажа Антона Дубина «– Самиздат?.. Не самиздат?.. Какая разница!.. Все равно – самиздат!!»:

«...презентация превратилась в полуимпровизированный «круглый стол», участники которого в своих небольших выступлениях подняли такие вопросы, как научная проблема определения, того, что такое самиздат», где его границы, что можно (или нужно) считать «самиздатом», а что нет... Один из первых исследователей самиздата Александр Даниэль («Мемориал») говорил о терминологических дефинициях. Председатель Правления Международного Мемориала Арсений Рогинский поделился с присутствующими

своими воспоминаниями. Рижанин Борис Равдин рассказал о подпольном производстве грампластинок в 1950-х — начале 60-х годов в Латвии (песни русской эмиграции 1930-х гг., джаз и др.), о необычном техническом разнообразии изготовления этих записей. Габриэль Суперфин, исследователь из Бремена (Германия), познакомил собравшихся с фондом архива Института изучения Восточной Европы, в котором хранятся материалы, связанные с самиздатом, но таковым по формальным признакам не являющимися (<http://www.memo.ru/d/138237.html>).

29 ноября 2013 г. Презентация нового **1(2) выпуска альманаха «Acta samizdatica / Записки о самиздате»** (Международная ярмарка интеллектуальной литературы Non/fiction № XV, стенд Международного Мемориала). Издание представили составители Борис Беленкин и Елена Струкова. Прозвучали краткие выступления авторов выпуска Николая Котрелева, Алексея Макарова, Ирины Гордеевой, Дмитрия Рублева, Влада Тупикина, Ольгерты Харитоновой.

Из блога Влада Тупикина в «Живом Журнале»: «Самиздатская неделя»:

«... В пятницу 29-го в Москве на Non/fiction № 15 состоялась презентация альманаха записок о самиздате «Acta samizdatica» — очень мощного, надо сказать альманаха — статьи Бориса Беленкина о Владимире Ильиче, Елены Струковой и Владимира Леонтьева о периодике #оссируАбай, Ольги Суриковой о поэзии в смогистском журнале «Скифы», Дмитрия Рублёва о журнале ленинградских левых «Перспектива», Николая Поселягина о русскоязычной прессе Эстонии времён перестройки, Владимира Скращука об иркутском самиздате XXI века, Ольги Заславской об архивах самиздата, Ольгерты Харитоновой о лесбийском самиздате я читал взахлёб половину ночи. Но настоящая бомба альманаха, это, конечно, публикации Алексея Макарова и Николая Котрелёва о религиозных издательствах и типографиях в условиях советского подполья — да-да, эти люди вручную собирали в 1960–80-е

офсетные станки, имели прочее самодельное оборудование, делали краску бог знает из чего, а в итоге печатали десятки и сотни наименований книг и прессы, их арестовывали, сажали, но другие люди в других городах продолжали их дело. Одно из этих издательств и до сих пор не вышло из подполья — ну, сами понимаете, опыт, сын ошибок трудных, их многому научил.

До статей про ЛОБ, про толстовцев и до мемуаров я в этом альманахе “Acta samizdatica” пока не добрался, но не думаю, что они меня разочаруют» (<http://tupikin.livejournal.com/701417.html>).

3 марта 2014 г. Круглый стол «Что такое самиздат?» в Международном Мемориале

Из репортажа на странице Facebook ГПИБ России:

«Три с половиной часа, без перерыва на кофе-брейк, мы спорили о том, что такое самиздат. Круглый стол собрал не менее 70 участников, и почти каждый из них, в силу своих профессиональных интересов, соприкасался с темой самиздата. В каких случаях текст становится самиздатом? В чем отличие советского самиздата от аналогичных изданий в Восточной Европе? Существуют ли жесткие хронологические, источниковедческие и терминологические границы явления? Являлся ли самиздат предтечей электронных книг? Все эти и многие другие вопросы обсуждались 3 марта в рамках Круглого стола. Организаторы мероприятия — Международный Мемориал и Государственная публичная историческая библиотека России. С нетерпением ждем публикацию стенограммы» (<https://www.facebook.com/media/set/?set=a.601560566587404.1073741867.189599041116894&type=3>).

Сокращенная стенограмма опубликована в настоящем номере.

26–27 июня 2014 г. Международная конференция «Самиздат: эпохи, тексты, судьбы». Проходила в Москве в течение двух дней. 26 июня — в Международном Мемориале, 27 июня — в помещении Центра социально-политической истории ГПИБ России. Организаторы: Го-

сударственная публичная историческая библиотека России, Международное общество «Мемориал» (при участии Посольства Чешской Республики в Москве и Чешского центра в Москве).

Прошли пленарные заседания: «Самиздат: новые акценты в исследованиях», «Пространства самиздата», «Тексты и судьбы», «Пограничные сюжеты» и др. Организаторами конференции были собраны специалисты и исследователи неподцензурных текстов, которые представили более 30 докладов. Среди гостей и участников конференции было много известных историков и общественных деятелей, знакомых с самиздатом самым тесным образом: многие из них лично изготавливали и распространяли самиздат. География охвата тем и докладов вышла далеко за пределы территории России: среди участников были граждане Чешской республики и Испании. Докладчики предлагали различные взгляды на проблемы бытования и изучения самиздата, судьбу текстов и их создателей.

Из краткого отчета о конференции, опубликованного на сайте ГПИБ России:

«Конференция стала первым шагом в раскрытии уникальной темы. Ведь самиздат был популярен несмотря на все идеологические барьеры и преграды. Он стал культурным пластом эпохи, который значительно повлиял на дальнейшую судьбу СССР и других стран. Споры и тех или иных явлениях и особенностях самиздата не утихают до сих пор, — настолько популярна сейчас эта тема» (http://www.shpl.ru/readers/centr_sotcialino_politicheskoy_istorii/research_methodological_work/konferenciya_samizdat_epohi_sudby_teksty/).

С 2015 г. Международный Мемориал и Государственная публичная историческая библиотека России проводят заседания постоянно действующего научного семинара «От цензуры и самиздата к Закону о печати», к участию в рабо-

те которого приглашены специалисты, в чей круг интересов входит изучение истории инакомыслия, самиздата, цензуры.

В рамках семинара проведены:

12 февраля 2015 г. Круглый стол: **«Самиздат: по следам находок и утрат»**. В программе: история создания и утраты 59-го выпуска «Хроники текущих событий» и его недавнего обнаружения (Александр Даниэль, Леонид Вуль, Екатерина Шиханович и Геннадий Кузовкип); утраты коллекций (библиотечных собраний) самиздата эпохи Перестройки (сообщение Елены Струковой); о первых записях в списке документов самиздата, опубликованном на сайте «Мемориала», местонахождение которых неизвестно (сообщение Алексея Макарова). В обсуждении проблем, связанных с утратами самиздатских текстов, принял участие Габриэль Суперфин.

12 марта 2015 г. Круглый стол: **«Интернет VS Самиздат»**. В обсуждении проблем, связанных с темами интернета и самиздата, участвовали лингвист Максим Кронгауз и филолог Гасан Гусейнов. Специальный гость круглого стола — интернет-публицист Диляра Тасбулатова. Открыл заседание директор ГПИБ России Михаил Афанасьев. Среди вопросов, на которые участники обсуждения (дискуссии) попытались дать ответы, были: публикации в интернете и «самиздат», сходство и различие; можем ли мы говорить о всемирной паутине как трансформации самиздата; степень авторской ответственности; интернет — не иллюзия ли свободы, и др.

24 апреля 2015 г. Специальное мероприятие постоянно действующего семинара в формате «Библионочь в Международном Мемориале» — **«Непечатный самиздат: культурные и поведенческие: альтернативы в СССР (1950-е — 1970-е гг.)»**. Посвящено неофициальной музыкальной культуре 50–70-х годов XX в. в СССР и всему тому, что с этим связано: пластинкам «на костях», стили-

гам, бардам и «кухням» («магнитиздат»), хиппи... Участвовали: Дмитрий Петров, писатель и журналист, редактор книжной серии «История глазами Крокодила. XX век»; Федор Софронов, композитор, музыковед, собиратель архивных редкостей; Петр Трубецкой, руководитель АНО «Архивная служба авторской песни»; Ирина Гордеева, исследователь истории инакомыслия и самиздата.

Подробный отчет об этом мероприятии планируется опубликовать в следующем номере «Acta samizdatica».

14 мая 2015 г. Тема четвертого заседания «самиздатского» семинара: **«Самиздат Восточной Европы: случай ЧССР»** (проведено при поддержке посольства Чешской республики в Москве). В программе — лекция Мартина Маховца «Статус андеграунда в чешском обществе 1970-х — 1980-х гг. и специфическое значение культуры андеграунда». Маховец с конца 70-х участвовал в жизни чешского андеграунда — копировал и распространял самиздат, в конце 80-х редактировал самиздатскую литературу. С начала 90-х в качестве редактора сотрудничал с различными чешскими издательствами, в частности, для популяризации ранес запрещенной, нелегальной литературы.

Из объявления на сайте Международного Мемориала (<http://www.memo.ru/d/232433.html>)

«Понятия “андеграунд” и “подполье”, по мнению лектора, вплоть до сегодняшнего дня не имеют в чешской культуре однозначного определения. Традиционно под чешским андеграундом подразумевается сообщество, сформировавшееся в начале 1970-х вокруг рок-группы The Plastic People of the Universe. В это сообщество, впоследствии присоединившееся к чешскому диссидентскому движению, входили поэты, музыканты, художники, философы, эссеисты, а также издатели самиздата самых разных направлений и политических взглядов — от анархистов, ультралевых радикалов и хилистов до христианских традиционалистов».

На этом можно поставить многоточие, поскольку самиздат и пограничные исторические сюжеты вовлекают в свою орбиту новых исследователей. А посему надеемся, что у нашего издания «Acta samizdatica» есть перспективы!

Научно-популярное издание

**Елена Николаевна Струкова,
Борис Исаевич Беленкин,
при участии Габриэля Гавриловича Суперфина,
составители**

**АСТА SAMIZDATICA /
ЗАПИСКИ О САМИЗДАТЕ**

Альманах

Редактура и корректура В. В. Ахметьева
Художник Д. А. Сенчагов

Подписано в печать 1.06.2015. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 20,5. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО «Информполиграф». Заказ 80
111123 Москва, ул. Плеханова, 3а

Государственная публичная историческая библиотека России
101990 Москва, Старосадский пер. 9, стр. 1

Международный Мемориал
127051 Москва, Малый Каретный пер., 12.

Индекс «Художественная литература» к «Хронике текущих событий»

Новый историко-филологический ресурс¹ адресован всем, кто интересуется художественной литературой и ее ролью в послесталинском СССР. В наши дни публика может наблюдать за развитием интернет-проектов в онлайн-режиме. Собственно, такая возможность появилась сразу же с того момента, как наш ресурс был анонсирован. Наше стремление создать Индекс в режиме онлайн легко объяснимо, и не только данью моде.

Индекс — значимый компонент справочного аппарата к научному изданию «Хроники текущих событий»². Диалог и взаимодействие с интернет-аудиторией особенно эффективны для публикации исторических источников, принадлежащих к недавнему прошлому. Это в полной мере относится к «Хронике».

Работа над рукописью научного издания идет на сайте-лаборатории, для которого была выбрана вики-платформа. Приставка «вики» — знак того, что она используется для всемирно известной Википедии. Эта платформа обеспечивает миссию Википедии, позволяя объединять интеллектуальные способности и усилия интернет-пользователей.

Если суммировать все сказанное, то особенности веб-археологии XXI века превращают эту нашу заметку либо в информационное сообщение о завершении работы над Индексом, либо в пригласительный билет на торжественное открытие нового ресурса. Нам кажется, что «приглашение» звучит приятнее и точнее — ведь Индекс теперь можно использовать в полном объеме, как говорится, на всю катушку. Особо мы приглашаем участников и очевидцев событий, о которых писала «Хроника», специалистов, исследующих историю и культуру позднесоветского общества.

В Индексе — свыше тысячи записей о произведениях художественной словесности разных эпох и народов (в основном это русская литература). Каждая запись о литературном тексте связана с его упоминанием (упоминаниями) в «Хронике текущих событий». Иными словами, предлагаемый Индекс — это путеводитель для тех, кто увлечен переплетениями литературного процесса с историей. Полагаем, что приключения рома-

¹ http://hr2.memo.ru/wiki/Категория:Художественная_литература

² См. об этом: Кузовкин Г.В. Научное издание «Хроники текущих событий» и новые возможности для изучения Самиздата // *Acta Samizdatica / Записки о Самиздате : Альманах. Пилот. вып. М.: ГПИБ России; Междунар. Мемориал; Звезда, 2012. С. 35–45.*

нов, поэм, рассказов, стихотворений и т.д. интересны не только ученым-гуманитариям, — их судьбы по драматизму порой не уступали человеческим. Одни тексты превращались в опасные и притягательные «запретные плоды», другие, наоборот, служили власти или государственной идеологии. В знаменитом самиздатском бюллетене отечественная и зарубежная классика предстает участницей «текущих событий», так или иначе связанных с неофициальной общественной жизнью. С такой точки зрения лоск и статичность классики иногда исчезают, и проступает непокорное и конформистское, «криминальное» и славное прошлое великих книг.

Нам приятно поблагодарить всех, кто помог в создании Индекса. С признательностью назовем их имена: Иван Ахметьев, Владимир Батшев (Франкфурт-на-Майне), Василий Бекетов, Ольга Блинкина, Андрей Бобров, Илья Бурмистрович, Сергей Быковский, Юлия Вишневская (Ришон-ле-Цион, Израиль), Николай Гладких, Дмитрий Ермольцев, Наталья Елкина, Кристина Йонутите (Вильнюс), Николай Костенко, Анна Крахотина, Марк Куповецкий, Шохиста Магвуд (Лондон), Ольга Неклюдова, Леонид Новак, Анна Обухова (Ижевск), Мария Орлова, Юлия Рейфшнейдер, Ольга Розенблюм, Том Роули (Кембридж), Елена Савенко (Новосибирск), Виктория Смотряцкая, Элизабет Теиро (Париж–Москва), Хартмуте Трепер (Бремен), Мария Фокина (Канада), Татьяна Хромова (Бахмина), Раиса Чубински (Вашингтон), Дмитрий Эйсер.

В ходе работы над Индексом возникли замыслы экспериментов, способных существенно уточнить и развить знания о Самиздате. Воплотить эти замыслы можно вместе с нами: мы будем рады взаимодействию с теми, кто любит историю и литературу.

Координаторы проекта

Геннадий Кузовкин
(memo.projects@gmail.com)

Жозефина фон Цитцевитц
(josephine.vonzitzewitz@new.ox.ac.uk)

Составители Индекса

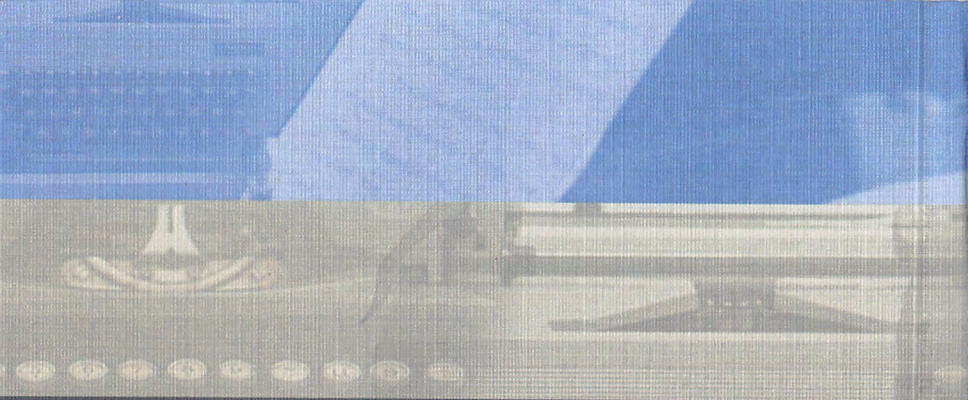
Геннадий Кузовкин, Дмитрий Зубарев

Сотрудники проекта

Александр Базаря, Наталия Васильева, Николай Гладких, Анна Кирзюк (Санкт-Петербург), Дмитрий Козлов, Вячеслав Крахотин, Лев Крыленков (Санкт-Петербург), Кирил Попов, Марина Фадеева, Олег Шубин и др., при участии стажеров Алисы Йорган и Мадлен Стерн

Эксперты

Михаил Бейзер (Израиль), Александр Даниэль, Вячеслав Долинин (Санкт-Петербург), Лариса Еремина, Катриона Келли (Оксфорд), Сергей Ларьков, Василь Овсиенко (Киев), Борис Равдин (Рига),

А Л Ь М А Н А Х

в ы п у с к в т о р о й